

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алтайский государственный технический университет
им. И. И. Ползунова

БАРУЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Научный альманах

Выпуск 4 АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

ISBN 978-5-7568-1506-1

Изд-во АлтГТУ
Барнаул • 2024

Об издании – [1](#), [2](#)

© Авторы публикаций, 2024
© Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова, 2024

УДК 1+81+37
ББК 87+88.5+81+74.48
Б 24

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. А. В. Иванов (АлтГАУ)
канд. филол. наук, доцент Е. А. Капустина (АлтГПУ)

Б 24 БАРУЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ : Научный альманах. Выпуск 4. Актуальные вопросы познания и образования : сборник научных статей / науч. ред. В. Ю. Инговатов ; ред.-сост. И. В. Демин. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2024. – 162 с. – URL : https://journal.altstu.ru/konf_2024/2024_1/136/. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7568-1506-1

В новом, четвёртом выпуске научного альманаха «Барулинские чтения» исследуются актуальные вопросы познания и образования с акцентом на гносеологических и аксиологических измерениях многомерности человеческого бытия. В сборнике статей раскрываются теоретические и прикладные аспекты изучения познавательной и образовательной активности человека в свете инструментария метафизики духовной жизни, методологии и социологии познания, психоанализа, когнитивной лингвистики и социолингвистики, социальной психологии, теории и методики обучения и воспитания.

Издание предназначено для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется новейшими проблемами и тенденциями в анализе взаимообусловленных процессов познания и образования.

Сборник научных статей
Минимальные системные требования
Yandex (20.12.1) или Google Chrome (87.0.4280.141) и т. п.
скорость подключения – не менее 5 Мб/с, Adobe Reader и т. п.

Дата подписания к использованию 20.11.2024. Объем издания – 3 Мб.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», 656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46, <https://www.altstu.ru>.

ISBN 978-5-7568-1506-1

[вперед \(к содержанию\)](#)

© Авторы публикаций, 2024
© Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	5
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. СОЗНАНИЕ И ЯЗЫК: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЛИКАЦИИ	6
Н. Ю. БУХНЕР	
КОГНИТИВНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КАТЕГОРИЗАЦИИ СТАТУСА ИНДИВИДА: РЕКОНСТРУКЦИЯ МОДЕЛИ.....	6
В. Ф. ВАСИЛЬЕВ, С. Ф. ВАСИЛЬЕВ	
ФЕНОМЕН ОБРАЗА ДВИЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖА СНА КАК ПРОЦЕСС БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ПОСТИЖЕНИЯ И ОБРАЗНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СНОВИДЦА	12
Е. Б. ВОЗНЮК	
МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ	24
Е. Б. ВОЗНЮК	
МЕТАФОРА В НАУКЕ	30
И. В. ДЕМИН	
СЛОВО О ФИЛОСОФЕ. ПАМЯТИ В. Д. БОРОВИКОВА.....	35
С. М. ЖУРАВЛЕВА	
ПРОСТРАНСТВО СМЫСЛА: ОПЫТ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	43
Н. Д. ЗОЛотоВА	
АКТИВНОСТЬ СУБЪЕКТА НА ЭМПИРИЧЕСКОМ И ТЕОРЕТИЧЕСКОМ УРОВНЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	60
Н. Д. ЗОЛотоВА	
ПРАКТИКА КАК ОСНОВА ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ.....	70
И. В. РОГОЗИНА	
ДИСКУРС Д. ТРАМПА КАК ПРОЕКЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	81
Н. В. ЦЫГАНЕНКО	
РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА.....	90
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСКУРСЫ ОБРАЗОВАНИЯ.....	95
Г. В. ГИКАЛ	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	95
И. В. ДЕМИН	
РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ (ПО ПУТИ ХАЙДЕГГЕРА). ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	100

М. В. РЫГАЛОВА	
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И.И. ПОЛЗУНОВА).....	107
В. Ф. СТЕНИНА	
РУССКИЙ МИР И КУЛЬТУРНЫЙ КОД: О ПОТЕНЦИАЛЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»	113
Ю. Н. ТАТАРКИНА	
РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ ЭФФЕКТИВНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ БУДУЩЕГО	120
Н. А. ШУПТА, Ж. Б. СУЛЕЙМЕНОВА	
РАЗВИТИЕ SOFT SKILLS В КУРСЕ «КОМАНДНАЯ РАБОТА И ЛИДЕРСТВО»	127
В. А. ЯРОВИКОВА, И. А. ПАНЧЕНКО	
ПРОГРАММА ЛОЯЛЬНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. И. ПОЛЗУНОВА).....	133
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА	140
В. Е. ГОРБУНОВ, Е. Ю. ПОЗДНЯКОВА	
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ИНЖЕНЕРОВ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	140
В. В. КУЗНЕЦОВА, Е. Ю. ПОЗДНЯКОВА	
РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	144
М. А. ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ, Е. С. СТЕПАНОВА, Ю. Н. ТАТАРКИНА	
ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ.....	149
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	159

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сборник статей, с которым может ознакомиться читатель, посвящен анализу ряда важных мировоззренческих и социально-значимых проблем. Индивидуальность в стилистике мышления исследователей не размывает общего смыслового поля в анализе перспективных научных направлений. В этом плане важно отметить, что уровень развития гуманитарного и социального знания, содержание и направленность вопросов, обсуждаемых в нем, есть отражение подлинного состояния динамики и тенденций общественного развития. Новые вызовы стали и новой реальностью, в которой особое значение приобретает дискурс, сочетающей эмпирические исследования и теоретизирование достаточно высокой степени абстрактности. Авторы сборника, имея разные познавательные установки и методологические траектории, попытались сформулировать свой ответ на решение этих актуальных проблем.

Наше нынешнее бытие оказалось достаточно далёко от аксиологической определенности, которая, как казалось, прочно установилась в обществе за последние два-три десятилетия. Срез повседневной жизни человека показывает, что она пронизана психологической напряженностью и тревогой, в обществе нарастают противоречия, идет столкновение коренных интересов, а в области мировоззрения и универсальных идей господствует плюрализм. Социо-гуманитарное знание концептуализирует многообразие состояний человеческого проживания в мире. «Что есть мир для человека? Что есть человек для мира?» – эти вопросы получают новые интерпретации и дальнейшее терминологическое наполнение.

Сборник статей «Барулинские чтения» стал традиционным форматом для кафедры философии и социологии, а также других подразделений Гуманитарного института АлтГТУ, где реализуется потенциал исследователей, изучающих процессы в области философии, методологии познания, лингвистики, социальной психологии, теории и методики обучения и воспитания. Отдельный раздел посвящен студенческой науке, как демонстрации преемственности в научной работе университета.

доктор философских наук, профессор
В. Ю. Инговатов

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. СОЗНАНИЕ И ЯЗЫК: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЛИКАЦИИ

УДК 81

Н. Ю. БУХНЕР

КОГНИТИВНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КАТЕГОРИЗАЦИИ СТАТУСА ИНДИВИДА: РЕКОНСТРУКЦИЯ МОДЕЛИ (SIMULATION OF COGNITIVE-AXIOLOGICAL ATTRIBUTES OF INDIVIDUAL STATUS CATEGORIZATION)

Аннотация. Целью статьи является реконструкция модели когнитивно-аксиологических признаков категоризации статуса индивида. Опираясь на результаты экспериментального исследования, авторы реконструируют модель, включающую в себя семь признаков, используемых респондентами при категоризации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категоризация, реконструкция модели, статус индивида, богатый человек.

Abstract. The objective the research paper is simulation of cognitive-axiological attributes of individual status categorization. Based on the results of the experimental study, the model includes seven attributes used by respondents in categorization.

Keywords: cognitive linguistics, categorization, simulation, individual status, rich person.

Когнитивная лингвистика, рассматривающая языковые проявления деятельности человеческого сознания, является одним из перспективных направлений исследования ментальных структур, отражающих тот или иной фрагмент социальной реальности. Поскольку в рамках лингвокогнитивного подхода проводится исследование когнитивных процессов «с применением к языковому материалу собственно лингвистических методов анализа, за чем следует когнитивная интерпретация результатов исследования» [9, с. 2,] это делает возможным анализировать и соотносить ментальные структуры с их языковыми коррелятами.

По мнению ведущих лингвистов-когнитивистов [3, 5-7, 10, 12] окружающая человека реальность (как и ее фрагменты) представлена в сознании человека в виде образов. Другими словами, образ мира, понимаемый нами как сложная целостная субъективная модель множества образов действительности, продуцируемая сознанием человека, позволяет фиксировать концептуальный мир человека. Языковой образ мира «схематичен, поскольку его фактура сплетается преимущественно из отличительных признаков, положенных в основу категоризации и номинации предметов,

явлений и их свойств» [3, с. 67], его сущность и особенности содержания связаны с определенным языком, имеют этнокультурную специфику.

Когнитивное моделирование индивидом окружающего мира включает в себя и результат преобразовательного процесса – опознания образов, описываемого как «процесс перцептивной категоризации, отнесения воспринимаемого объекта к одному из множества классов на основе опознавательных признаков» [1, с. 216]. Исследование фрагментов образа мира позволяет получить доступ к «опосредованному отрефлексированному восприятию» [11, с. 559] посредством обращения к одному из результатов опыта индивидуального социального взаимодействия – когнитивной структуре. Она включает в себя единицы оперативного сознания наивного сознания языковой личности, отражающие концептуализацию мира человеком [2, с. 188]. Концептуализация, рассматриваемая нами как «процесс определения набора когнитивных признаков какого-либо явления реального или воображаемого мира, которые позволяют человеку хранить в сознании и пополнять новой информацией сколько-нибудь очерченное понятие и/или представление об этом явлении и отличать его от других феноменов» [4, с. 41], взаимосвязана с процессом категоризации понимаемым в работе как «объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды» [6, с. 93]. По нашему мнению, в основе категоризации как когнитивного процесса отдельного индивида лежит значимость, трактуемая как «особое ценностное измерение мира, объективно присущее миру и не конституированное актом сознания, а открывающееся в нем» [8, с. 224].

С целью построения модели когнитивно-аксиологических признаков категоризации статуса индивида нами было проведено экспериментальное исследование среди 60 студентов АлтГТУ в 2022 году. Под когнитивно-аксиологическими признаками, в работе мы понимаем ценностный компонент процесса восприятия, распознавания и идентификации объектов социальной реальности. Другими словами в процессе когниции (как процесса, включающего в себя и восприятие, и осознание и последующее воспроизведение объекта) человек выделяет отличительные признаки объекта, являющиеся значимыми, прежде всего, для самого индивида и как следствие представляющие для него определенную ценность. Под категоризацией статуса мы понимаем сложный когнитивно-аксиологический процесс отнесения воспринимаемого объекта – определенного индивида, к одному из социальных слоев общества в соответствии с экономическим признаком: бедный человек, человек среднего класса, богатый человек.

Материалом для реконструкции модели когнитивно-аксиологических признаков категоризации статуса послужили 60 реакций, являющихся ответами на открытый вопрос: «Как Вы понимаете, что перед Вами богатый человек?». Такая формулировка вопроса позволила нам вывести на табло сознания респондентов значимые для них когнитивные признаки, опираясь на которые происходит процесс категоризации окружающей реальности, в данном случае соотнесение визуального образа человека

с когнитивными структурами. Ответы респондентов были представлены как однородными (моногоеническими) (5,7 %), так и многокомпонентными реакциями (94,3 %), включающими от 1 до 6 признаков категоризации. Обработка реакций проходила в несколько этапов: во-первых, многокомпонентные были разделены на моногоенические (включающие только один категориальный когнитивный признак) фрагменты. На втором этапе, полученные 122 моногоенических фрагмента были отнесены к 7 когнитивно-аксиологическим группам признаков.

Исследование показало, что **внешний облик** объекта выходит на первый план в процессе опознания его статуса и соотнесения с уже существующими у индивида когнитивными схемами. Этот признак зафиксирован в 33,6 % моногоенических фрагментов, и включает в себя такие сегменты как: наружность, одежда и запах:

– **наружность** (58,5 %): *внешний вид* (10), *внешность* (1), *ухаженность* (1), *ухаженное лицо* (1), *ухаженно выглядит* (1), *опрятно одет* (2), *опрятный* (3), *у таких людей опрятный вид* (2), *чистые волосы, руки, лицо* (1), *хорошо выглядит* (1);

– **одежда** (36,6 %): *хорошо одет* (3), *возможно скромная, но дорогая одежда* (1), *он в тапках Gucci* (1), *богато одет* (1), *роскошно одет* (1), *предпочитает дорогие вещи* (1), *одет в дорогую одежду* (1), *одежда премиальных брендов* (1), *хорошо одетый* (1), *какие-то дорогие аксессуары* (1), *по наличию аксессуаров* (1), *одет со вкусом* (1), *прилично одет* (1);

– **запах** (4,9 %): *от них исходит приятный аромат духов* (1), *парфюм/духи/приятный запах* (1).

Одновременно с анализом внешнего облика субъекта происходит и оценка его коммуникативных навыков, особенностей поведения, что отметили 23,8 % опрошенных, реакции которых были отнесены нами к когнитивно-категориальному признаку **поведение**, включающего в себя такие сегменты, как речевое поведение, поведение и беседа:

– **речевое поведение** (41,4 %): *манера речи* (3), *уверенная речь* (2), *развитая речь* (1), *очень развитая речь* (1), *умеют грамотно и четко строить свою речь* (1), *речь связанная* (1), *богатая речь* (1), *обладает хорошей речью* (1), *манера речи более грамотная* (1);

– **поведение** (37,9 %): *поведение* (2), *такие люди всем видом показывают, что у них все хорошо* (1), *особые манеры* (1), *солидный* (1), *такой человек выделяется из толпы* (1), *весь на «понтах» (в юном возрасте)* (1), *ведет себя приподнято* (1), *умеющие отстоять свою позицию, приводя грамотные аргументы* (1), *он может расположить к себе* (1), *умеют идти на компромисс* (1);

– **беседа** (20,7 %): *такие люди обычно умеют поддерживать беседу* (1), *с ним приятно вести беседу* (1), *с ним интересно в беседе* (1), *умеют поддержать разговор* (1), *по манере общения* (1), *с ним приятно общаться* (1).

Результаты исследования демонстрируют, для что 13,1 % респондентов **личностные качества** объекта являются определяющим признаком

для его последующего соотнесения с определенным статусом. Полученные моногенические фрагменты реакций были разделены нами на четыре группы признака в соответствии с их смысловым содержанием:

– **уверенность** (50 %): *не боятся перемен (1), полон амбиций (1), он уверен в себе (1), уверенность (2), его взгляд уверенный (1), отсутствие скованности (1), не зажат (1);*

– **целеустремленность** (31,25 %): *видно в его воле к жизни (1), он упорен (1), имеет цель (1), у него есть цели, и он к ним стремится (1), полон мотивации (1);*

– **открытость** (12,5 %): *открытый (1), он открыт душой (1);*

– **энергичность** (6,25 %): *полон энергии (1).*

Материальный достаток является существенным параметром категоризации для 9,9 % опрошенных студентов, отметивших в своих ответах такие признаки богатого человека, как деньги, имущество:

– **имущество** (58,3 %): *дом (1), машина (1), дорогая машина (1), автомобиль бизнес-класса (1), ездит на Мерседесе (1), дорогие предметы (1), есть всё для комфортной ему жизни (1);*

– **деньги** (41,7 %): *у него есть деньги (2), у человека есть денежные средства, которыми он может воспользоваться (1), финансово обеспеченный (1), способы стабильного заработка (1).*

По мнению 8,2 % опрошенных **образованность**, проявляемая в интеллекте, уровне знаний и просвещенности, является одним из признаков богатого человека: *интеллект (1), обладают многими знаниями (1), он много знает (1), знает, как добиться успеха (1), развитый человек во всех направлениях (1), достаточно образован (1), грамотные (1), начитанные (1), человек начитанный (1), по его рассуждениям и высказываниям (1).*

Образ жизни богатого человека также является основанием для определения статуса человека, что и было отмечено в 5,7 % моногенических фрагментах ответов респондентов: *образ жизни (1), привычки (1), такой человек имеет другие приоритеты в жизни (1), много возможностей (1), какие-либо увлечения (1), у него много интересов (1), всегда в группе друзей (1).*

Отношение человека к жизни в целом, как зафиксировали 5,7 % студентов, является показателем богатства человека, ответы которых мы объединили в когнитивный признак **настроение**: *такие люди самые счастливые (1), он счастлив (1), они радостные (1), ценят свою жизнь (1), он весел (1), в приподнятом настроении (1), позитивный (1).*

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили нам реконструировать лингвокогнитивную модель, включающую в себя множество (семь) существенных, объективно значимых признака категоризации статуса индивида в наивной картине мира студентов (рис. 1)

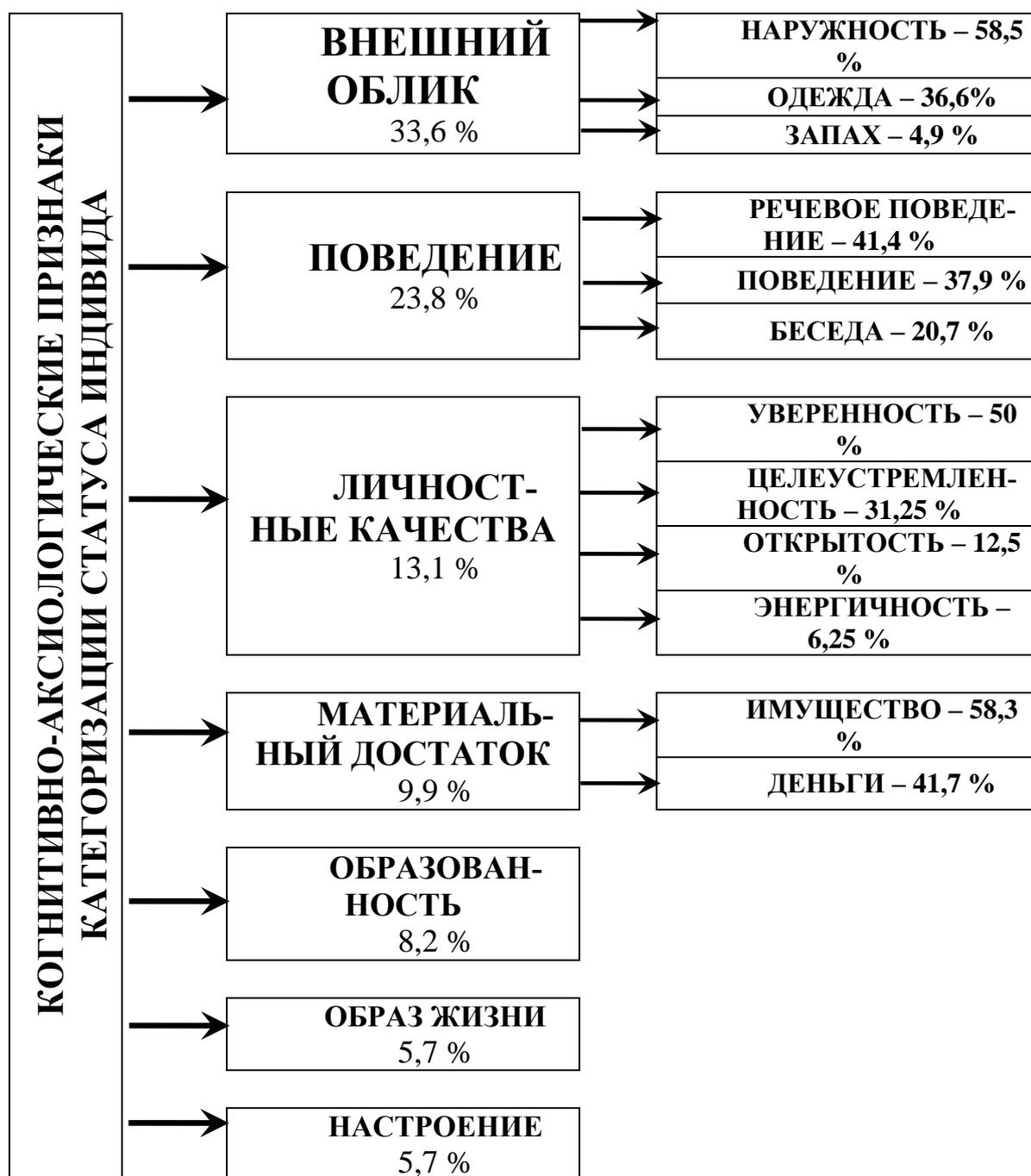

Рисунок 1 – Модель когнитивно-аксиологических признаков категоризации статуса индивида

Реконструированная модель показывает, что, во-первых, лингвокогнитивная категория СТАТУС ИНДИВИДА является множественной и представлена совокупностью семи когнитивно-аксиологических признаков, четыре из которых являются комплексными, включающими в себя схожие элементы. Во-вторых, центральными, наиболее значимыми, существенными признаками для категоризации статуса выступают: внешний облик, поведение и личностные качества опознаваемого объекта, следом за ними идут материальный достаток, образованность, образ жизни и настроение. В-третьих, опознание и категоризация индивидом статуса объекта и соотнесение его с определенной социально-экономической группой проис-

ходит при наличии у объекта как всей совокупности признаков, так и любой ее части. В-четвертых, указанные признаки не являются специфичными только для категории СТАТУС ИНДИВИДА, а наоборот, могут быть существенными при категоризации многих объектов социальной реальности.

Список литературы

1. Авдеева, Н. Н. Большой психологический словарь / Н. Н. Авдеева, Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко – СПб.: Прайм-Еврознак. – 2009. – 409 с.
2. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурораспецифичных контекстах / А. Вежбицкая. // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 185-206.
3. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
4. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании / Е.В. Дзюба – Уральский государственный педагогический университет, 2015. – 286 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004 – 390 с.
6. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996 – 245 с.
7. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова – М., 2004. – 200 с.
8. Кускова, С. М. Аксиология в структуре философского знания / С.М. Кускова // Вестник культурологии. – 2013. – №. 1 (64). – С. 223-234.
9. Подкопаева, О. И. Лингвокогнитивный подход к изучению концептов в отечественном языкознании / О.И. Подкопаева // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – № 3. – С. 1-5.
10. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
11. Садовский, Я. Доброта и озорство: аксиология восприятия советской мультипликации / Я. Садовский // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10, № 2. – С. 558–576.
12. Eysenck, M. W. Cognitive psychology: A student's handbook / M. W. Eysenck, M. T. Keane. – Psychology press, 2020.

В. Ф. ВАСИЛЬЕВ, С. Ф. ВАСИЛЬЕВ

**ФЕНОМЕН ОБРАЗА ДВИЖЕНИЯ ПЕРСОНАЖА СНА
КАК ПРОЦЕСС БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ПОСТИЖЕНИЯ
И ОБРАЗНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СНОВИДЦА
(THE PHENOMENON OF THE MOVEMENT IMAGE OF A
DREAM CHARACTER AS A PROCESS OF UNCONSCIOUS
COMPREHENSION AND FIGURATIVE REPRESENTATION THE
PSYCHOLOGICAL STATE OF THE DREAMER)**

Аннотация. В статье рассматривается феномен образа движения сновидца в качестве персонажа собственного сновидения. Феномен, представляет собой устойчивый повторяющийся паттерн в виде траектории движения персонажей сновидения и коррелирующих с ним: геометрической организацией пространства внутри сновидения и структуры сновидческих событий в этом пространстве. Данный феномен имеет важное значение для понимания психологических проблем личности. Информация о характеристиках движения сновидца во сне может быть использована в терапевтической практике. Проводится аналогия между образом движения сновидца в сновидении и образом движения персонажей в произведениях кинематографа.

Ключевые слова: психология сна, образ движения в сновидении, траектория движения сновидца, танцевально-двигательная терапия, кинематограф.

Abstract. The article examines the phenomenon of the dreamer's image of movement as a character in his own dream. The phenomenon is a stable repeating pattern in the form of the trajectory of movement of dream characters and correlated with it: the geometric organization of space within the dream and the structure of dream events in this space. This phenomenon is important for understanding the psychological problems of the individual. Information about the characteristics of the dreamer's movement during sleep can be used in therapeutic practice. An analogy is drawn between the way the dreamer moves in a dream and the way characters move in works of cinema.

Keywords: the psychology of sleep, the image of movement in a dream, the trajectory of the dreamer's movement, dance movement therapy, cinema.

Человек живёт в пространстве и времени. Человек движется через пространство и время. Если мы посмотрим на такой феномен, как сновидение, то можем сделать вывод, что в сновидении мы существуем и движемся также в пространстве и времени, только обладая большими возможностями. Не будет преувеличением назвать сновидение ментальной моделью реальной жизни человека, творческим, интуитивным произведением, созданным из изобразительного и ментального материала пережитого опыта человека.

Во сне мы тоже действуем, движемся в пространстве и времени, хотя сновидение часто игнорирует физические законы, например, гравитации, но, тем не менее, это узнаваемое нами пространство, как своё, привычное, но с новыми связями между объектами. Сновидческое пространство является визуальной репрезентацией физического пространства в сновидении и

состоит не только из визуальных представлений, но и из проприоцептивных ощущений в теле, которые сновидец испытывает во время сновидения, а также из зачатков кинестетических переживаний, когда во сне, у человека начинают двигаться части тела, синхронно снующемуся ему движению. Все эти переживания в совокупности являются выражением общей целостности, которую мы будем называть «сновидческое пространство».

Если сновидческое пространство имеет давнюю историю исследования, то манера, способ, траектория движения персонажей сна и закономерности движения персонажей сновидения практически не изучалась. Паттерн траектории движения персонажа сновидения мы и будем называть «образом движения». Кроме геометрической составляющей, это понятие включает эстетические характеристики образа, свойство линии траектории движения выражать смысл, содержание сновидения. Эта неисследованная и интригующая загадками для науки область, может стать одним из ключей к природе сновидения.

Такие феномены, как физическое движение человека, его психическая составляющая изучаются давно и подробно. Развитие телесно-ориентированной и танцевально-двигательной терапии показывает продуктивность этого направления. Движению же непосредственно в сновидении практически не уделяется внимания. Его не замечают, как феномен. Теоретическая и практическая работа идёт с образностью и сюжетностью, оставляя манеру и стиль движения персонажей сна на задворках исследований. Это маргинализирует феномен, но от этого он не перестаёт существовать.

Танцевально-двигательная терапия напрямую занимается тем, как человек движется, изучая его уникальный способ движения, психотерапевт или аналитик обращает внимание на походку, осанку, жестикуляцию и произвольные движения пациента, но никто не исследует – как человек движется в своём сновидении (сновидческом пространстве).

Общеизвестны универсальные темы и символы во сне, свойственные большинству людей, независимо от возраста, пола, национального, социального и другого происхождения. Если мы касаемся темы движения, то такие сновидческие символы – как дорога, движение по дороге, в транспорте или без – исследователи в большинстве случаев определяют - как символизацию жизненного пути, судьбы, движения развития в перспективе жизни.

Мы предлагаем посмотреть на это подробнее. Если движение «по дороге» - символ жизненного пути, то что символизирует траектория данного движения, направление и последовательность движения по данной «дороге»?

Очевидно, что траектория имеет значение. Траектория «жизненного пути» - это некая *конфигурация проживания жизни в динамике*. Индивидуальная особенность жизни (движения во всех аспектах) – «рисунок судьбы».

Этот феномен приобретает особое значение, когда подобная конфигурация движения повторяется в сновидениях человека снова и снова. Меняются сюжеты. Уже нет, например, «движения по дороге», а есть, к примеру, «поглаживание рукой по волне волос». Но конфигурация – траектория движения остаётся той же – «дорожной». Очевидно, что такой процесс не может быть случайным, и он должен нести важный смысл для понимания человека, его жизненной ситуации и личности в целом.

Ещё более интересная картина открывается, когда мы начинаем рассматривать внимательнее сами повторяющиеся траектории в сновидении *в контексте жизни пациента*. В траектории, в её форме – мы видим *мысль, идею*. Подобно тому, как в линиях и формах скульптуры мы видим мысль и чувства скульптора.

Рассматривая траекторию движения феноменологически, мы можем констатировать, что она представляет собой некий картографический чертёж; рисунок движения; графический след, оставленный в пространстве. По сути это графическая, визуальная проекция наших чувств, переживаний и процесса мысли.

Этот «рисунок», оставленный *направленным* движением сам представляет собой законченную пространственную Форму. Важно то, что он не хаотичен, он не является «броуновским движением», он *структурирован*. Структура, по определению, не может быть бессмысленной самоорганизацией. Любая самоорганизация – это соединение в «организм» (организацию), который уже есть некий «порядок», алгоритм, то есть по сути – осмысленность.

Структура уникальна и несёт смысл. Ведь процесс структурирования, по своей природе, происходит вокруг *какой-то определённости*, чего-то одного, отличающегося от всего остального, какой-то выбранной уникальности. Момент выбора, сам процесс выбора – говорит о работе мысли, сознания или чего-то подобного человеческому сознанию (если мы говорим о структуре окружающих предметов – природных объектов).

Как отмечал Сергей Эйзенштейн: «Двигательный акт есть одновременно акт мышления, а мысль – одновременно – пространственное действие» [8, с. 293]. Танцтерапевт Хильда Венгровер дополняет: «В танцевально-двигательной терапии сама форма и есть содержание, она содержит смысл» [4, с.59]. Мы считаем, что это полностью приложимо и к движению во сне. Мы видим в форме траектории заключённую в ней мысль, идею, смысл.

Можно привести примеры из классического балета. Не все знают балетные термины, но все когда-нибудь видели специфические фигуры балета. Они узнаваемы. Будь то камбре', когда балерина грациозно прогибает спину назад, или знаменитый арабеск, с подъёмом одной, выпрямленной ноги и отведёнными в стороны руками, подобно крылья. Эти и др. фигуры балета несут *в своей форме* уже какую-то идею и чувство, вызывают, что важно, *определённые ассоциации*.

Мысленно последуем дальше за балериной, например за изящным шагом – па де бурре' с переходом в прыжок гранд жете' с поворотом. Создадим кинограмму всего движения, где прыжок будет состоять из десятка стоп-кадров, сделанных последовательно, друг за другом на долях секунды. У нас получится примерно 12-15 стоп-кадров фаз движения прыжка. Мы визуально увидим ритм живой структуры. Полифонию движения.

Когда смотришь на подобную развёрнутую и целостную картину движения, как на своеобразную «скульптуру» прыжка, состоящую из 15 фигур балерин (фаз движения), то видишь наглядно образ, «нарисованный» движением. Этот же образ, мы улавливаем, находясь в театральном зале и наблюдая спектакль. Только там он предъявляется нам достаточно быстрым движением. Мы его считываем скорее бессознательно. Можно сказать через своеобразную двигательную эмпатию. По нашему мнению, это означает, что зрелище прыжка имеет внутреннее содержание смыслов и чувств – раз мы можем его прочувствовать и понять, сами не танцуя (непосредственно задействовано не наше тело, а воображение), сидя в зале.

Английский поэт Уильям Блейк считал, что «нужно развить воображение до состояния зрения» [3]. Имеется в виду не совершенствование зрительной изобретательности, а то, что развитое воображение в состоянии видеть подлинный мир, скрытый от нас каузальностью и повседневностью. Подобный процесс видения мы наблюдаем в создании и в восприятии произведений искусства. Мы «читаем», прочитываем образ, находящийся «за кулисами» материальной действительности.

Возвращаясь к кинограмме па де бурре' с переходом в гранд жете' с поворотом – мы видим образ более подробно. Из множества вариантов движения данный прыжок, *структурировал* движение вокруг определённой формы. Изначально это сделал режиссёр-постановщик и хореограф в своём воображении. Мы ясно видим на кинограмме образ некой волны, разворачивающейся, «набегающий прибоем» в трёхмерном пространстве. И по вертикали, и по горизонтали. Перед нами изящная интерференция волн. Но и это не исчерпывает образа. Структурирование происходит и на других уровнях. Положение взлетающих ног и рук, всей фигуры балерины в трёхмерном пространстве даёт множество ассоциаций и коннотаций. Здесь и образ парящей птицы, и порыв к чему-то в высоте, с устремлёнными ввысь руками и обращённым туда же лицом, даже образ стрелы (в мужском исполнении) и многое другое.

Это, по сути, есть то, что мы называем образом движения. Если зарисовать то, как мы движемся в своём сне в виде траектории на бумаге или в компьютере, используя 3D-графику, если создадим кинограмму своего движения в пространстве сна – мы получим тот же результат. Скорее всего, не столь изящный, но исполненный образностью.

Как отмечает Хильда Венгровер: «В танцевально-двигательной терапии используют не только, так сказать, наблюдаемое тело, но и тело символическое и метафорическое» [4, с.56]. Развивая мысль Венгровер, можем

продолжить - что как раз в сновидении мы наблюдаем движение символического и метафорического тела в аутентичном виде.

Устойчивые повторяющиеся паттерны движения во сне – явно отличаются от спонтанного движения днём, в повседневности, где движение обуславливается утилитарными, бытовыми задачами и подвержено влиянию фактора случайности окружающей среды.

Например, повторяющимся паттерном движения в сновидении одной из наших пациенток была траектория движения по спирали. Человек, в своей бытовой, повседневной жизни к такому движению не прибегает. По крайней мере, подобное движение будет не конгруэнтно в быту и обычной жизнедеятельности. Но почему – спираль?

Ответом стала жизненная ситуация пациентки, её внутренние конфликты отношений, проблема созависимости и неразрешённой сепарации. Когда пациентка, находясь в «магнитном поле» созависимости, пытается идти собственным путём, но, неизменно оказывается «вращающейся в орбите» людей, от которых зависит.

Находясь в «магнитном поле» родительских комплексов, не разрешающих сепарацию своему взрослому ребёнку, двигаться вверх «по спирали» к своим целям путём невероятных усилий, не покидая орбиту родителей. Или двигаться вниз, опять же в «орбите витков спирали» вокруг родителей в сторону отказа от себя и невроза.

Таким образом, траектория спирали – оказалась образом, метафорой, символизирующей жизнь пациентки. Спираль – это не простое, спонтанное движение, здесь мы видим графическую идею, продукт осмысления всей жизненной ситуации пациентки. Но, кто осмыслял, кто мыслил? Кто создал визуальный, геометрический образ и закодировал его в «утилитарных», на первый взгляд, движениях в сюжете сна?

Например, нашей пациентке снится обычный лифт, на котором она поднимается в квартиру. Она заходит в лифт и нажимает кнопку. Всё обычно, кроме одного – лифт едет по спирали. Действие, само движение – бытовое, но траектория сюрреальна.

Необходимо подчеркнуть, что образ движения – траектория движения – трудна для восприятия. Всё из-за того, что траектория не нарочита, она незаметна. Заметны коллизии сюжета сновидения – отношения, поступки, события, но, проще говоря – под ноги себе во сне никто не смотрит. Человек движется во сне обычно, «как всегда». Только сконцентрировав внимание при вспоминании сновидения – а как я в такой-то ситуации шёл, как двигался? – человек начинает вспоминать, что двигался он не просто, как обычно в жизни, а оказывается с определённым стереотипным направлением или конфигурацией. У движения есть лейтмотив.

Странным образом, снова и снова, в разные дни и ночи, человек повторяет рисунок движения во сне, хотя сами сюжеты снов не повторяются. Мало того сны, в которых зафиксирован один и тот же образ движения могут наблюдаться по времени с большим промежутком, вплоть до нескольких лет, а могут сниться каждый день, несколько дней подряд.

Получается в движении во сне, казалось бы, где сновидец просто идёт куда-то, перемещается, в его манере идти и направлении движения – закодирован важный смысл. Если начертить траекторию его движения в конкретном сновидении – мы получим образ, знак, символ, иероглиф, если хотите. А нам казалось, что мы просто ходили и общались с персонажами своего сна, не вкладывая никакого смысла в манеру движения и её траекторию.

В это время наши ноги, буквально на снящимся во сне - песке, траве, асфальте или паркете - прочерчивали Образ, визуальную метафору. И не только ногами, но и колёсами своего авто и вообще всем телом, двигаясь в сложных, гибких движениях. Порой это может быть аутентичный танец, порой полёт.

Читая у Зигмунда Фрейда в «Толковании сновидений» в описаниях его собственных сновидений: «Гофрат Л. ... пробирается по коридору, держа перед собой в вытянутой руке лампу... Мы проходим через площадь», или в другом сне: «Не совсем одетый я поднимаюсь по лестнице из квартиры... При этом я каждый раз перескакиваю через три ступеньки...» [7, с. 137, 188] – во всех этих сновидениях есть передвижение в пространстве, но, к сожалению, Фрейд не обратил внимание на образ своего движения в этом пространстве, сосредоточившись на других важных моментах.

В другом примере, в сновидениях пациентов Фрейд отметил направление движения персонажа сна, но вскользь, как не имеющее важный смысл: «Он находится в партере оперного театра на представлении «Фиделио» с Л., симпатичным человеком, с которым он охотно бы подружился. Внезапно он *наискось* пролетает над всем партером...» [7, с.291].

Жак Деррида [2] отмечал, что у Фрейда в «Толковании сновидений» недостаточно графического способа отображения при изучении темы сновидений. Мы, со своей стороны, добавляем, что графический анализ траектории движения во сне действительно открывает новые возможности в прочтении сновидения.

Из терапевтических сессий с нашими пациентами мы сделали вывод, что устойчивые, повторяющиеся траектории движения, устойчивые паттерны движения во сне присущи многим людям. У наших пациентов сновидения с выраженным повторяющимся паттерном образа движения составляли от одного до трёх в месяц из общего количества запомнившихся сновидений.

Эта тенденция может повторяться несколько месяцев, а затем несколько месяцев не наблюдаться. У некоторых людей повторяющийся паттерн траектории движения проявляется в момент обострения внутренних (психологических) конфликтов, ухудшения общего состояния, в период кризисов, стрессов. Мы допускаем, что хотя мы и не встретили пока в своей практике пациентов с полным отсутствием данного феномена в сновидениях, но отрицать эту возможность будет не корректно. Подобный вопрос требует более тщательного количественного исследования.

На основе нашего опыта мы можем выделить ключевые факторы из которых строится феномен повторяющегося паттерна образа движения в сновидении:

- 1) повторяющаяся траектория движения самого сновидца в качестве персонажа собственного сна;
- 2) повторяющиеся траектории движения других персонажей сновидения;
- 3) геометрическая организация сновидческого пространства (фон, пейзаж, окружающая обстановка в сновидении);
- 4) траектория развития события, графическая проекция развития всего события, как целостности.

Если первые два фактора понятны, то по другим необходимо сделать разъяснение.

Геометрическая организация пространства сна, расположение объектов во сне, архитектуры, домов, улиц и т. д. даже их форма – всё может быть воплощением того же образа движения, той же траектории по которой движется сновидец. Вернее антураж не всегда, но иногда может работать на ту же графическую *движущуюся цель*, помогать своей геометрией в организации движения персонажа по данной, уникальной траектории.

Четвёртая составляющая менее уловима для анализа, но, тем не менее, она существует. Это движение, развитие событий, эпизодов сновидения. Например, в случае движения по спирали – это могут быть повторяющиеся события, но всегда в немного новом качестве. То есть это будет образ не движения по кругу, а движения именно по спирали. И относится он не к «физическому» перемещению персонажа в пространстве, а к ходу развития событий данного сновидения, данной сюжетной истории. Как поступки и действия людей соотносятся между собой, стягиваются в невидимую, но ощущаемую целостность, кристаллизуется в художественный образ, который можно выразить графически, в виде фигуры или линии.

Все эти составляющие образа движения во сне взаимосвязаны и соотносятся друг с другом по «принципу матрёшки». Каждая составляющая работает на свой уровень восприятия.

В рамках танцевально-двигательной терапии Хильда Венгровер отмечает: «Рука человека – это не просто верхняя конечность, движущаяся определённым образом в пространстве... Рука может ударить, может вытянуться и заявить о своём присутствии, получив при этом одобрение или отторжение. Таким образом, её ограничивает не только пространство, но и образ» [4, с.56]. По нашему мнению, схожий процесс свойственен движениям персонажа сновидения.

То, как мы движемся в сновидении, больше всего зависит от «образа», который мы воплощаем во сне. Воплощаем, *двигаясь конгруэнтно своему образу*. Точно так же, как и рука у Венгровер движется, ограничиваясь требованиями образа.

В танцевально-двигательной терапии, по словам Венгровер, терапевт «должен искать нужные смыслы, погружаться в двигательную историю

ситуаций и отношений, ограничивающих жест и телодвижение» [4, с.56], точно так же мы должны погрузиться в «*двигательную историю*» сновидений пациента *в контексте* его личной истории.

При исследовании сновидений мы должны обратить внимание – почему человек в своём сне движется определённым образом? Что ограничивает его движение во сне, где, казалось бы, нет никаких препятствий проявлению Бессознательного. Что за образ стоит за траекторией движения человека? Идентичен ли этот образ образу движения наяву – на сессии танцевально-двигательной терапии, например? Все эти вопросы раскрывают что-то новое в психической ситуации человека.

На наш взгляд, помочь яснее понять феномен образа движения во сне могут междисциплинарные исследования на стыке психологии и искусства кинематографа. Кино, своей визуально-драматургической и репрезентативной природой наиболее близко к феномену сновидения. И кино и сон – аудио-визуальное, драматургически организованное *событие* (история), образно *воссоздающая* опыт переживания жизни и опыт её постижения.

Но, как заметил Вальтер Беньямин – кино открыло область визуального бессознательного: «... ускоренная съёмка показывает не только известные мотивы движения, но и *открывает в этих знакомых движениях совершенно незнакомые...*»

В результате становится очевидным, что *природа*, открывающаяся камере – *другая*, чем та, что открывается глазу. Другая прежде всего потому, что место пространства, проработанного человеческим сознанием, занимает *бессознательно освоенное пространство*. И если вполне обычно, что в нашем сознании, пусть в самых грубых чертах, есть представление о человеческой походке, то сознанию определено ничего не известно о позе, занимаемой людьми в какую-либо долю секунды его шага... Сюда-то и вторгается камера... Она открыла нам область визуально-бессознательного, подобно тому, как психоанализ - область инстинктивно-бессознательного» [1, с.222] (курсив наш).

Мы хотим добавить к перечисленному Вальтером Беньямином ещё и образ движения, который также является ярким феноменом визуального бессознательного и который первым был открыт не психологами, а кинематографистами. До кино образ движения (в статике) исследовался живописью и скульптурой (приём контрапоста и хиазма). Кино от статики перешло к динамике, радикально приблизившись к моделированию живых процессов в психике.

И кино и сновидение создаётся одним и тем же «автором» - человеческим сознанием. Оба феномена представляют собой творческий визуальный продукт. Очевидно, что закономерности в создании визуально-драматургической картины в обоих случаях могут иметь много общего. Что подтверждается наличием и в кино, и в сновидениях – феномена образа движения.

В теории и практике кино, советский Авангард 30-х годов первым осваивал образ движения, как творческий инструмент передачи смысла. Наибольшую разработку он получил в работах Сергея Эйзенштейна. У него не было устойчивого термина для обозначения этого феномена. Режиссёр использовал разные формулировки. Называл это «геометризмом» [8, с. 44, 188], «графической проекцией» [8, с. 117], «графической схемой» [8, с. 118], «графическим росчерком характера в пространстве» [8, с. 117], «графической проекцией характера действия» [8, с. 117], «росчерком пути мизансцены» [8, с. 45], «образом процесса» [8, с. 192], и - «образом движения» [8, с. 133, 142].

По поводу «линии» - направления и траектории движения в фильме, Сергей Эйзенштейн констатировал: «В действительности «чистая» линия *глубоко содержательна* и обоснована в плане того воздействия, которая она более или менее отчётливо или смутно вызывает.

В нашей работе возникла одна такая линия типа . Она оказывалась и тематически и формально глубоко обоснованной и образно осмысленной. Мы обнаружили, что эта же линия являлась как бы графическим изображением самого характера динамики данного действия. А из характера действия неминуемо вытекают характеристики отдельных его элементов... Линия как бы *графически прочерчивает* эту основную закономерность – переход отдельных поступков, отдельных перемещений и всего хода действия в целом в свою противоположность» [8, с. 92].

В 60-х годах концепцию образа движения в кино развивал Жиль Делёз [5, с. 63]. Для него образ движения – «значительное движение» персонажей фильма, которое характеризует «целое» всего фильма. Делёз приводит примеры работ многих именитых режиссёров, в том числе Орсона Уэллса, Акиры Куросавы, Альфреда Хичкока. Делёз вслед за Франсуа Реньо [5, с. 64] замечает, например, в фильме Хичкока «Головокружение» образ движения в виде спирали.

Согласно Франсуа Реньо, движение по спирали мы можем увидеть в эпизодах езды главного героя на автомобиле, беге по винтовой лестнице. Но также спираль мы замечаем и в форме заколки в волосах главной героини, хотя на наш взгляд спираль больше выражена в форме причёски героини. [5, с. 64]. Это мы относим уже к геометрии окружающего сновидца пространства сна. Объекты, которые своей формой продолжают или помогают основной траектории движения (третий ключевой фактор, выражающий образ движения в нашей классификации. см. выше).

Но, кроме этого, Жиль Делёз не обратил внимания на четвертую составляющую – на движение, развитие в пространстве и времени самих событий фильма, а оно зримо присутствует в «Головокружении». По нашему мнению образ спирали виден в разворачивании повторяющихся событий в жизни главного героя. События повторяются, места действия повторяются, но происходящее мы видим каждый раз в новом качестве. Сходные внешне, но разные по смыслу. Повторяются встречи с теми же людьми, но

опять же в новом качестве. Повторяются драматичные события, но с новым содержанием.

Так же мы хотим отметить со своей стороны и фильм Альфреда Хичкока «Завороженный», созданный при участии Сальвадора Дали. Для нас этот фильм особенно интересен, так как сюжет фильма завязан вокруг анализа сновидения главного героя.

Эпизод анализа сновидения и большая часть фильма пронизаны одним и тем же образом движения – *диагонально идущим движением, сверху вниз, слева направо*. Этот образ виден и в бытовых движениях, например – как один из героев профессор – психоаналитик наливает чашку кофе, в движениях во время разговоров, осанке, направлении взглядов и в сценах самого сновидения, созданных Дали. Вплоть до направления драматического спуска на лыжах с горы главных героев. Фильм буквально пронизан этим образом движения. И в мелочах и в главных событиях. Чтобы показать реализацию образа движения во всём фильме потребовалась бы отдельная статья.

Известно, что Альфред Хичкок внимательно изучал теоретические труды Эйзенштейна и Пудовкина. В целом, мы можем констатировать, что если брать всех режиссёров, работающих в кино, то часть из них сознательно используют образ движения персонажей, как творческий приём, но есть режиссёры, не придерживающиеся такой концепции, но образ движения невольно, бессознательно всё-таки воплощается в их фильмах, хотя и не так доминантно. Это говорит о том, что образ движения – феномен, присущий нашему сознанию в естественном виде. Возможно, есть и кинофильмы, где образ движения вообще не наблюдается. Этот факт, тоже может что-то говорить о психологии авторов.

Взаимосвязь образа движения в собственных сновидениях режиссёра с тем, как он задаёт движение своим актёрам на съёмочной площадке – тема будущих исследований. Известно, что Кшиштов Кислёвский [6], автор знаменитой трилогии «Три цвета: синий, белый и красный» и «Двойная жизнь Вероники» накануне съёмок расспрашивал актёров – что им снилось, и сам делился своими снами. Свои сны экранизировал и Федерико Феллини. Паоло Пазолини считал, что сны состоят из подобию кинематографических приёмов.

Мастера кино, благодаря своей творческой интуиции делают и психологические находки. Например, Альфред Хичкок своими фильмами подсказывает идею – откуда появляется образ движения во сне? Что является источником? В фильме «Завороженный» образ движения сверху вниз по диагонали появился в результате психологической травмы ребёнка (будущего главного героя) во время скатывания с горки, в результате которой произошёл несчастный случай. Движение, которое стало причиной травмы – зафиксировалось в сознании и стало организующим визуальным принципом в сновидениях героя.

В другом фильме «Головокружение» - движение по спирали также родилось от несчастного случая с главным героем, который произошёл с

ним на карнизе крыши дома. Чувство вины с параллельным ощущением высоты – зафиксировалось в проприоцептивное ощущение головокружения и одновременно в визуальный образ вращения – спираль.

Сам режиссёр интуитивно нащупывает и пути терапии. В «Завороженном» - это физическое следование сновидческому образу движения. Для этого главные герои спускаются на лыжах с горы. Важная деталь – следование образу движения должно происходить при одновременном осознании того, что происходит в психике. Герой спускался с горы вместе со своим аналитиком, концентрируясь на внутренних переживаниях. Аналитик, рядом, отслеживает все нюансы поведения пациента, как и свои реакции, что прекрасно показала исполнительница этой роли - Ингрид Бергман, и поддерживает его физическое движение. Данная модель очень хорошо подходит танцевально-двигательной терапии.

Так как феномен образа движения в сновидении пока является новой, неизученной областью исследований в психологии, именно искусство кино, которое во многом имеет сходное строение со сновидением, вплоть до драматургии и построения мизансцен, помогло увидеть наглядно этот феномен в действии. Аналогия сновидения и кинематографического произведения оправдана тем, что в обоих случаях, мы имеем дело с визуальнo-драматургической репрезентацией. И сновидение и кинофильм – визуальное и драматургическое произведение человеческого сознания. И в первом и во втором случае задействовано Бессознательное человека, хоть и в разной степени. Известно, что некоторые выдающиеся кинорежиссеры сознательно опирались на своё Бессознательное, в том числе и сны. Например, Федерико Феллини, специально общался с Карлом Юнгом, пытаясь понять свои внутренние, душевные процессы, в том числе развить творческое использование сновидений.

Феномен образа движения персонажа сновидения в виде рисунка траектории движения является распространённым феноменом психики. Траектория движения структурируется в Образ и может быть распознана, как образ, выражающий актуальное психологическое состояние человека и его фундаментальную жизненную позицию.

Нами была разработана практическая методика использования исследования образа движения в сновидениях пациентов для диагностических и терапевтических целей. Был создан простой и доступный опросник для исследования своих сновидений и разработан протокол его использования. Методика опробована на клиентах, обратившихся за психологической консультацией. Были получены подтверждающие наше исследование результаты. Образ движения был зафиксирован у большинства клиентов. Анализ образа движения оказался продуктивным дополнением, как в диагностике, так и в терапии.

Образ движения во сне, также как сюжет и герои сновидения несёт в себе информацию Бессознательного. В образе движения часто закодированы с помощью движения внутренние проблемы и конфликты человека. Исследование этого сновидческого паттерна движения с помощью разных

психологических методик может дать диагностический и психотерапевтический эффект, расширить понимание человеком самого себя, своих затруднений и помочь перенаправить своё внутреннее движение в сторону здоровья и развития.

Список литературы

1. Беньямин, В. Производство искусства в эпоху технической воспроизводимости. Учение о подобию / пер. И. Болдырева. – М.: РГГУ, 2012. – 289 с.
2. Бодри, Ж.-Л. Идеологические эффекты базового кинематографического аппарата [Электронный ресурс] // Либидинальное киноведение. – № 26. – URL: <https://cineticle.com/magazine/issue-23/23-0-jean-louis-baudry-ideological-effects> (дата обращения: 01.07.22).
3. Эдвардс, Б. Ты – художник. – Минск: Попурри, 2015. – 252 с.
4. Венгровер, Х. Творческий процесс в танцевально-двигательной терапии // Искусство и наука танцевально-двигательной терапии. Жизнь как танец: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Чайклин Ш., Венгровер Х. – М.: Когито-Центр, 2017. – С. 45-60.
5. Делёз, Ж. Кино. – М.: Ад Маргинем, 2004. – 623 с.
6. Леонард, Л. Ш. В поисках души: кинематограф Кшиштофа Кеслёвского и «Двойная жизнь Вероники» // Кино и глубинная психология: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Слепак К. – М.: МААП, 2010. – С. 137-159.
7. Фрейд, З. Толкование сновидений. Большая книга психики и бессознательного. – М.: АСТ, 2016. – 523 с.
8. Эйзенштейн, С. М. Психологические вопросы искусства. – М.: Смысл, 2002. – 335 с.

Е. Б. ВОЗНЮК

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ (METAPHOR AS A MEANS OF COGNITION)

Аннотация. В статье рассматривается эволюция философских представлений о метафоре как средстве познания. Автор сопоставляет сравнительный и интеракционистский подходы к пониманию метафоры, анализирует изменение взглядов на статус метафоры в познавательном процессе и определяет ее гносеологический потенциал. Утверждается, что метафора служит инструментом смыслообразования и используется в целях обогащения смыслового поля одного понятия через подключение к нему значений другого понятия.

Ключевые слова: метафора, высказывание, понятие, сравнение, идея, познание, аналогия, сходство, взаимодействие

Abstract. The article discusses the evolution of philosophical ideas about metaphor as a means of cognition. The author compares comparative and interactionist approaches to understanding metaphor, analyzes the changing views on the status of metaphor in the cognitive process and defines its epistemological potential. It is argued that the metaphor serves as a tool of meaning formation and uses to enrich the semantic field of one concept by connecting the meanings of another concept to it.

Keywords: metaphor, comment, concept, comparison, idea, cognition, analogy, similarity, interaction

Мы сталкиваемся с метафорами постоянно: встречаем их в литературных произведениях и активно употребляем в разговорной речи. При взгляде на историю философии также можно заметить, что метафоры всегда присутствовали в ее понятийном аппарате. Если говорить о примерах, то это и знаменитый образ пещеры у Платона, и идолы Бэкона, и чайник Рассела, и бритва Оккама, и канат Ницше. Наука на протяжении своего развития также не пренебрегала метафорами: это и филогенетическое дерево, и генный поток, и генетический груз, и митотическое веретено и т.д. В философии и науке метафора часто используется в качестве инструмента, позволяющего выражать сложные идеи и концепции более понятным способом. Тем самым, мы можем утверждать, что метафора является частью процесса познания.

Целью данной статьи является исследование отношения к метафоре как средству познания на разных этапах развития философской мысли.

Изучение метафоры в эпоху античности связано, прежде всего, с именем Аристотеля. Он определяет ее как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [2, с. 196]. Мы имеем дело с метафорой, когда вещи придается не принадлежащее ей имя, перенесенное от какой-либо другой вещи. Основанием для подобного переноса является сходство между предметами или явлениями. Метафора по своей роли близка к приему сравнения, отличаясь от него лишь отсутствием слова «как».

Трактовка метафоры, данная Аристотелем, тесно связана с некоторыми аспектами его философского учения. Мыслитель, как известно, осуществил жесткое разграничение риторики и логики, слитое у софистов. Последние играли на многозначности слов и использовали в процессе доказательства чисто риторические приемы. Для Аристотеля логика и поэтика – различные сферы. Он относит метафору исключительно к сфере риторики и поэтики и рекомендует избегать ее в рассуждениях. Таким образом, метафора предстает у Аристотеля как риторическая фигура, основой которой является аналогия.

Ученик Аристотеля Квинтилиан свел метафору к эллиптическому (сокращенному) сравнению. Он считал, что метафора – это всего лишь украшение речи, красивое одеяние для слов, и в силу этого выступает обязательным атрибутом поэтического языка. Однако, не являясь необходимой, она менее достойна, чем простая речь.

Понимание метафоры античными авторами определило настороженное отношение к ней представителей философии Нового времени.

В средневековой философской мысли метафора попадает в фокус внимания только в тех случаях, когда речь идет о проблеме токования Священного Писания. За пределами этой проблемы она редко становится предметом специального философского рассмотрения.

В целом, в период Средневековья метафора продолжает отождествляться со сравнением и аналогией, как и у Аристотеля. Но если античные авторы считали, что метафора прилична больше для поэзии, поскольку затушевывает истину, то Фома Аквинский в «Сумме теологии» приходит к выводу, что сравнение с вещественным необходимо для постижения истин божественных.

Скептическое отношение к метафоре как средству познания развилось в период Нового времени. Это связано с утверждением доминирующей роли разума в познавательном процессе и отрицанием значимости в нем эмоциональной сферы. Философы этого периода считали метафору причиной заблуждений, абсурда, неприемлемым украшением речи, искажающим буквальное значение слов. Например, Т. Гоббс полагал, что применение метафор приводит к бессмыслице, и если люди используют слова не в их изначальном значении, то они занимаются обманом и себя, и других. Речь – это средство выражения мысли с помощью слов, способ передачи знания. Для выполнения этой задачи, с точки зрения Т. Гоббса, пригодны только слова, употребленные в их прямом значении, поскольку только они поддаются верификации. Слова, очищенные точными определениями от всякой двусмысленности, – это важный инструмент разума, являющегося главной познавательной способностью человека. Рассуждать же при помощи метафор – это как бродить вреди бесчисленных нелепостей. Результатом этого является лишь разногласие и возмущение.

Английский эмпирик Дж. Локк настаивал на несовместимости метафор с научными понятиями и теориями. Он также как и Т. Гоббс полагал, что нужно стремиться к однозначности слов, точным дефинициям, и вы-

ражал недоверие к образной речи как противнику истины и инструменту риторики. Употребление метафор, с его точки зрения, чревато внушением ложных идей и введением рассудка в заблуждение.

Взгляды мыслителей Нового времени нашли отражение в позитивизме, представители которого исключали метафору из языка положительной науки, слова и предложения которого, с их точки зрения, должны были четко соответствовать фактам.

Романтизм, в отличие от философии Нового времени, заложившей основу позитивизма, формирует прямо противоположное отношение к метафоре и ее роли в познавательном процессе. Для мыслителей этого направления метафора выходила далеко за границы выразительности и эмоционального украшения речи. Это было связано, прежде всего, с гносеологией романтизма, в которой на первый план выходило не рациональное познание, а чувственно-эмоциональное восприятие мира. Представители этого направления отдавали предпочтение внерациональным способам постижения действительности (интуиции, воображению и фантазии) и высоко оценивали роль произведений искусства в этом процессе. Они считали, что поэтическое вдохновение позволяет лучше понять мир, нежели разум ученого. В этом контексте метафора трактовалась как модель истины и важный способ познания мира.

В философии XX века наблюдается возросший интерес к изучению метафоры, что связано, на наш взгляд, с двумя обстоятельствами. Во-первых, с изменением фундаментальных философских представлений, заключающимся в отступлении от классического рационализма и появлении иррационалистических теорий. Во-вторых, с «лингвистическим поворотом», сделавшим язык центром философского рассмотрения. Эти обстоятельства позволили выйти на качественно иной уровень понимания метафоры. Однако следует отметить, что взгляды позитивизма, продолжавшего линию «логиков», были еще достаточно сильны. В связи с этим новые трактовки метафоры долгое время уживались с позитивистской моделью.

Анализ исследовательской литературы показывает, что в философских концепциях XX века получает распространение идея о метафоричности самого процесса мышления. Происходит осознание, что метафора выступает не просто как языковое явление, а проистекает из глубинных процессов, происходящих в мышлении. Например, для Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора является важнейшей ментальной процедурой, находящейся в основе нашего взаимодействия с миром. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути, метафорична» [6, с. 25].

Немецкий философ Э. Кассирер считал, что в языке отражаются не только логические, но и мифологические формы мышления и уделял особое внимание исследованию последних. Метафора, с его точки зрения, как раз и выступает некой концептуальной формой, выражающей свойственное мифологическому мышлению синкретическое восприятие мира. «Языковая форма метафоры соотносится с мифологической. Одна вторга-

ется в другую и обуславливает ее содержание. Эта обусловленность может рассматриваться только как взаимная. Язык и миф с самого начала находятся в неразрывной связи, из которой постепенно они вычлениваются как самостоятельные элементы. Они являются различными побегami одной и той же ветви символического формообразования» [5, с. 35]. Идея о существовании в нашем сознании неких глубинных, мифологических структур знания сближает подход Э. Кассирера с учением об архетипах К.Г. Юнга.

Интеракционистская теория противопоставляет себя сравнительной концепции, идущей от Аристотеля, и рассматривает метафору не как сравнение, а как взаимодействие идей. Основатель этого подхода А. Ричардс трактовал метафору как взаимодействие двух разных мыслей о двух различных явлениях внутри одного слова.

В метафоре присутствуют две составляющие: «содержание» (tenor) и «оболочка» (vehicle). Первая составляющая (tenor) - это подразумеваемая идея, вторая (vehicle) - это идея, которая призвана выразить данное содержание. Значение метафоры, по мысли А. Ричардса, является следствием одновременного присутствия и взаимодействия этих двух компонентов. Причем оно, как правило, получается более богатым, чем каждая из этих составляющих по отдельности.

В отличие от сравнительной теории метафоры, в интеракционистской концепции Ричардса считается, что сходство в метафоре предполагается не всегда. Для эффекта метафоры не менее существенным является сведение предметов и явлений в неожиданном единстве.

Что касается определения места и роли метафор в процессе познания, то здесь Ричардс полагал, что они определяют восприятие мира человеком. С его точки зрения, метафорические процессы в языке накладываются на воспринимаемый мир, являющийся результатом более ранней, зачастую непредумышленной метафоры.

Другой представитель интеракционистской теории М. Блэк предлагал рассматривать метафору, как включенную в контекст высказывания. Он вводит два понятия: «фокус» и «рамка». Первое понятие используется им для обозначения собственно метафорической структуры, а второе – для обозначения контекста. «Рамка» или контекст вызывает расширение фокусного слова.

М. Блэк трактует метафору как некий фильтр и для пояснения своей мысли использует понятия главного и вспомогательного субъекта. Например, в выражении «Человек есть волк» главным субъектом будет человек, а вспомогательным – волк. Если читатель или слушатель ничего не знает о волках, то смысл выражения останется для него непонятным. Если же он знаком с системой общепринятых ассоциаций, связанных с этими животными, то выражение приобретает смысл.

Общепринятые ассоциации – это некий общий объем знаний о вспомогательном субъекте, стандартные представления о фокусном слове, и в отличие от научного знания они могут содержать в себе ошибочные сведения или полуправду. Однако для метафоры важна не подлинность обще-

принятых ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании читателя или слушателя. Высказывание «Человек есть волк» мы обычно понимаем так: человек зол, агрессивен, свиреп, постоянно вовлечен в борьбу за выживание и т.д. Все эти признаки мгновенно возникают в нашем сознании и соединяются с имеющимся представлением о главном субъекте, в данном случае, о человеке. Однако многое зависит здесь еще и от культурного контекста. Например, в тех культурах, где верят, что в волков вселяются души умерших, рассматриваемое выражение будет трактоваться иначе.

Таким образом, идея «метафора – это фильтр», означает, что человек использует одну систему характеристик (например, характеристики волка) для того, чтобы отфильтровать понимание другой системы («человек»). По мнению М. Блэка, метафора предполагает демонстрацию одной системы качеств посредством другой для создания новой перспективы видения объекта.

С точки зрения исследователя, метафоры всё-таки опасны, однако в противовес позитивистам он считает, что запретить их использование – значит ограничить способности нашего разума к поиску и открытию.

Итак, мы видим, что отношение к метафоре как средству познания на разных этапах развития философии менялось. Классический подход (сравнительная теория) определяет метафору как украшающий речь троп, оборот языка, в целом негативно оценивая ее роль в процессе познания. Непринятие образности в языке представителями философии Нового времени постепенно сменилось пониманием метафоры как явления органичного для познания. В философии XX века метафору стали чаще рассматривать как форму мышления и ключ к пониманию его основ. Критикуя сравнительную теорию метафоры, предложенную Аристотелем, современные исследователи приходят к выводу, что человек, используя метафоры, не столько открывает сходство, сколько сам создает его. Тем самым, можно утверждать, что метафора способствует появлению новых значений и используется обычно в целях расширения смыслового поля главного субъекта суждения через подключение к нему смыслов субъекта вспомогательно (в терминологии М. Блэка).

По утверждению Т.Г. Поповой, в настоящее время метафора трактуется как «неизбежное явление человеческого мышления и человеческого языка, несущее важнейшую функцию в познании и описании мира» [7, с. 245]. Метафора помогает понять неизвестное через уже известное, расширяет (обогащает) наше понимание явлений и объектов действительности путем переноса значений из одной области в другую, способствует появлению новых понятий, участвует в построении языковой картины мира и формировании концептуальных рамок, определяющих наше восприятие. Она помогает структурировать информацию и формирует основу для нашего мышления.

Список литературы

1. Аквинский, Фома. Сумма Теологии / Фома Аквинский; пер. с лат. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. – Киев: Эльга; Москва: Ника-Центр, 2002.
2. Аристотель. Поэтика; Риторика / Аристотель; пер. с древнегреческого В. Ап-пельрота, Н. Платоновой. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. – 346 с.
3. Блэк, Макс. Метафора / Макс Блэк; пер. с англ. М. А. Дмитриховской // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиховской. – М., 1990. – С. 153–172.
4. Гоббс, Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс; Предисл. и ред. А. Ческиса. – Москва: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.
5. Кассирер, Эрнст. Сила метафоры / Эрнст Кас-си-рер; пер. с нем. Т. В. Топоро-вой // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутю-новой и М. А. Журиховской. – М., 1990. – С. 33–43.
6. Лакофф, Джордж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джон-сон; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Барано-ва. – Москва: УРСС, 2004. – 252 с.
7. Попова, Т. Г. Метафора как продуктивный способ построения языковой кар-тины мира // Стилистика и теория языковой коммуникации. – М.: МГЛУ, 2005. – С. 244–247.
8. Ричардс, Айвор А. Философия риторики / Айвор А. Ричардс; пер. с англ. Р. И Розиной // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиховской. – М., 1990. – С. 44–67.

Е. Б. ВОЗНЮК

**МЕТАФОРА В НАУКЕ
(METAPHOR IN SCIENCE)**

Аннотация. В статье выявляются два подхода к использованию метафоры в науке. Один из них рассматривает метафору как нежелательное явление, нарушающее чистоту языкового использования. Вторым подходом объявляется метафора частью самого процесса мышления. Автор указывает на некоторые ограничения, связанные с использованием метафоры в науке. Отмечается, что метафора дисгармонизирует с определенными элементами научного дискурса и не может применяться в научном тексте в том же смысле, в каком она применяется в поэтических произведениях. Специфика использования метафоры в науке состоит в том, что она выступает не как результат научного поиска, а как вспомогательное средство, дающее импульс для развития нового знания.

Ключевые слова: метафора, наука, язык, познание, мышление, текст, дискурс.

Abstract. The article identifies two approaches to the use of metaphor in science. One of them is considering a metaphor as an undesirable phenomenon that violates the purity of language use. The second approach declares metaphor to be a part of the thinking process itself. The author points out some limitations associated with the use of metaphor in science. It is noted that the metaphor is out of harmony with certain elements of scientific discourse and cannot be used in a scientific text in the same sense in which it is used in poetic works. The specificity of the use of metaphor in science is that it acts not as a result of a scientific search, but as an auxiliary means that gives an impulse for the development of new knowledge.

Keywords: metaphor, science, language, cognition, mind, text, discourse.

Несмотря на то, что мы постоянно сталкиваемся с метафорой, большинство видит в ней некое декоративное средство, свойственное больше поэтическому языку, чем практической речи, а уж тем более, научному дискурсу. Подобное отношение к метафоре идет еще со времен античности. Аристотель, проводя разграничение логики и риторики, относил метафору к сфере последней и предостерегал от использования ее в рассуждениях.

Неуместность использования метафоры в ряде функциональных стилей действительно очевидна. Ее избегают там, где требуется однозначное понимание слов и предложений, например, в медицинских рекомендациях, инструкциях, законах, постановлениях, военных приказах, судопроизводстве, правилах безопасности и т.д. Однако, как только акцент смещается с точного понимания информации на эмоциональное воздействие, запрет на метафору упраздняется. Именно по этой причине ее употребление в художественных и поэтических произведениях воспринимается как вполне естественное.

Наиболее дискуссионным является вопрос о применении метафоры в научных текстах. С одной стороны, научный язык требует точности фор-

мулировок, и с этой позиции метафора дисгармонирует с научным дискурсом. С другой стороны, избежать применения метафор в науке никак не удастся, поскольку они помогают понять неизвестное через уже известное. Всем хорошо знакомы примеры их употребления. Это и «ледяной панцирь планеты», и «первичный бульон», и «митотическое веретено», и «филогенетическое дерево», и «демон Максвелла», и «ультрафиолетовая катастрофа» и т.д.

Итак, цель статьи состоит в определении особенностей применения метафоры в науке. Для этого углубимся сначала в историю вопроса и рассмотрим, как менялось отношение к использованию метафоры в научном тексте. Чаще всего на это отношение влияли два основных фактора: понимание теми или иными авторами функций и задач языка, а также оценка роли аналитического мышления и интуиции в развитии научного знания.

Недооценка роли метафоры в познавательном процессе античными авторами определила скептическое отношение к ней представителей философии Нового времени (Т. Гоббс, Дж. Локк). Утверждение разума главной познавательной способностью человека обесценило значимость эмоциональной сферы. Как следствие, метафора стала считаться крайне нежелательным явлением в языке, искажающим буквальное значение слов. Например, по Гоббсу, главное назначение речи состоит в выражении мысли и передачи знания, а для этой цели пригодны лишь те слова, которые были очищены точными дефинициями от всякой неясности. Только они служат важнейшим орудием разума. Метафора же из-за своей двусмысленности является причиной заблуждений и разногласий и тем самым препятствует выполнению главного назначения языка. Ирония состоит в том, что рассуждая подобным образом о метафоре, Гоббс сам прибегает к метафоре, называя ее *ignes fatui*, т.е. блуждающими огнями.

Подобные идеи находят свое продолжение в позитивизме. С точки зрения его представителей, слова и предложения должны четко соответствовать фактам, т.е. быть верифицируемыми. В связи с этим метафора полностью исключалась ими из языка положительной науки.

Постепенно отношение к метафоре менялось, происходила переоценка ее роли в познавательном процессе вообще, и в науке в частности. Это было вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, появлением ряда иррационалистических учений, делающих упор на внерациональные способы постижения мира (интуицию, воображение, фантазию), а во-вторых, «лингвистическим поворотом» в философии.

В XX веке в философских кругах широкое распространение получает идея о метафоричности самого процесса мышления. А. Ричардс считал, что попытки обойтись без метафоры являются самообманом, поскольку сама наша мысль метафорична, она развивается через сравнение. «Наш мир — это проецируемый мир, пронизанный чертами, заимствованными из нашей собственной жизни. Метафорические процессы в языке, взаимообмен между значениями слов, который мы наблюдаем, изучая эксплицитные метафоры, накладываются на воспринимаемый нами мир, сам по себе также

являющийся продуктом более ранней или непредумышленной метафоры» [5, с. 51]. Поэтому большая часть нашей разговорной речи полна метафор. Использование же слов в буквальном смысле достаточно редкое явление за пределами строгого языка точных наук, но даже там обойтись без метафоры можно лишь ценой больших усилий.

Точка зрения А. Ричардса вполне созвучна идеям Дж. Лакоффа и Дж. Джонсона, которые полагают, что обыденная система понятий, в границах которой мы мыслим, является метафоричной. С их точки зрения, главный источник метафоры – это тело самого человека в его пространственных отношениях с миром.

Из идеи о внедренности метафоры в сам процесс мышления последовала и переоценка ее познавательной функции. В частности возникло понимание, что метафора играет большую роль в появлении новых значений и применяется чаще всего для расширения смыслового поля главного субъекта суждения (М. Блэк). Она помогает нам лучше понять явления действительности, перенося значения из одной предметной области в другую. С точки зрения Н. Гудмена, метафора принимает активное участие в развитии знания, заменяя отжившие категории новыми, которые помогают нам увидеть проблему в новом свете. Действительно, существующие, например, модели атома не могли бы иметь свои плоды без применения метафор.

Всё же использование метафоры в науке имеет свою специфику, отличную от использования ее в обыденной речи и поэтических произведениях. М. Блэк, признавая гносеологический потенциал метафоры, считал, что она опасна, и применять ее следует с осторожностью. Однако в отличие от позитивистов, он придерживался той точки зрения, что запрет на использование метафоры в научном языке в значительной степени ограничил бы способность нашего разума к исследованию и открытию. Действительно, неопозитивистский проект очищения языка встретился в свое время с достаточно серьезными препятствиями. Оказалось, что погоня за идеалом точности понятий чревата выхолащиванием языка науки. Искусственно ограничивая себя в вербальных средствах, она перестает реализовать свою основную цель – приращение нового знания.

Х. Ортега-и-Гассет называл метафору одной из форм научной мысли. Однако это вовсе не исключает ситуации, когда тот или иной ученый может ошибочно принять метафору за мысль, выраженную прямо. Такие оплошности, конечно же, случаются и их нужно исправлять, помня при этом о том, что ошибка в применении метода не может быть доводом против него самого. Физик также может допустить ошибки в расчете, однако вряд ли кто-нибудь станет утверждать, что физика должна теперь отказаться от использования математики.

Однако если, например, для поэзии поиск удачного образа или метафоры может служить некоей самоцелью, то наука лишь прибегает к метафоре, в тех случаях, когда происходит открытие. «Когда ученый открывает дотоле неизвестное явление, то есть когда он создает новое понятие, он

должен его назвать. Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятным, ученый выбирает, такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора» [4, с. 73].

Мы видим, что для науки метафора - это важное, но всё-таки вспомогательное средство. Она является своеобразным инструментом, орудием, способом выражения новой идеи, но, ни в коем случае, не результатом научного исследования. Например, волновая теория света не ставила самоцелью уподобление света волне. Метафора в науке дает лишь импульс к развитию идеи, к исследованию, постепенно угасая и уступая место понятию.

С точки зрения Х. Ортеги-и-Гассета, предназначение метафоры в науке отличается от ее целей в поэзии. В поэтическом произведении она, основываясь на частичном сходстве объектов, делает утверждение об их полном смысловом совпадении, тождестве. Подобная гиперболизация придает метафоре поэтическую силу. Утверждение о полном тождестве двух различных объектов, в целом, конечно же, ложно, однако не существует поэтической метафоры, не открывающей их реальной общности.

Наука же действует прямо противоположным образом: она начинает с полного отождествления двух различных объектов для того, чтобы прийти к утверждению их частичного тождества. Научная метафора в противовес поэтической развивается как бы от большего к меньшему, от более сильного утверждения к более слабому.

Итак, исследователи по-разному относятся к использованию метафоры в научном языке. Существует точка зрения, что метафора является нежелательным явлением, нарушающим чистоту языкового использования, характерного для научных текстов. Слабым местом этого подхода является то, что без применения метафор возможность ученого выражать новые идеи была бы существенно ограничена. С одной стороны, благодаря метафоре увеличивается понимание материала научного текста читателем. С другой, она порой необходима и самому ученому, чтобы изучаемое явление или объект стали доступны его мысли.

Противоположный подход исходит из того, что метафора сама по себе является частью процесса мышления. С этой точки зрения, она присутствует в научном дискурсе в той же степени, в какой присутствует в языке в целом. И в этом плане, все попытки вытравить метафору из научного языка заранее обречены на провал. Часть исследователей, разделяющих эту точку зрения, всё же настаивают на аккуратном применении метафоры в научных текстах, указывая на то, что в науке и прочих более органичных для метафоры видах дискурса она имеет разное назначение. Следует помнить, что в науке она играет вспомогательную роль, позволяя исследовате-

лю высказать то новое, что он открыл. Метафоры в науке делают неизвестное известным, однако подлежат последующему уточнению.

Научная метафора – это орудие, позволяющее выполнять поисковую функцию, а не цель или результат исследовательского поиска. Она служит своеобразным способом выдвижения новых идей и гипотез, дающим толчок для дальнейшего развития мысли. Являясь важным инструментом научного исследования, без которого ни одно открытие не могло бы состояться, она в то же время дисгармонирует с некоторыми моментами научного текста: с его стремлением к точности, объективности, строгостью изложения, согласованностью с фактическим материалом.

Кроме указанных особенностей применения метафоры в научном дискурсе, следует назвать еще несколько. Во-первых, метафоры, применяемые в науке, являются общезыковыми, они используются, как правило, всеми членами научного сообщества, в то время как, например, поэтические метафоры чаще всего бывают индивидуальными, авторскими. Во-вторых, целью применения метафоры в науке служит не создание прекрасного образа, как в поэзии, а точное и доступное прояснение нового знания. В связи с этим в основе научной метафоры должен находиться явственный и четкий признак, понятный адресату.

Список литературы

1. Блэк, Макс. Метафора / Макс Блэк; пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 153–172.
2. Гоббс, Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс; Предисл. и ред. А. Ческиса. – Москва: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.
3. Лакофф, Джордж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва: УРСС, 2004. – 252 с.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры // Х. Ортега-и-Гассет; пер. с испанского Н. Д. Арутюновой // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 68–81.
5. Ричардс, Айвор А. Философия риторики / Айвор А. Ричардс; пер. с англ. Р. И. Розиной // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 44–67.

И. В. ДЕМИН

**СЛОВО О ФИЛОСОФЕ. ПАМЯТИ В. Д. БОРОВИКОВА
(THE SERMON ON A PHILOSOPHER. IN MEMORIAM: VLADIMIR
D. BOROVIKOV)**

Аннотация. *Статья посвящена памяти преподавателя АлтГТУ, канд. филос. наук, доцента Владимира Дмитриевича Боровикова (1943–2023). Рисуя философский портрет Боровикова, автор показывает актуальность феноменологически-экзистенциальной интерпретации философии, при которой главным является акт философствования как глубоко уникальное конструирование реальности мира, обнаруживающее в экзистенциальном опыте человека духовную свободу и творчество личности, сопротивляющейся принуждению мира. В контексте профессионального и жизненного опыта В. Д. Боровикова, вдохновлявшегося метафизическими интуициями прежде всего русской философии, осмысливаются личностные и социально-исторические высоты / тупики воплощения свободы в философии и обществе.*

Ключевые слова: *В. Д. Боровиков, философствование, философ, человеческое бытие, личность, феноменология, экзистенциализм, свобода, дух.*

Abstract. *The article is dedicated to the memory of the teacher of Altai State Technical University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor Vladimir Dmitrievich Borovikov (1943–2023). Drawing Borovikov's philosophical portrait, the author shows the relevance of the phenomenological-existential interpretation of philosophy, in which the main thing is the act of philosophizing as a deeply unique construction of the reality of the world, revealing in the existential experience of a person spiritual freedom and creativity of a personality who resists the coercion of the world. In the context of the professional and life experience of V. D. Borovikov, who was inspired by the metaphysical intuitions of Russian philosophy, the author comprehends the personal and socio-historical heights / dead ends of the embodiment of freedom in philosophy and society.*

Keywords: *V. D. Borovikov, philosophizing, philosopher, human being, personality, phenomenology, existentialism, freedom, spirit.*

Я пришел в мир, чтобы видеть, а не совершить.

В. В. Розанов

(1943–2023)

Год назад, 10 февраля 2023 г., в свой юбилейный год ушёл из жизни философ и учитель Владимир Дмитриевич Боровиков. История кафедры философии АлтГТУ им. И. И. Ползунова с 1970-х гг. неразрывно связана с его именем, практически до последнего он продолжал служить на преподавательском поприще, вдохновляя и студентов, и коллег своей неповторимой скромной мудростью вместе со светлой, несколько снисходящей до «сего мира» иронией. Я меньше всего хочу делать из этой статьи обыкновенно высокопарный некролог, отмечая памятные вехи жизни и творчества и т.п. Думаю, что Владимир Дмитриевич, многое взявший от типа сократического философа, вряд ли был бы доволен традиционной ординарностью ещё одной поминальной речи. Как человек, рано захотевший быть никем иным, как только самим собой, лишённый напускной пафосности тщеславия и карьеризма, он бы неминуемо одобрил ещё один поступок философского акта, когда происходит нечто такое, что позволяет «выпрыгивать» из нивелирующей замкнутости мировой данности в широту вертикального прямостояния, сопротивляться обезличивающему давлению мировой суеты. Вот поэтому-то эта статья, скорее, будет чем-то вроде рассуждения на вечную боль философии о себе самой, вариацией на тему о судьбе и предназначении философа в мире. Рассуждение о месте философа и философствования в знании и познании, навеянное пусть непродолжительным, но крайне знаменательным общением со Словом другого философа, которое вместе с тем погружает в смысловую универсальность бытия, – с Владимиром Дмитриевичем Боровиковым.

Мне кажется, что В. Д. Боровиков более всего тяготел к феноменологически-экзистенциальному пониманию и осуществлению философии в мире. При нашем первом знакомстве-разговоре он посоветовал мне в подходе к семинарам философскую оптику М. К. Мамардашвили. В своих лекциях и беседах он сам постоянно практиковал опыт бодрствующего «сознания вслух», «сдвига» сознания с внешнего экрана на внутренний, к сущности вещей, при котором впервые знание о том, что мы видим, перестаёт мешать нам видеть. Пробраться к истине для философа значит заново сконструировать мир, ведь философствование каждый раз начинается заново, исключительно самостоятельно как готовность *увидеть* непостижимое, проговорить непроговариваемые первые начала.

Не случайно В. С. Библер считал, что «быть философом» – это одновременно надменность и невероятная уязвимость [3, с. 57–60]. Надменность, потому что есть одинокая попытка через своё и только своё индивидуальное мышление пробраться к всеобщности вечного бытия, что возможно лишь возвратившись к истокам мышления и бытия, туда – в пределы, где всё есть и не есть одновременно. В этом, конечно, отражается самомнение, горделивая претензия творца, но в этом же кроется и вторая грань образа философа – его величайшая уязвимость и незащищённость. Мышление *на пределах* всегда непрочно, сомнительно, негарантированно, оттого философский ум совместно с преизбытком сил от творческого создания мира чувствует и неустрашимую слабость от неспособности удер-

жать бытие в ясности и непотаённости. Можно, разумеется, всякий раз тешить себя «учёным незнанием», но от этого *силы определённости* в познании не прибавляется. Антиномичность образа философа однако – не какая-то непреодолимая проблема, сказывающая о коренной недостаточности философского постижения мира, а, наоборот, – результат самой антиномичности жизни, где «своя уникальная актуализация бесконечно возможного мира» не только отдаляет от чужого, Другого, но и в качестве инобытия превращает этого Другого в ответы или вопросы, без которых ни один философ не может существовать. И разве только философ? Каждый человек в усилении быть человеком, родиться в мире лишь ему присущим, уникальным способом, включён в пространство «индивидуально-всеобщих» смыслов, в котором индивидуальное самоформирование становится коррелятом овладения сущностными основаниями бытия, а последние есть уже какая-то всеобщность разума, открывающаяся в соотношении индивидуально-неповторимых Я.

Стоит отметить, что актуализировать бесконечно возможный мир для философа – это далеко не всегда воплотиться в философских текстах и уж тем более развёрнутых системах. Владимир Дмитриевич тому ярчайший пример: образец «устного» философа, мысль которого не особо желала, да и осознавала, наверное, что принципиально не должна, ограничивать себя беспомощностью *раз-и-навсегда-данного* письменного свершения, определяющего, с одной стороны, текучую, мимолётную жизненность существования, а с другой – целостность и универсальность бытия в исходно частичных формах дискурса. Философствование в горизонте процессуальности, подобно незаканчивающейся речи Сократа, выше любой свершённой фиксации мудрости, поскольку мудрость и появляется, и улетучивается чрезвычайно быстро. Во-первых, по прекрасному изречению А. М. Пятигорского, «философия – это враг необходимости философствовать». А где ещё, как ни в современном сциентистском конвейере, так не оскопляет необходимость перманентно писать и публиковаться? Необходимость эффективности в этом ключе тоже враг самому духу философии. Во-вторых, у того же Пятигорского в ёмком символе «философии одного переулка» заключена ещё одна важная мысль о не типичности, а симптоматичности философского дара: «Философствование, о котором я говорю, не может объявить себя ни “первой истиной”, ни “последней и окончательной” философией. Оно не ищет утверждения истины или разоблачения заблуждения. Оно, скорее, видится мне, как нечто очень пробное, как нащупывание другого опыта моей сознательной жизни. Опыта, внутренние условия которого никогда не дадут ему превратиться в “ценность”, “норму”, или “идеологию”» [6, с. 102]. Симптоматичность – признак того, что мысль по большому счёту не может выкристаллизироваться в «ставшее», не может остановиться, а потому не столько *выражает* какие-то идеи, сколько – куда более непритязательно – их «нащупывает», или на них *указывает*. В случае с В. Д. Боровиковым это означало концентрацию философской работы не на продуктивном выпуске философских артефактов, а на

глубокой внутренней работе по такой рефлексии мысли, чтобы она не стала ходульной актуальностью общих мест. Только так нужно правильно понимать присущую некоторым философам (лучше даже сказать мыслителям) манеру интеллектуального сибаритства.

В истинном философе должно быть что-то от сердечно-бытового, неторопливого духа В. В. Розанова, который как-то со свойственной ему категоричностью афористичной мысли даже обронил: «Только не пишите ничего, *“не старайтесь”* (курсив мой. – И. Д.): жизнь упустите, а написанное окажется “глупость” или “не нужно”» [7, с. 260]. Во время (точнее, безвременье), когда Слово девальвируется, и сильнее всего, когда лишних, пустых слов очень много, с особенной остротой чувствуется потребность в сдержанном, неболтливом философском высказывании, причём не обязательно вербальными средствами. Как раз по этому поводу близкий товарищ Боровикова В. М. Гришаев, указывая на отторжение его учителем «внешней декларативности» и, напротив, обеспокоенность «внутренним накалом» переживаемого смысла, написал о любви Боровикова петь, а не говорить «в тёплых, дружеских компаниях или на праздничных застольях», ибо в поэтичности песни ярче и богаче «звучит» человек, нежели чем в исчерпавших себя, обесмысленных и «мёртвых» словах [8, с. 29]. Свидетельства сознания часто не пишутся (создаются), а открываются философу в результате его вхождения в изначально потаённую метафизическую сферу – там свежее и острее постигается жизнь в её подчас дорациональной, или сверхрациональной, первосущности.

Но в подлинном философе должны быть и неизбежный творческий импульс, что-то от экзистенциального бесстрашия интеллектуального бунтарства Ф. М. Достоевского и Н. А. Бердяева, гордый, аристократический вызов духовной свободы. Одним из любимых первоисточников В. Д. Боровикова, разбираемых им на семинарах со студентами, была «Легенда о Великом Инквизиторе» Достоевского. Он сам сполна прочувствовал и, по видимому, умел поразительно живо воссоздать в студенческой аудитории экзистенциальную ситуацию трёх искушений, утоляющих три главные для большинства людей потребности на земле – «перед кем преклониться», «кому вручить свою совесть» и, наконец, объединиться в «общий и согласный муравейник». Если человек сам отрицает в себе высшую духовную свободу, то ему, очевидно, ничто не поможет обрести личность – ни культура, ни религия, ни наука, ни искусство, никакие прелестные утопии будущего «хрустального дворца». А большинство, низвергаясь в стадность, именно всегда и отрицает. Свобода во все времена неизменно аристократична. Сам Достоевский, так мощно провозгласивший эту трагическую и неприглядную истину, всё-таки остался в ложном сознании отождествления мессианского и национального, за счёт чего его экзистенциальный динамизм, «огненная» антропология тоже срывались в несвободу, или иллюзорную свободу. Тем не менее это вполне естественно для экзистенциальной диалектики духа философа, лишней раз подчёркивая невыносимое бремя свободы для человека вообще. «Достоевский верил, что в

восточном православии, – пишет Н. А. Бердяев, – более сохранилась христианская свобода, чем в западном католичестве. Тут было с его стороны преувеличение. Он часто бывал несправедлив к католическому миру, который невозможно признать целиком захваченным духом антихристианским. И он не хотел видеть уклонов и срывов в мире православном. В византизме, в императорской теократии не больше было христианской свободы, чем в папской теократии» [1, с. 173]. К сожалению, любой социальный муравейник, построенный на принуждении веры и совести, не особо располагает к отстаиванию и расцвету свободы. Находиться муравейник может в широком диапазоне взаимно враждующих идейных течений, но его суть остаётся одной и той же – непререкаемое послушание «миру сему», мировой данности с её посягательством на свободу человеческого духа во имя спокойствия и счастья массы.

Философа как-то само собой, без непосредственного участия его воли, ведёт к конфликту личности и массы. Его исток – всё в той же трагичности свободы философского познания и человеческого бытия. Боровиков в дискуссиях о назначении философии неоднократно повторял мысли Бердяева о незащищённости философского познания, подвергающегося нападению с двух сторон – со стороны религиозной веры и со стороны научного знания, когда они становятся всего лишь внешним, приказывающим авторитетом для философа. Для Бердяева такой вывод следует из признания первородности философии, её необъективированности, познания философией бытия «из человека и через человека», в то время как та же наука (да и нередко религия в форме догматизированной теологии) отчуждается от человека, лишая его свободы, а значит уникальности и смысла жизни и бытия [2, с. 3–11]. Поиск смысла экзистенциально фундирован духовной свободой человека, его ответственным правом заглядывать в предельные, узловы точки, через которые связываются в одно смысловое целое человек, мир и общество.

Институционально не принадлежа ни к феноменологии, ни к экзистенциализму, В. Д. Боровиков, на мой взгляд, интуитивно находился в их мировоззренческом поле. Вот почему философское стремление к освобождению от всяких наивных предпосылок, стереотипов и догм, кроме исходной, конституирующей предпосылки свободы философского мышления и человеческого духа, устойчиво определяло и его философский дискурс, и его образ жизни. Иначе и не может быть, если философствование понимается как «единство слова и дела», когда теоретическая позиция философа есть не просто обоснование, но и в то же время продолжение практически испробованной, выстраданной жизненной позиции. К несчастью, профессиональное лицемерие философского академизма демонстрировало и демонстрирует в действительности удивительные чудеса приспособляемости, не претворяя «высокие» философские концепты и ценности в жизненно-практические, индивидуально-ответственные поступки. Значит, тем больше мы должны питаться интуициями философской свободы, чтобы ни соображения пользы, ни амбиции власти, ни осязаемые выгоды социаль-

ного преуспевания не отвлекали философа от его фундаментального профессионального и человеческого предназначения. Будучи выпускником Томского государственного университета и долгие годы преподавателем АлтГТУ, Владимир Дмитриевич, разумеется, не участвовал заметно в столичной философской жизни, но к нему, как мне кажется, можно отчасти применить предпринятое Н. В. Мотрошиловой разделение философии в СССР на два противоположных по мотивам и ориентациям сегмента – официальное философское сообщество, подчинённое внешним партийно-идеологическим задачам государства, и неофициальное (неортодоксальное) сообщество, преследовавшее цели свободного философского исследования вопреки нажиму косной марксистско-ленинской догматики [5, с. 3–33]. Подлинные философы – по духу и по профессии – становились и развивались (особенно в 1950-е–1980-е гг.) под влиянием сопротивления безличным идеологическим указаниям, что в целом благотворно сказалось на гуманистической функции отечественной философии. Не входя в открытую борьбу с официальной позицией, члены неортодоксального сообщества поступательно защищали принципы антропологизма философских исследований. Сибирский философ Боровиков по своим вольным устремлениям также примыкал мыслью и сердцем к неортодоксальным личностям.

Свобода для философа и личности, помимо вышеуказанной трудности личностного самоопределения, есть, конечно, и величайший дар, которым нужно научиться распоряжаться. В противном случае проявится герценовский диагноз-предостережение: «Нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри». Дар свободы для философа – это вовсе не примитивно либеральничающее хотение, негативная свобода; это сначала внутренняя, духовная свобода, а потом уже обрамляющие её внешне-организационные рамки. Такая свобода равно чужда и плоскому, казённому консерватизму, и безответственному, радикальному прогрессизму. Она – за зрелое личностное самосознание, способное не увлекаться «вечно-бабьим» иступлённым восхищением какой-нибудь крайностью. Увы, русской культуре, в том числе, кстати, и философской, так и не удаётся выработать в себе духовной трезвости, из-за чего, пожалуй, и является столь катастрофическим наше историческое движение. Философ должен служить напоминанием об индивидуальной и коллективной трезвости – свобода опьяняет безудержной возможностью творчества (или псевдотворчества, подделки?), а отказ от свободы на пути реабилитации архаики ведёт к поначалу малозаметному рабству. Коллега Владимира Дмитриевича В. М. Гришаев, рисуя его личностный и философский портрет, отмечает: «В этих людях немало поэтичного, но немало в них и бытийно-печального, как в красивых сильных птицах, живущих в клетке. Да, русская гуманитарная интеллигенция жила в советское время в основном довольно сносно, но всё же в цензурной клетке. В девяностые годы их выпустили как бы на волю, но вот только на воле была не весна, в которую добрые хозяева выпускают своих птиц, а промозглая, тёмная осень» [8, с. 30–31]. Думается, что Владимир Дмитриевич продумал и пережил благо и

проклятие неверно истолкованной свободы. Наблюдая за катастрофическим ходом постсоветских реформ в стране, в частности в системе образования, он метко связывал их с всепоглощающим «культурным абортом». Однако и перспективу обратного движения к мировоззренческому и социально-политическому «подмораживанию» в стиле Великого Инквизитора он тоже не приветствовал. Видимо, в русле философской честности и трезвости стоит воспринимать и его неортодоксальные религиозно-философские взгляды, которые, с моей точки зрения, склоняются к интуиции «имманентной религиозности».

На занятиях по философской антропологии В. Д. Боровиков любил давать для комментированного чтения и обсуждения две знаковые работы М. Шелера – «Человек и история» и «Положение человека в Космосе». В них, на мой взгляд, он находил богатое подтверждение своей заветной идеи о специфике человека как *трансцендирующего духа*, способного возвыситься над самим собой, прорвать пределы окружающей действительности посредством феноменологической редукции, дабы, отключив чувственную случайность вещей, прийти к их истокам. Абсолют философа при таком понимании открывается первостепенно не где-то во внешней церковности, объективированном божественном мире, а опять-таки в экзистенциальном пространстве личности – свободы от органического и социального принуждения. Обретение Абсолюта с помощью протестующего экзистенциального опыта означает возвышение до максимальной целостности внутренней свободы, уже никак не вырождающейся в болезненный, нигилистический релятивизм, которым заражены многие течения неклассического философствования. Более того, духовность, существующая изнутри человека как его перманентное усилие быть выше самого себя, даёт способность обрести и достаточно твёрдое ценностное ядро личности (стержень), позволяющее жить подлинно – вне текучих, скороспелых и конъюнктурных изменений.

В качестве примера боровиковского понимания истинной личности философа, гармонично согласующей внутреннюю свободу с долгом и служением идеалам, сошлюсь на его же (показательную для двух этих философов) характеристику профессора П. Н. Гуйвана: «Главное для Петра Назаровича: он не изменился. Гуманитарий-профессионал, убеждённый в возможности человеческого общежития на началах демократизма, правды и справедливости, он стремится в меру своих сил и возможностей к торжеству этих принципов. П. Н. Гуйван – человек идейный. Людей этого типа не было в избытке в эпоху «двоемыслия», ну а нашему времени ещё предстоит выработать по мере выздоровления от «демократического» похмелья и угара и эти идеи, и людей, их исповедующих» [8, с. 9].

Хочется верить, что, придерживаясь таких заветов, мы не уроним высокий смысл философского Слова, а сохраним и приумножим на должном уровне не только философское знание, но и в целом гуманитарную культуру.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского. – М.: Академический проект, 2019. – 560 с.
2. Бердяев, Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – Париж: Изд-во «Современные записки», 1931. – 320 с.
3. Библер, В. С. Быть философом // Библер В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – С. 57–64.
4. Мамардашвили, М. К. Проблема сознания и философское призвание // Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / сост. и предисл. Ю. П. Сенокосова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 41–56.
5. Мотрошилова, Н. В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. – М.: Академический проект, 2012. – 376 с.
6. Пятигорский, А. М. Философия одного переуллка. – London: Russian Roulette Press LTD, 1989. – 121 с.
7. Розанов, В. В. Уединенное. Том 2. – Серия «Из истории отечественной философской мысли», приложение к журналу «Вопросы философии». – М.: Правда, 1990. – 712 с.
8. Труды кафедры философии: сборник статей / под общ. ред. П. Н. Гуйвана и В. Ю. Инговатова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – 152 с.
9. Шелер, М. Избранные произведения / пер. с нем. под ред. А. В. Денежкина. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.

С. М. ЖУРАВЛЕВА

**ПРОСТРАНСТВО СМЫСЛА: ОПЫТ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА
(THE SPACE OF MEANING: THE EXPERIENCE OF
METAPHYSICAL ANALYSIS)**

Аннотация. Быть человеком означает быть в пространстве смыслов, поскольку реальность дана нам всегда сквозь призму идеальных содержаний сознания, которые могут быть как субъективными (временными и ошибочными), так и объективными (вневременными). В статье приводятся аргументы в пользу реальности разума, которая столь же универсальна и объективна, как мир физических явлений, а потому не может существовать только в голове человека. Далее утверждается, что наиболее когерентной такой трактовке разума является синтетическая онтология духоматериального единства (монодуализм), предложенная С.Л. Франком. В статье также дается структурный анализ смыслового пространства в его горизонтальном и вертикальном срезах.

Ключевые слова: разум, смысл, пространство смыслов, понимание, синтетическая трактовка объективной реальности, человеческое бытие, реальность сознания.

Abstract. Being human means being in the space of meanings, since reality is always given to us through the prism of ideal contents of consciousness, which can be both subjective (temporary and erroneous) and objective (timeless). The article presents arguments in favor of the reality of the mind, which is as universal and objective as the world of physical phenomena, and therefore cannot exist only in the human head. It is further argued that the most coherent such interpretation of reason is the synthetic ontology of the spirit-material unity (monodualism) proposed by S.L. Frank. The article also provides a structural analysis of the semantic space in its horizontal and vertical sections.

Keywords: mind, meaning, space of meaning, understanding, synthetic interpretation of objective reality, human existence.

*«Все мысли всех существ всех миров ведает Татхагата¹»
(из «Ваджраччхедика Праджняпарамита сутры»²)*

Философ, в отличие от большинства людей, четко осознает, что он сам, равно как и любой человек в принципе, живет в пространстве смыслов. Сразу оговорюсь, что далее по тексту понятия «пространство смыслов», «смысловое пространство» и «реальность разума» я использую как синонимы; также и понятия «сознание», «осознание» и «осмысление» я понимаю как синонимичные и в самом широком смысле слова - как психическую деятельность, включая сюда и некоторые бессознательные механизмы и процессы (например, автоматизмы), которые ранее формировались как осознанные. Также важно сразу отметить, что «быть в простран-

¹ Татхагата (букв. «так ушедший» или «тот, кто вышел за пределы») - один из распространенных титулов Будды Шакьямуни.

² «Сутра о Совершенной Мудрости, рассекающей тьму невежества как удар молнии» (или «Алмазная сутра») составляет важнейшую часть буддийского канона.

стве смыслов» - не означает постоянно мыслить или быть рациональным. Это значит, прежде всего, *понимать* (верно или неверно, в данном случае не имеет значения) происходящее со мной здесь-и-сейчас, а именно: узнавать предметы, ситуации и лица; понимать, что происходит вокруг и внутри меня и почему; как-то реагировать на внешние воздействия и внутренние состояния. Все это наша психика может совершать и бессознательно, то есть по привычке, автоматически, затрагивая лишь периферию сознания, а потому нам не нужно постоянно думать или также постоянно быть концентрированными и внимательными, чтобы понимать происходящее и вести себя соответственно ему, то есть осмысленно.

Быть в пространстве смыслов для людей также естественно и нетрудно, как дышать, и потому это пространство так непросто анализировать и даже осознать его наличие, ибо все очевидное (само собой разумеющееся) людьми обычно не замечается и, тем более, не проблематизируется. И только философ как тот, кто вопрошает об очевидном, знает об этой реальности и пытается ее познать. Все другие виды пространств³ в *человеческом бытии* являются по сути производными от смыслового, поскольку самой природе человека свойственно понимать. Таков наш удел, а точнее, преимущество! Даже физическое пространство становится для меня трехмерным, физическим и пространством лишь как следствие эволюции научного разума и получения мною школьного образования, а до этого физическое пространство, конечно, тоже существует, но *понимается* в других образах и смыслах⁴ – пространство леса, поля, населенного пункта, усадьбы, хозяйства, города, публичного места, святыни, интимной беседы и т.п. Существенно здесь то, что физическое пространство никогда не воспринимается и не переживается абстрактно, но всегда конкретно – в виде конкретных, понятных человеку образов, и стоящих за ними смыслов. Также и все прочие объекты и характеристики физической реальности сначала появляются в моем опыте как понятные мне (то есть осмысленные так или иначе⁵) образы, потом эти образы и смыслы, с ними связанные, могут расширяться и многогранно трансформироваться, в том числе, и в аб-

³ Под другими видами пространств я понимаю, помимо физического трехмерного, еще, например, социальное, представленное социокультурным контекстом; бытовое, замкнутое внутри дома или квартиры, и расходящееся стандартными ежедневными траекториями; психологическое и художественное, связанные с друг с другом как образ и его экстеризация, и всякие прочие пространства, если они существуют.

⁴ Понятия «образы» и «смыслы» я трактую как взаимосвязанные в свете платоновского учения об эйдосах – идеях разума. Образ всегда имеет смысл, который может быть конкретным или абстрактным, четким или расплывчатым, осознаваемым или бессознательным (стандартизированным, автоматическим). И наоборот, смысл, придаваемый мною конкретным восприятиям и переживаниям, всегда неразрывно связан с конкретными образами из этих (или других подобных, либо ассоциированных по сходству) восприятий.

⁵ Осмысление объектов, явлений и событий не обязательно рационально, оно может быть каким угодно, в том числе мифологическим, религиозным и даже полностью абсурдным и оторванным от действительности.

страктные понятия, но только если это необходимо для моего *личного опыта понимающего бытия-в-мире* (например, если я познаю мир как математик, физик или философ).

Понимание – это атрибутивное качество человеческого бытия-в-мире: *homo sapiens est homo intelligens*⁶. Оно дало эволюционные преимущества человеческому виду, поскольку не только способствует лучшей адаптации к среде с целью выживания (для этого достаточно было бы и инстинктов, как показывает нам природа), но, главным образом, дает неограниченные возможности творческой трансформации как внешней среды, так и своей собственной природы. Именно последний фактор имеет принципиальное значение в эволюции вида, ведь сознательная работа над собой, над трансформацией своей собственной природы в разы быстрее и эффективнее бессознательной эволюции других видов живых существ. Все, что происходит (или не происходит) с человеком, каждый, даже самый обычный и простой акт чувственного восприятия – это акт наделения смыслом, осознанный или неосознанный⁷. «Неосознанный акт наделения смыслом» звучит как *contradictio in adjecto*, однако, здесь нет логической ошибки, поскольку имеются в виду открытые психоанализом бессознательные процессы, часто доминирующие в нашей психике (с целью экономии энергии), когда осмысление происходящего осуществляется на периферии сознания, очень схематично и автоматизировано, по аналогии с предыдущим опытом. Например, когда я, передвигаясь по улице, вижу какие-то объекты, то *осмыслю (осознаю) их* как движущиеся или статичные, близкие или далекие, большие или маленькие, опасные или нейтральные, четкие или неясные, длящиеся или мгновенные, связанные или несвязанные с моими путями и намерениями, и, наконец, знакомые или незнакомые, приятные или неприятные, и тому подобное. Часть этих характеристик объектов может мной осознаваться в данный момент, но большая их часть неосознанно осмысленна, то есть они опознаны как обычные (типичные) и зарегистрированы на периферии сознания.

Я не утверждаю сейчас, как солипсисты, что реальность вещей существует только в нашем восприятии, я лишь утверждаю, подобно Платону и его философским единомышленникам, что все существующее становится *для нас* реальным, лишь когда мы осознали это, то есть *реальность дана нам всегда в пространстве смысла (разума)* или, другими словами, сквозь призму идеальных содержаний сознания, которые могут быть как субъективными (временными и ошибочными), так и объективными (вневременными). Если объективное содержание разума составляют, согласно плато-

⁶ Человек разумный есть человек понимающий (лат.)

⁷ Важная особенность психики человека – в том, что осознаваемые и бессознательные акты придания смысла взаимосвязаны и взаимно переходят друг в друга: осознанное может забыться и превратиться в бессознательное и, наоборот, неосознаваемое сейчас может быть осознанно позже, *post factum*, под воздействием определенных обстоятельств, приведших к необходимости самоанализа, в том числе анализа воспоминаний о прошлых поступках и вызвавших их смыслах.

никам (и рационалисты Нового времени с ними вполне согласны), «врожденные идеи», среди которых наиболее значимыми для познания являются числа и базовые категории, вкуче с логическими и математическими операциями, то субъективное содержание разума связано с искажениями, возникающими как результат неграмотного толкования и необоснованного применения этих объективных идей для объяснения явлений и процессов в окружающей нас действительности. С помощью знаменитого «образа пещеры» Платон показал, что существовать в пространстве смыслов совсем не означает быть рациональным, поскольку ум большинства людей тесно связан с их личностью, которая, в свою очередь, скована, буквально как цепями, своими предрассудками, заблуждениями и пороками (пещера ума) [9, с. 321-324]. Под влиянием личных особенностей (эмоциональных состояний, предвзятостей, незнания, умственной инерции) и социальных идеологий ум может очень сильно отклоняться от истины, или реальности⁸. Отклоняясь от реальности, ум большинства людей начинает пребывать в «пещере иллюзий», которая если не стихийно складывается (в тех обществах, где отсутствует идейный контроль), то намерено создается идеологами с целью управления сознанием и, как следствие, жизнью обывателей. Согласно Платону, каждый человек способен покинуть «пещеру иллюзий», ограничивающую его ум, и выйти в пространство «универсальных смыслов» - «мира идей» (или истины, истинной реальности), однако *выйти совсем из смыслового пространства невозможно для человека, обладающего разумной душой, сущность которой в познании. Разумная душа пребывает в пространстве смыслов, это ее воздух, ее сущность и природа.*

С.Л. Франк, размышляя в работе «Реальность и человек» [11] об объективной действительности и ее связи со смысловой реальностью, замечает, что неверно называть окружающую нас действительность эмпирической реальностью (как это делают позитивисты и материалисты), отождествляя ее тем самым с миром физических объектов. Эмпирическая реальность представляет только один слой объективной действительности, другим же ее слоем являются не менее объективные идеальные формы. Эти идеальные формы присутствуют в сознании как его идеальное содержание, однако, они не субъективны, поскольку эта идеальная (смысловая) реальность, во-первых, превосходит мысли отдельного человека и, во-вторых, входит в состав объективной действительности, ведь качества и отношения идеальных форм выражают качества и отношения, присущие самому материальному бытию [11, с. 16]. В этом пункте Франк существенно расходится с позицией Канта, противопоставляющей трансцендентальные структуры разума ноуменальной реальности, при этом отдавая должное гениальности его философии, повернувшей, как когда-то Сократ, по меткому выражению Платона, «глаза души» извне вовнутрь [11, с. 33].

⁸ Истина и реальность в онтологии Платона понимаются как синонимы, что в целом характерно для древней философии. Истина – это то, что существует на самом деле (а не кажется существующим), либо знание того, что существует.

Объективная действительность, по мысли Франка, представляет собой *единство* мирового бытия, протекающего во времени, и вневременных идеальных форм (идей), находящихся в составе временной действительности свое конкретное воплощение [11, с. 20-21]. Эти универсальные и объективные идеальные формы связывают многообразие разрозненных вещей в системы, в «реальности», обладающие множеством разнообразных свойств (как эмпирических, так и идеальных) и состоящих в разного рода отношениях друг к другу [11, с.17]. Объясняя природу идеальных содержаний сознания, Франк мыслит диалектически. С одной стороны, эти идеальные содержания сознания объективны, потому что «предстоят познающему взору субъекта как нечто данное», но, с другой стороны, они «находятся не вне самой мысли, а объемлются ею, в результате чего и возникает соблазн считать их «субъективными» созданиями нашей мысли и отрицать их объективную значимость», как это и присутствует в кантианской трактовке действительности как «коррелята теоретического разума» [11, с. 24].

Таким образом, у Франка, как яркого представителя русской философии, испытавшей сильное влияние платонизма⁹ и метафизики Всеединства В.С. Соловьева, наряду с диалектическими традициями немецкой классической философии, и склонной, поэтому, к синтезу философских противоположностей и крайностей, мы видим *синтетическую* трактовку объективной реальности, где внешняя эмпирическая реальность не противостоит, а *совпадает* с реальностью познающего Я: «мы сами есть эта реальность, открывающаяся самой себе» [11, с. 30]. Если принять за истинное это утверждение Франка, то многие метафизические проблемы прояснятся, например, станет понятной природа корреляции трансцендентальных структур нашего разума с физическими явлениями и процессами внешнего мира, данными в ощущениях. С точки зрения синтетической онтологии мы воспринимаем и познаем все вещи такими, какие они есть, и даже если навязываем миру свои мифологические предрассудки или метафизически-абстрактные схемы, то лишь достраиваем ими реальность (истину), искажая ее в той или иной степени¹⁰, но не конструируя *произвольно*. Смыслы и конструкции, создаваемые моим разумом, не только соответствуют, а совпадают с порядком вещей в материальной реальности, который настолько многообразен¹¹, что порождает возможность огромного множества индивидуальных интерпретаций. Это смысловое множество, однако, совсем не исключает смыслового единства, но, напротив, предполагает это единство как источник вариативности – как ствол в метафоре мирового древа смыслов, и как вещи в «символе пещеры» Платона, которые отбрасывают многочисленные тени на стене перед узниками. И сте-

⁹ О влиянии платонизма на русскую философию нами, совместно с профессором А.В. Ивановым, написана статья [6].

¹⁰ Степень искажения истины реальности также индивидуальна, как и глубина проникновения в истину.

¹¹ Как в метафоре «пещеры» у Платона многообразны виды теней на стене, отбрасываемые одним и тем же предметом в разных ракурсах.

пень совпадения моих идей с реальностью (истиной) тем больше, чем более универсальны и рациональны понятия, при помощи которых я эту реальность познаю, чем менее они нагружены субъективными (произвольными) интерпретациями, проистекающими от невежества и зашоренности отдельных сознаний.

Также с точки зрения синтетической трактовки реальности становится более ясным и *механизм чувственного восприятия*: поскольку сознание здесь не порождается моим телом (или мозгом), но является универсальной реальностью, совпадающей с эмпирической реальностью, постольку я воспринимаю и осознаю *саму* эту реальность, а не ее образы, созданные и скомпонованные моим сознанием, заключенным в черепной коробке. Метафизически проблема заключается в следующем: когда я воспринимаю какую-то вещь, я при этом не выхожу из своего сознания, наоборот, я воспринимаю ее своим сознанием; но *если сознание поместить в голове* (как нас и себя пытаются убедить ученые, трактуя сознание как продукт работы мозга), то почему тогда я вижу и чувствую вещь не у себя в голове, а в том месте физического пространства, где она в реальности и находится?! Когда я смотрю на вещь, я вижу саму эту вещь или ее образ, созданный отраженными и сфокусированными хрусталиком фотонами на сетчатке моего глаза? Если сравнить зрительное восприятие с работой фотоаппарата, то образ на сетчатке моего глаза подобен картинке на светочувствительной пленке, находящейся внутри корпуса фотоаппарата. Свет, отразившийся от поверхностей предметов, был собран линзами (внутри глаза это хрусталик) и оставил след на фоточувствительной пластине (фоточувствительные рецепторы, известные всем колбочки и палочки, внутри сетчатки глаза). Вроде бы процессы очень похожи, кроме одного – внутри фотоаппарата на пленке создается картинка (образ реальности), отличная от реального объекта, хоть и копирующая его, тогда как при зрительном восприятии ощущения картинки (образа) нет, напротив, нам кажется, что мы видим реальный предмет. Таким образом, при распространенном объяснении зрительного восприятия образ реальности, полученный при помощи сложной и тонкой физиологии глаз, либо наслаивается на саму реальность, либо подменяет ее. По сути, в обоих этих случаях происходит подмена (частичная или полная) реальности образом, что ведет к тупику конструктивизма, в котором сознание, трактуемое широко, как психика, формирует восприятие реальности и даже может иногда (а где иногда, там может быть и часто, и всегда!) сильно исказить ее, например, в состоянии стресса или опьянения. Некоторые ученые и философы (те, кто принимают *физикалистскую* трактовку сознания как продукта работы мозга) предпочитают утверждать, что это проецирование реальности суть работа бессознательного, связанная с физиологией мозга, а потому механизм ее непрозрачен, закрыт для сознания и, следовательно, не поддается научному познанию. Однако такая позиция больше похожа на неverified научный догмат, чем на объяснение процесса восприятия реальности человеком. Те же ошибки совершаются и при объяснении механизмов восприятия

остальными органами чувств, ведь тактильные, слуховые, вкусовые и обонятельные ощущения также мною осознаются, то есть находятся как бы *внутри* моего сознания, но не всегда осознание это можно соотнести с головой и тем более локализовать в ней. Например, когда я испытываю боль от ожога, я ощущаю (сознаю) ее не в голове, а в месте ожога, также я могу ощущать кожей взгляд или, например, вибрации, которые не воспринимает мой слух. Таким образом, тактильные восприятия вполне могут распространяться на все тело целиком, как и на отдельные его части. Распространенное перенесение сознания в голову связано с тем, что большинство органов чувственного восприятия (зрение, слух, обоняние и вкус) находятся на голове, в результате чего голова, несомненно, является центром человеческого восприятия мира, своеобразной точкой отсчета. Однако, делать из этого вывод о локализации сознания в голове человека и утверждать происхождение сознания от мозга не обосновано, тем более что самый большой орган чувственного восприятия, кожа, находится на всей поверхности тела, посему осознавать соприкосновение с чем-то внешним я могу любой частью тела.

В принципе замыкать сознание в теле (голове) и считать его функцией тела (атрибутом материи) может только тот исследователь, кто упорно не хочет понять идеальную природу сознания как бытия в пространстве смыслов (а не вещей), столь же объективно существующем, как и эмпирическая реальность. Однако сам механизм взаимодействия моего тела, как индивидуализированного проявления материальной реальности, с моим сознанием, как не менее индивидуализированным проявлением реальности разума, с давних пор является большой метафизической проблемой для философов, в отличие, например, от проблемы взаимодействия индивидуальных сознаний (мнений о реальности) с реальностью разума как таковой (истиной). Проблема взаимодействия идеального и материального является «вечным» вопросом философии, поэтому в данной статье я не претендую на то, чтобы ее разрешить, скорее, это очередная попытка задать неудобные вопросы об очевидном, с целью развенчать эту мнимую очевидность.

Об *имманентном единстве* человеческого тела и сознания свидетельствует факт, что весь наш телесный опыт мира покоится на самосознании и *невозможен* без него. Об этом достаточно подробно писали классики немецкого идеализма Фихте и Гегель. Последний, размышляя в «Феноменологии духа», о возможности для человека «чистого бытия» как «непосредственного переживания истины вещи», до всякой рефлексии и познания, находит, что «если мы присмотримся», то в *любом* опыте чистого переживания чувственной достоверности мы всегда увидим главное различие: «“этот” как “я” и “это” как предмет» [3, с. 52]. «Если мы вдумаемся в это различие, - пишет Гегель, - то окажется, что “я” и предмет чувственно достоверны не только *непосредственно*, но в то же время и *опосредованно*¹²: “я” обладаю достоверностью через нечто иное, а именно че-

¹² Здесь курсив в цитатах принадлежит автору – Г. Гегелю.

рез вещь; а эта последняя достоверна точно так же через нечто иное, а именно через «я»¹³. Когда же я захочу выразить то, что я чувствую, даже в предельно индивидуализированной форме, мне придется использовать понятия («я», «здесь», «вижу», «слышу» и т.п.), и это придаст моему переживанию, каким бы простым и очевидным оно ни было, всеобщий характер. Таким образом, Гегель показывает, что любое переживание чувственной достоверности *предполагает уже самосознание как основу*, ибо вне его «чистая непосредственность» не проводит никакого различия между «я» и предметом, «здесь» и «не-здесь», «теперь» и «не-теперь» (раньше, позже) [3, с. 54-55]. Непосредственное неразличенное чувственное существование – это существование вещи, но не человека. Согласно Гегелю, такое существование ничтожно и неистинно, поскольку это бытие вне разума; человеческое же тело существует *в пространстве различающего самосознания*. И добавим, что это смысловое пространство, будучи *идеальным* по своей сути, не порождается и не может порождаться телом, какой бы высокоорганизованной *материальной* системой оно ни было, поскольку тогда и все составляющие тело, не менее сложно организованные системы, такие как клетки и органы, тоже бы обладали самосознанием (порождали его), равно как и все другие сложные материальные системы, включая биосферу, галактики и Вселенную в целом. Но мы видим, что это не так – клетки не обладают самосознанием¹⁴, следовательно, оно – не продукт тела. Самосознание – это имманентная человеческому разуму способность, позволяющая различать себя и свои проявления (в том числе, среди прочего, проявления себя как тела!) от чего-то другого, противостоящего мне в опыте, будь то физические, психические или ментальные взаимодействия. При этом моему сознанию необходимо удостовериться в наличии этого другого (увидеть, ощупать его), а бытие самого моего сознания обладает непосредственной достоверностью и не требует такого удостоверения.

Таким образом, получается, что чувственный опыт, как удостоверение наличия другого, определяющей границы моего «я», является *необходимым аспектом самосознания*, а это последнее, в свою очередь, лежит в основе любого, даже самого простого и кажущегося непосредственным чувственного опыта. Что это? Логический круг или свидетельство имманентного единства эмпирической реальности (реальность вещей) и реальности сознания (реальность смысла), о котором говорит Франк?! Поясню для устранения недоразумений, что Гегеля я процитировала здесь для

¹³ Там же.

¹⁴ Я не специалист в физиологии, но предполагаю, что, когда иммунные клетки распознают инородные и вредоносные клетки, они определяют их НЕ благодаря самосознанию, а по маркерам (признакам чужеродности и вредоносности), которые закодированы в программе (геноме) этих иммунных клеток, то есть автоматически. Думаю, что и другие клетки работают по генетически заданной программе. Другой вопрос, может ли разум человека влиять на эту программу, блокировать ее или корректировать – это предмет будущих открытий, поскольку, если исходить из монодуалистической онтологии, это должно быть возможно!

пояснения идеи *имманентной* связи любого опыта телесного переживания, даже самого простейшего, коим является опыт чувственной достоверности, с самосознанием¹⁵. Эта цитата совсем не означает, что Гегеля я считаю представителем синтетической онтологии, подобным Франку. Гегель был и остается чистым идеалистом, у которого чувственно-физический мир снимается в логическом понятии, в отличие от Франка, трактующего материальное и чувственное измерение мира как объективную реальность.

Интересен факт, что эта гносеологически плодотворная идея философов-платоников и неоплатоников об онтологической укорененности человеческого бытия в смысловой реальности разума и единства этой последней с физической (эмпирической) реальностью совершенно не нашла понимания не только в среде ученых, но даже большинством философов нового и новейшего времени не была понята и оценена должным образом. Первым *ученым философом*, кто в европейской философии Нового времени признал и даже доказал (а не только принял за аксиому, как это часто принято делать у ученых) реальность разума, его самостоятельное и независимое существование, был Р. Декарт: *Cogito ergo sum*. С.Л. Франк в упомянутом выше сочинении с прискорбием замечает, что это открытие Декарта осталось практически незамеченным и не оцененным по достоинству в европейской философии в силу разных причин, среди которых главная, пожалуй, это господство в гносеологии материализма и эмпирической методологии познания. Отдавая должное справедливости, русский философ замечает, что это открытие на 12 веков раньше Декарта совершил Блаженный Августин в «Исповеди». Ему «открылась самоочевидность сверхмирного сверхобъективного бытия» (Бог) «не как немая, пассивная действительность, извне предстоящая мысли и ей открывающаяся, а как непосредственно для себя самой сущая и себе самой открывающаяся жизнь» [11, с. 31]. То есть для Аврелия Августина реальность Бога (на философском языке это – истинная реальность) познавалась не отдельно от жизни человека, как что-то ей противостоящее, но слитно с нашей жизнью, изнутри нее, как *живое знание*, которое суть *жизнь*¹⁶. Ясно, что открытие Августина не могло никак повлиять на научную философию Нового времени в силу противоречивости религиозных и научных мировоззренческих установок. Согласно С.Л. Франку, этот «живой опыт непосредственного внутреннего самораскрытия реальности» [11, с. 35], открытый Авгу-

¹⁵ В гегелевской «Феноменологии духа» этому посвящен отдельный раздел [3, с. 51-59], поэтому нет смысла изобретать какие-то новые аргументы и доказательства.

¹⁶ Августин пишет в самом начале «Исповеди»: «Но как я воззову к Богу моему? Когда я воззову к Нему, я призову Его в самого себя. Где же есть во мне место, куда пришел бы Господь мой? ... ужели есть во мне нечто, что может вместить Тебя? Разве небо и земля, которые Ты создал и на которой создал и меня, вмещают Тебя? Но без Тебя не было бы ничего, что существует – значит, все, что существует, вмещает Тебя? Но ведь и я существую; зачем прошу я Тебя прийти ко мне: меня бы не было, если бы Ты не был во мне. ... Во истину так, Господи, во истину так. Куда звать мне Тебя, если я в Тебе?» [1, с. 8-9].

стином, впоследствии вынуждены были вновь открывать, каждый по-своему глубоко, Декарт и Кант, противопоставляя его «умственной картине реальности», созданной материалистической сенсуалистической теорией отражения, усвоенной впоследствии позитивистами, где сознание (разум) трактуется как функция мозга, точнее, его способность зеркально копировать физическую объективную реальность, а не как самостоятельная реальность (субстанция). В философской гносеологии Нового и новейшего времени, в результате, прочно утвердилась «гносеологически отчужденная» позиция субъекта познания, схожая с равнодушным наблюдением посторонним лицом, будто человек не участвует в реальности, а смотрит кинофильм про нее. Эту отчужденную установку в познании и мировоззрении философов-позитивистов Мартин Хайдеггер назвал «постав» (Gestell), у В. Дильтея – это *Begreifen*, отвлеченное разумение, у С.Л. Франка – «умственное» знание, «отстраненное предметное познание» [11, с. 28], у П.А. Флоренского и В.С. Соловьева – «отвлеченное знание». Истинное понимание этого вопроса, напротив, предполагает у этих философов вовлеченность разума в реальность, называть ли ее «открытостью» (*αληθεια*) как Хайдеггер, или «вживанием», «вчувствованием» как Дильтей, или как-то иначе.

Таким образом, признать реальность разума многим философам XVII-XX веков мешало (и мешает до сих пор) их физикалистское материалистическое мировоззрение, которое считалось в механистической науке и наследовавшей ей философии позитивизма прогрессивным и находило оправдания, поскольку соответствовало научным теориям того времени. Материалисту для признания разума реальностью, необходимо одно – увидеть в нем материю, поскольку в онтологии материализма кроме материи ничего не существует и не может существовать. Так и случилось по факту, когда разум признали производным от материи свойством – атрибутом. И далее эта мифологическая, или догматическая (кому как больше нравится) по своей сути установка мешала и до сих пор мешает философам-позитивистам признать разум за объективную реальность, что, кстати, помогло бы объяснить целесообразность поведения всех организмов в живой природе. Удивительно, но научные открытия последних десятилетий, все более явственно раскрывающие такое многообразие и сложность универсума, которое превосходит самые изощренные замыслы любого человеческого разума, совершают очень малые сдвиги в крепких умах научных реалистов, продолжающих верить в дарвинизм, точнее в то, что при помощи ненаправленной эволюции «природа *бездумно* создает лучшие с точки зрения разума конструкции», как это сформулировал популярный американский философ Дэниел Деннет [4, с. 65]. Ярким примером такой зашоренности философского сознания является и концепция «трех миров» К. Поппера, в которой тот пытался целиком свести смысловую реальность к пространству культуры как «миру *объективного* содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произве-

дений искусства» [10, с. 440]. Объективное содержание мышления означает у Поппера овеществленность идей в виде записей, формул, образов искусства. Эта овеществленность и делает для «наивного реалиста», как он сам себя называет¹⁷, Поппера этот «третий мир» объективным, наподобие мира физических объектов (мира 1), в отличие от субъективных ментальных состояний сознания (мир 2). Этот «третий мир», несмотря на всю его «объективность», является, как признает сам автор, принципиально фальсифицируемым, то есть, по сути, никогда не может (и не сможет в будущем) полностью отразить истину физического мира, поскольку является продуктом взаимодействия мира субъективных ментальных состояний и объективной физической реальности. В субъективности «мира 2», собственно, и коренится у Поппера главная помеха познанию истины и основная причина фальсифицируемости любого знания. Вследствие своего «научного реализма», несмотря на весь свой критицизм, Поппер пришел в тот же тупик, что и кантианцы, ведь принципиальная фальсифицируемость научного знания означает ни что иное, как невозможность познания истины.

Для платонической онтологии попперовская идея «третьего мира» является избыточной, достаточно лишь поделить объекты физической реальности на рукотворные и нерукотворные. А «мир 2», представляющий у Поппера «царство ментальных состояний и процессов», возникших в ходе биологической эволюции живого вещества, обозначить как смысловую объективную (не субъективную!) реальность, базовую (исходную) в человеческом бытии, подобно здоровой идее экзистенциалистов. Кстати, признание имманентного диалектического единства материи и сознания могло бы пролить свет и на еще одну метафизическую проблему – природы законов мироздания: материальное бытие подчиняется законам (в том числе организмы в живой природе способны к целесообразной деятельности), потому что *обусловлено разумом*, который не «находится» в голове человека (и тем более, не является функцией мозга), а представляет собой реальность, столь же объективную и бесконечную, как физическая реальность. При этом тело, как я уже не раз говорила, не противостоит сознанию (смысловой реальности) как иная, физическая, реальность, но пребывает в нераздельном единстве с ним, является его инструментом, органом физического восприятия действительности.

Исходя из вышеизложенного, есть основания утверждать, что наибольшим объяснительным потенциалом на сегодняшний день обладает именно идея имманентной связи сознания и материи, где каждая из этих реальностей, несмотря на кажущуюся многим их самодостаточность и независимость, предполагает другую именно как онтологическую основу собственной действительности. Философское противостояние систем иде-

¹⁷ Там же – [10, с. 440].

ализма и материализма, где первые утверждали единственной существующей реальностью разум и его идеи, а вторые единственной реальностью считали материальный мир, нас окружающий, потому и длилась столько веков, что эти мировоззренческие позиции метафизически приблизительно равны с точки зрения достоинств и недостатков, а, следовательно, ни одна не имела преимуществ, необходимых для победы. Синтетическая концепция реальности, снимающая крайности идеализма и материализма, фактически существует с древности и по сию пору как в восточной философской традиции (даосское учение об инь-ян и о дао как универсальном смысле мироздания¹⁸; индийская философия санкхьи и веданты¹⁹; интегральная йога Ш. Ауробиндо Гхоша), так и на Западе (Плотин, Н. Кузанский, а также Шеллинг с его идеей диалектического синтеза Бога и природы), и в русской метафизике Всеединства В. С. Соловьева и его последователей. Мой коллега, философ, профессор алтайского аграрного университета А.В. Иванов назвал, вслед за русскими мыслителями начала XX века С.Л. Франком и С.Н. Булгаковым, эту синтетическую концепцию реальности «монодуалистической», и посвятил ей очерк «Монодуализм: краткое историко-теоретическое введение» в своей монографии «Новый опыт “метафизики всеединства”» [5, с. 33-55]. Отсылаю вдумчивого читателя к этому очерку, а также к монографии нашего коллеги по политехническому университету, алтайского философа, профессора В.Ю. Инговатова [8], развивающего антиномический монодуалистический подход в социально-антропологической проблематике, поскольку детально рассмотреть в формате статьи суть и историю становления монодуалистической метафизики не представляется возможным. Замечу только, что монодуалистическая концепция, как это видно из названия, признает реальность (субстанциальность) и материи, и сознания (разума), но не противопоставляет их друг другу как противоположные начала, а, наоборот, утверждает их имманентное единство, но не тождество. Они *нераздельны и неслиянны* одновременно. Ясно, что популярность такая концепция могла приобрести только среди диалектически мыслящих философов, посему становление диалектической методологии в XVIII-XX веках в самых разнообразных ее вариантах - от субъективно-идеалистической у Фихте, панлогической у Гегеля и пантеистической у Шеллинга до материалистической диалектики Фейербаха и Маркса - является своеобразной ступенью к будущему утверждению монодуализма (или синтетической концепции реальности) и переходу к новому этапу в развитии современной философской мысли.

¹⁸ По сути, дао в даосизме и является смысловым аспектом физического универсума, оно определяет в нем гармонию и порядок, проявляющийся в космологических, физических, биологических, моральных и мыслительных законах. Учение о дао – это учение о синтезе биологии и космологии, морали и природы, разума и материи.

¹⁹ Имеется в виду, конечно, вишишта-адвайта, восходящая к Раманудже, а не учение Шанкары.

Сегодня единство и неслиянность материи и сознания уже не может являться столь парадоксальной и самопротиворечивой мыслью, как это могло считаться еще совсем недавно – в науке и философии нового и новейшего времени до развития диалектики. В числе прочих неоценимый вклад в развитие диалектической методологии и логики познания внесла советская наука и философия, нам осталось сделать лишь небольшой шаг – в сторону диалектической *онтологии*: утвердить *духоматериальное единство* (не тождество, а диалектический синтез). По сути, принятие этого единства для философов и ученых давно назрело и является делом времени. Надо лишь осознать его – самостоятельно или под влиянием выдающихся философских примеров, будь то русская метафизика Всеединства или интегральная йога. В свою очередь, агностицизм Канта (и все его вариации в виде конструктивистских и когерентных концепций познания) может быть рассмотрен как пример философии, ясно показавший, как отсутствие признания духоматериального единства делает невозможной идею познания реальности как таковой. Если встать на позицию Канта и разлучить реальность трансцендентальных конструкций нашего разума с ноуменальной (предположительно физической) реальностью, аффицирующей (непонятно, правда, с какой целью) наши органы чувств, то никто и никогда не сможет гарантировать адекватность наших даже самых простых житейских установок. Будь реальность на самом деле устроена так дуалистично, как предположил Кант, никакая предустановленная гармония (или другая метафизическая тайна мироздания) не устранила бы конфликт человека с материальной вселенной, тем более при наличии свободной воли, что рано или поздно привело бы к самоистреблению. Однако, сама практика жизни, как мне кажется, не подтверждает дуализма материи и сознания, наоборот, с помощью материальных ресурсов сознание все больше осваивается в мире, упорядочивая и осмысливая его и, одновременно, все глубже познает и совершенствует себя в этом процессе.

Операция «наделения смыслом» как атрибутивная способность нашей психики, не просто произвольно предписывает миру порядок, но как бы проявляет его из потенциальности (непознанности) в актуальность (ясное осознание). Порядок и красота (гармония) уже изначально, хоть и не всегда явно и очевидно для познающего их человека, присутствуют в мире. Задача человека, исходя из такой синтетической онтологии, познать порядок и дать ему проявиться; выпестовать, выявить его, а не создать на пустом месте, как бы навязав реальности свою человеческую волю. Вслушивание (познание) и забота (созидание порядка и красоты) вместе с работой над собственным самосовершенствованием станут в таком мировоззрении основой человеческой жизни – такой основой, которая как никогда актуальна сегодня на фоне повсеместного духовного кризиса, проявляющегося воочию в поверхностном, отчужденном, эгоистичном бытии городского жителя, оторванного от корней и озабоченного собой, увлекаю-

щегося всем ярким, пафосным и абсурдным, не замечающего гармонии бытия и живущего ради наживы и удовольствий. О необходимости преодоления такого типа человека, называя его «одномерным», «массовым», «потребителем», писали философы на протяжении всего XX века. Но как изменить людей, если даже ученые и философы современной потребительской цивилизации тщеславны и конъюнктурны, хотят денег и удовольствий, а главное, лицемерно оправдывают в собственных же глазах свои пороки, принимая концепции «постправды», технологии манипуляции сознанием и конструирования общественного мнения и примиряясь с капитализмом, меряющим все «истины» деньгами и экономической эффективностью! Синтетическая онтология духоматериального единства может стать той мировоззренческой основой, которая приведет к постепенному, но коренному изменению образа человека – от эгоистичного и равнодушного к проблемам мира потребителя к познающему творцу, постигающему красоту и благо через самопознание и преображение собственной природы.

Рассмотрим теперь понятие «пространства смысла» (или «смыслового пространства») поближе с целью выделить его существенные характеристики. Сразу оговорюсь, что мой дальнейший анализ будет носить герменевтический и экзистенциальный характер, поскольку в данной статье я стараюсь не касаться, насколько это возможно, сложнейшей темы онтологии смысловых пространств и природы смысла²⁰.

Очевидно, что смысловое пространство обладает многомерностью, количественно превосходящей измерения физического пространства, и глубиной, уводящей разум в бесконечность. При самом первом приближении структурными уровнями смыслового пространства выступают личные, национальные и общечеловеческие смыслы, выраженные, соответственно, в привычных повседневных образах, а также в символах и сюжетах, воплощающих общечеловеческие идеалы и ценности и их национальное своеобразие. Эта первая типология отражает как горизонтальный срез – смысловое многообразие в настоящем моменте (синхронический аспект), так и вертикальный – некие объединяющие это многообразие сверхвременные и сверхличные инварианты.

Другую типологию смысловых измерений, отражающую в большей степени вертикальный, глубинный аспект индивидуального понимания,

²⁰ Философы предполагают наличие различных уровней монодуального единства смысла и материи, где может быть очень тонкая светонесущая материя, о которой говорят уже неоплатоники, и высшие структурообразующие эйдосы (идеи) мира на уровне Божественного ума; а может быть чисто субъективная и хаотическая жизнь смыслов человеческого сознания, полностью растворенного в сфере телесных желаний и эмоций. Некоторые вопросы монодуалистической онтологии смысла анализируются в Главе 1 монографии алтайских философов А.В. Иванова, И.В. Фотиевой и М.Ю. Шишина «Философия мысли: новые грани метафизики всеединства» [7, с. 24-80].

предложил в свое время христианский богослов 2-й пол. IV—нач. V вв. н.э. Иоанн Кассиан, и она пользовалась большой популярностью в европейской средневековой экзегетике и библеистике на протяжении нескольких столетий. В тексте Библии, исходя из этой типологии Кассиана, богословы выделяли минимум четыре смысловых уровня: буквальный; аллегорический (иносказательный); тропологический (моральный, общечеловеческий) и анагогический (символический, мистический). Каждый человек, согласно этой средневековой герменевтической традиции, способен понять в тексте Библии, равно как и в других великих философских и религиозных источниках, ровно столько, сколько способен вместить его разум. Индивидуальные возможности понимания, его глубина и качество полностью зависят от того конкретного узора сознания, в котором сочетаются в разных, сугубо индивидуальных пропорциях знания и предрассудки, вдумчивость и поспешность ума, аналитичность выводов и их поверхностность, эмоциональность и трезвость, и многие другие факторы. И даже наличие мистического опыта не всегда и не всем дает преимущество в понимании и толковании смыслов, поскольку мистический опыт, не менее самого текста Библии, нуждается в истолковании.

Наличие желания понять – это важное, но недостаточное условие адекватного понимания истинного смысла. Каждый человек сам определяет границы своего понимания, будь то тексты, внешние события или внутренние процессы, связанные с развитием нашей личности (в том числе и мистический опыт). Пространство смыслов очень *живое*, оно откликается на интересы и формируется намерениями и жизненными запросами каждого человека, а также количеством приложенных усилий для расширения кругозора, увеличения глубины познания реальности и самопознания. По существу любой человек хотя бы немного стремится разобраться в происходящем вокруг и внутри себя, поскольку это необходимо для адаптации к социальной и природной среде, в которой он вынужден существовать, и для этого он волен самостоятельно выбирать уровень и качество этого понимания, будет ли он, например, понимать жизнь с чужих слов или самостоятельно; объективно или субъективно; в мифологических и художественных образах или же в философских и научных понятиях; под влиянием веры (в Бога, в научно-технический прогресс, в инопланетян, в «матрицу») или критично; ограничится ли достоверным, доказанным знанием или доверится мистическому опыту пророков; будет искать знаний ради самоутверждения (обретения власти, влияния, материальных благ, тщеславия) или ради самопознания²¹; и тому подобное. Все перечисленное тоже является своеобразными измерениями пространства смысла, которое постоянно изменяется – *расширяется или сжимается* - сообразно внутреннему

²¹ Надо заметить, что подавляющее большинство людей не выбирают «или – или», но смешивают все это в разных, сугубо индивидуальных, пропорциях.

росту или, наоборот, духовной деградации конкретного человека. Недаром экзистенциалисты-герменевтики определяют жизнь как со-знание, имея в виду, что всякое новое знание я не просто механистично прибавляю к имеющемуся у меня набору жизненных формул, но творчески привношу в мою жизнь, согласовывая его с уже существующим мировоззрением, трансформируя последнее, если этого требует мой новый опыт. Прирост знаний некумулятивен, как это показали постпозитивисты применительно и к научному знанию тоже.

Еще одной типологией смысловых измерений можно считать так называемую «интенциональную многослойность». Эта типология отражает возможности человека понимать и предвидеть не только действия других людей, но и их реальные и возможные намерения, а также изменения этих намерений, исходя из реакции этих лиц на реальные и возможные изменения намерений третьих и четвертых и т.д. лиц. Американский философ Д. Деннет считает, что именно эта интенциональная многослойность отличает сознание людей от животных [4, с. 126-127].

Итак, пространство смыслов есть та живая реальность, в которой существует человек, осознавая это или же нет, как подавляющее большинство людей. Она универсальна и иерархична: на нижнем ее уровне находятся субъективные домыслы и мнения, на среднем – научные и философские понятия, на верхнем – сверхрациональное смысловое единство, доступное лишь мистическому опыту, за пределами всяких понятий: «Дао» у даосов, «Благо» у платоников, «Единое» у неоплатоников, «Бог» у Аврелия Августина, Кузанского и Шеллинга, «Всеединое Сущее» у Соловьева и Франка, «Сат-Чит-Ананда» у Шри Ауробиндо и т.п. В восточной философии достижение этого верхнего уровня смыслового единства называют «сознание наивысшего просветления». При этом тот, кто достиг этого высшего уровня сознания, ведает мотивы и смыслы людей, понимающих жизнь в контекстах низших смысловых уровней. Поэтому и говорится в буддийской «Праджняпарамита сутре»: «Все мысли всех существ всех миров ведает Татхагата²²».

Список литературы

1. Августин, Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий. Исповедь; Абельяр П. История моих бедствий; Пер. с латинского. – Москва: Республика, 1992. – 335 с.
2. Алмазная сутра – Доржо Жодбо / Пер. с санскрита В. Андросова. – Улан-Удэ: Изд-во Иволгинского дацана, 2012. – 42 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – Репринтное воспроизведение издания 1959 г.; Перевод Г. Шпета. – Санкт-Петербург: Наука, С.-Петербургское отделение, 1992. – 443 с.

²² В переводе с санскрита В. Андросовым эта фраза звучит: «Бхагаван говорил: “Сколько бы ни было в этих мирах существ, я ведаю различные состояния их потоков сознания”» [2, с. 16].

4. Деннет, Дэниел С. Виды психики: на пути к пониманию сознания / Дэниел С. Деннет; Перевод с англ. А. Веретенникова; под общ. ред. Л. Б. Макеевой. – Москва: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
5. Иванов, А. В. Монодуализм: краткое историко-теоретическое введение / А. В. Иванов // Иванов, А. В. Новый опыт «метафизики всеединства» / А. В. Иванов. – Барнаул: Пять плюс, 2017. – С. 33-55.
6. Иванов, А. В. Платонизм русской философии / А. В. Иванов, С. М. Журавлева // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2014. – Т.12. – Вып.2. – С. 127-134.
7. Иванов, А. В. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин. – Барнаул: Новый формат, 2021. – 282 с.
8. Инговатов, В. Ю. Человек в социально-онтологическом измерении / В. Ю. Инговатов. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. – 213 с.
9. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3 (1) / Платон; пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. – Москва: Мысль, 1971. – 687 с.
10. Поппер, К. Объективное знание. Эволюционный подход (главы 3 и 6) / К. Поппер // Поппер, К. Логика и рост научного знания. Избранные работы / К. Поппер. – Москва: Прогресс, 1983. – С. 439-459.
11. Франк, С. Л. Реальность и человек / С. Л. Франк. – Санкт-Петербург: РХГИ, 1997. – 448 с.

Н. Д. ЗОЛотова

**АКТИВНОСТЬ СУБЪЕКТА НА ЭМПИРИЧЕСКОМ И
ТЕОРЕТИЧЕСКОМ УРОВНЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
(ACTIVITY OF THE SUBJECT AT THE EMPIRICAL AND
THEORETICAL LEVELS OF HISTORICAL RESEARCH)**

Аннотация. В статье рассмотрена уровневая структура субъектно-объектных отношений в историческом познании (эмпирическое – теоретическое). В свете диалектики субъекта и объекта проанализированы различные типы исторических источников и дана их оценка. В частности, выявлены типы источников, несущих лишь объективную информацию, а также таких исторических источников, в которых субъективность не требует специальной элиминации. Автором обосновано наличие нескольких уровней в исторической теории, обусловленное пространственно-временными масштабами и своеобразием объекта исторического познания, раскрыта зависимость формы теоретического знания в исторической науке от особенностей лежащего в его основе эмпирического материала.

Ключевые слова: субъект, объект, эмпирическое, теоретическое, факт, теория, историк, историческая реальность, историческое познание, историческая наука.

Abstract. The article considers the level structure of subject-object relations in historical knowledge (empirical - theoretical). In the light of the dialectics of the subject and object, various types of historical sources are analyzed and evaluated. In particular, we have identified the types of sources that carry only objective information, as well as historical sources in which subjectivity does not require special elimination. The author substantiates the existence of several levels in historical theory, due to the spatial and temporal scales and the uniqueness of the object of historical knowledge, reveals the dependence of the form of theoretical knowledge in historical science on the features of the underlying empirical material.

Keywords: subject, object, empirical, theoretical, fact, theory, historian, historical reality, historical knowledge, historical science.

Подготовка к празднованию 75-летней годовщины победы нашего народа в Великой Отечественной войне с фашистскими захватчиками совпала с обсуждением поправки к Конституции Российской Федерации об исторической правде. Всё это говорит о заинтересованности нашего государства в том, чтобы последующие поколения получали объективную информацию о событиях, свидетелями которых они не были, чтобы они могли гордиться подвигами лучших сыновей своей Родины. Сама по себе постановка вопроса обусловлена тем, что в последние годы осуществляются попытки преднамеренно исказить правду о политике Советского Союза непосредственно перед началом второй мировой войны и в её процессе, о преступной политике фашистской Германии, а также пересмотреть итоги войны. В работах отечественных историков и их прогрессивных зарубежных коллег этому обстоятельству уделяется особое внимание [1, с. 170; 2, с. 172, 173]. В этих условиях возрастает актуальность исследований методологических проблем исторической науки, о чём пишут историки [3, с.

138]. С нашей точки зрения, к числу таких проблем относится вопрос о возможности достижения историком объективных результатов на эмпирическом и теоретическом уровнях исследования.

В статье предполагается рассмотреть вопрос о природе и особенности активности субъекта на эмпирическом и теоретическом уровнях исторического исследования, о возможности получения истины на разных этапах познания.

Вопросы соотношения эмпирии и теории получили глубокое освещение в отечественной литературе по методологии научного познания [4, 5, 6]. Проблема эмпирического и теоретического применительно к социально-исторической науке требует дальнейших исследований. Между тем, смешение эмпирического и теоретического уровней осмысления исторической действительности, как отмечают некоторые авторы, является одним из наиболее часто встречающихся в практике исторических исследований недостатком [7, с. 45].

Исследование форм активности субъекта на эмпирическом и теоретическом уровнях позволило нам выявить характерные для исторического познания диалектические противоречия субъектно-объектных отношений. Главная задача эмпирического уровня исследования – установление исторических фактов – решается путем анализа исторических источников, которые должны быть классифицированы, подвергнуты внешней и внутренней критике с целью вычленения объективного содержания и элиминации сознательного или невольного искажения реального хода событий. Специфическое противоречие между субъектом и объектом, вытекающее из принципиальной невозможности наблюдения субъектом исторической действительности и частичного (или полного) отсутствия необходимых исторических источников, характерно для процесса познания далёкого прошлого. При изучении истории современности, наоборот, субъект сталкивается с избытком источников, несущих примерно равноценную информацию, и отсутствием таких, которые способны осветить «белые пятна» в исследуемой проблеме (например, являющиеся предметом государственной тайны).

Мы установили, что активность субъекта на эмпирическом уровне исследования проявляется в дифференциации исторических источников по степени и характеру содержащихся в них субъективного и объективного. Необходимость подобной процедуры вытекает из конечной задачи исторического исследования – объективной реконструкции тех или иных сторон исторического процесса. Для решения этой задачи историку с самого начала необходимо выявить источники, которые могли бы стать опорными пунктами исторического исследования.

Известно, что такую попытку предпринял уже французский историк М. Блок, который делил все источники на намеренные и ненамеренные [8, с. 36]. Первые из них создавались специально для того, чтобы произвести определенное впечатление на будущих читателей. Источники второго типа – деловая переписка, папские буллы об освобождении от налогов, объедки

пищи и т. д. – обладают, по мнению автора, тем преимуществом, что здесь дезинформация, если бы она была, по крайней мере, не задумана специально для обмана потомства» [8, с. 37]. Поэтому историку следует отдавать предпочтение второму типу источников, с помощью которых удалось восстановить «весь доисторический период, почти всю историю социальных структур» [8, с. 37]. Однако невольные свидетельства также могут содержать субъективность, которую необходимо элиминировать, поэтому вопрос об опорных пунктах исследования остаётся открытым. Марк Блок не смог найти правильную основу для разграничения невольных свидетельств по характеру соотношения в них субъективного и объективного и теоретически объяснить различную природу субъективного, заключённого в источнике.

Исходя из рассмотренной ранее типологии, можно выявить такие источники, которые являются материальными по своей социальной природе, - это производственные отношения, что обуславливает объективность заключённой в них информации. Разумеется, в каждом отдельном случае использования таких источников необходимо обосновывать репрезентативность содержащейся в них информации. Так, изучение производственных отношений современных народов Азии, Африки, находящихся на более низкой ступени развития, чем народы развитых капиталистических стран, позволяет лучше понять историческое прошлое последних. Однако такое изучение имеет смысл, если историк учитывает нетождественность отношений современности тем, которые существовали в исследуемый период, рассматривает первые в качестве модели для изучения вторых. Другое дело, когда исследуются процессы недавнего прошлого. Тогда производственные отношения выступают источником действительно достоверной информации. Анализ этих отношений помогает уяснить сущность других явлений и процессов исследуемого периода. Надо сказать, что к производственным отношениям современности как источнику понимания недалёкого прошлого апеллируют некоторые буржуазные историки. Логика рассуждений сторонника экономического детерминизма - американского историка Г. Колко такова. Поскольку современные экономические отношения однотипны с теми, которые были характерны для США несколько десятилетий назад, то, исходя из обусловленности политики экономикой, можно сделать умозаключение о характере политики, проводимой буржуазией в исследуемый исторический период [9].

Во вторую группу источников входят такие, которые представляют собой продукты какой либо трудовой деятельности. Будучи субъективно-объективными по своей природе, они содержат в себе такую субъективность, которую не нужно элиминировать для получения объективной информации об изучаемом процессе. Это орудия труда, предметы быта. Данные источники, воплощая в себе цели человека и его деятельность, направленную на овладение природными объектами, позволяет раскрыть структуру самой деятельности и реконструировать систему общественных отношений. Сюда же относятся те письменные источники, например,

научно-техническая информация и т. д., в которых опредмеченное субъективное может не иметь существенного значения для данного познавательного отношения. Здесь имеется в виду субъективное, не искажённое социальной позицией и перспективой субъекта, а находящее своё выражение лишь в неполноте информации, которую содержит письменный источник. Поэтому при работе с подобными источниками историк это субъективное может не учитывать. Эвристическая роль таких источников в исторических исследованиях определяется тем, что они способны уточнять детали, важные для правильного понимания масштабов тех или иных исторических явлений, а также влияния последних на другие современные им события. В этой связи интересен пример установления английским историком Б. Г. Лиддел Гарттом истинного числа итапо-немецких солдат и офицеров, взятых в плен в Тунисе в мае 1943 года. Это число не превышает 130 тысяч. Буржуазные же историки часто преувеличивают эту цифру для того, чтобы принизить значение Сталинградской битвы и придать большую значимость успехам союзников СССР в Северной Африке. Так, в американской литературе доминирует цифра 250 тысяч, объявленная Черчиллем и Эйзенхауэром вскоре после завершения боев в Северной Африке [10, с. 140]. Б. Г. Лиддел Гарт, опираясь на сведения о количестве фашистских войск, находившихся на довольствии в апреле 1943 г. (170-180 тыс.), установил, что действительное число пленных, захваченных союзниками, гораздо меньше. Учитывая, что в мае были тяжёлые бои, автор делает вывод: «Трудно себе представить, как число пленных могло превысить число лиц, находящихся на довольствии, почти на 50 %» [11, с. 431]. Сведения о количестве войск могут не содержать характеристик по национальному и каким-либо другим признакам, и в этом будет проявляться субъективность заключённой в них информации. Однако, для установления числа пленных важна другая информация, объективность которой обусловлена тем, что эти источники отражают объективное бытие субъектов действия.

Итак, нами обоснована идея о существовании источников, несущих лишь объективную информацию, а также субъективность, не искажающую содержание объекта, и поэтому способных стать опорными пунктами исторического исследования. К ним относятся: а) современные социально-экономические отношения, выступающие средством получения достоверной информации о событиях недавнего прошлого; б) орудия труда, быта, военная техника, позволяющая раскрыть структуру деятельности и реконструировать систему общественных отношений; в) письменные источники, в которых субъективность выражается в неполноте информации (описи, научно-техническая информация и т. п.).

Творческий потенциал субъекта исторического познания в работе с источниками как раз и характеризуется умением предположить существование подобных источников и привлечь их в качестве средства получения новой объективной информации о прошлом и эталона для оценки сведений, заключённых в источниках другого типа. Так, сравнение источников, содержание которых не опосредовано классовыми интересами, ценностями

и другими моментами активности субъекта, способными деформировать это содержание, с теми, которые несут на себе отпечаток идеологических установок их авторов, помогает историку извлечь из них объективную информацию. Подобная процедура тем более важна для исторического исследования, что основная часть письменных источников изображает события в определённом идеологическом аспекте. Таким образом, субъективность историка накладывается в этом случае на субъективность источника, а если письменный источник сам имеет в своей основе аналогичные источники, то мы имеем дело с субъективностью третьего порядка.

Активность субъекта на эмпирическом уровне познания проявляется в критике источников. Внешняя критика связана, как правило, с исследованием его вещественного субстрата естественнонаучными методами, позволяющими выявить подлинность, срок существования, происхождение и даже авторство источника. Внутренняя критика требует содержательной интерпретации источника, позволяющей раскрыть репрезентируемые им существенные черты и связи исторической реальности. Филологическая критика письменного источника должна обнаружить текстологические противоречия, подлинную суть иносказаний, аллегорий, выявить смысловую трансформацию и связь современных и исторических понятий. Особую сложность представляет внутренняя критика историографических сочинений, в которых изложение событий несёт печать более или менее явной идеологической тенденциозности автора.

Работая с источниками, историк может столкнуться как с их недостатком, так и избытком. В целом число источников возрастает по мере движения от древней истории к современной истории. Можно условно предположить существование пробела во всех источниках об интересующем периоде. При этом исследователь сталкивается с, казалось бы, неразрешимой проблемой. Именно такого рода ситуации в первую очередь являются объектом спекуляций.

В данном случае правомерна апелляция к методологическому принципу единства исторического процесса. Поскольку любой период истории народа имеет предпосылки в предшествующем периоде, параллели и взаимосвязи с историей соседних стран, а следствия в последующих исторических событиях (и соответствующих исторических источниках), то можно с известной степенью вероятности экстраполировать формационные закономерности развития производительных сил, общественных отношений производства, быта и духовной культуры на указанный период. Необходимо отметить в связи с этим, что прогноз в исторической науке имеет двоякую направленность : перспективную и ретроспективную.

Чем меньше достоверных фактов, тем больше степень свободы субъекта исторического познания в их интерпретации. Момент творчества в процессе гипотетического объяснения фактов играет, несомненно, большую роль.

В не менее сложной ситуации субъект оказывается и при избытке материала. Ни один исторический труд не может вместить все факты, от-

носящиеся к исследуемой проблеме. Речь идет о совокупности фактов, полученных в результате обработки эмпирических данных, отсеивания фактов заведомо ложных, а также таких, которые ничего нового для понимания изучаемого явления не дают. Предварительная обработка материала необходима в любом историческом исследовании, но особое значение она приобретает в тех случаях, когда первоисточников по изучаемому вопросу особенно много. Это относится в первую очередь к проблемам новой и новейшей истории, где обработать материалы одному историку не под силу и требуются коллективные усилия исследователей, работающих в одной области, а также привлечение специалистов из смежных областей.

Важными приёмами работы с историческими фактами является обобщение, применение статистических методов исследования. Обобщение позволяет отвлечься от второстепенного и приблизиться к пониманию существенного в исследуемых объектах. Чем сложнее факт, тем значительнее в нём роль рационального. Во многих случаях, прежде чем получить какой-либо сложный факт, например, о характере движущих сил революции в конкретной стране. Необходимо изучить огромное количество элементарных фактов. Трудно поэтому согласиться с утверждением о том, что «...изучение гражданской истории настоятельно требует и отказа от такой исследовательской процедуры, как «обобщение» эмпирически констатированных фактов» [12, с. 135].

Логическая обработка данных, превращение их в факты не ограничивается статистическим резюме. Существует такой приём, как типизация, который также ведёт к повышению достоверности фактов. Проблема типичности факта в социально-историческом исследовании решается несколько иначе, чем в естественных науках. В общественных науках значимость факта определяется не только тем, что он отражает закономерности настоящего, но и тем, какие элементы прогресса и будущих связей и закономерностей в нём содержатся. Общественная жизнь полна фактов, которые, будучи единичными с самого начала, тем не менее, несут в себе элементы большого будущего, отражают тенденции общественного развития. Всё это говорит о том, что в историческом познании изучение отдельных фактов может оказаться важнее, чем выведение обобщающих показателей на основе массовых данных. Однако в процессе исторического исследования нельзя и преувеличивать значение единичных фактов, поскольку единичное может оказаться только отклонением от типического.

Сравнение, обобщение, типизация, статистические и другие методы повышают степень достоверности исторических фактов, однако их эмпирическое обобщение не может быть закончено в принципе и чревато «дурной бесконечностью». В случае отсутствия достаточного количества исторических источников проблема эмпирического парадокса не снимается, так как число фактов остается потенциально бесконечным.

Разрешение этого противоречия, с нашей точки зрения, может быть осуществлено лишь путем перехода на другой уровень исторического исследования. Средством разрешения эмпирического парадокса является вы-

движение гипотезы, организующей и упорядочивающей эмпирический материал. Правда, вопрос о соотношении эмпирии и теории нельзя ставить абстрактно, процесс исторического познания нельзя представить как однонаправленное движение от эмпирического к теоретическому уровню исследования, а также обязательное присутствие того и другого в каждом конкретном исследовании. Однако, обобщение фактов, опытных данных не всегда имеет форму теории и закона, хотя всегда уже эмпирический уровень анализа объекта требует опоры на определённое мировоззрение и концептуально-теоретическую схему. Результаты исторических исследований могут в течение многих лет лишь подтверждать, расширять эмпирическую базу ранее созданных теорий.

Переход к теоретическому уровню исторического познания предполагает объяснение фактов с помощью закона и категорий, что позволяет субъекту раскрыть сущность исследуемого объекта, внутреннюю логику его развития. На этапе теоретического воспроизведения объекта творческий характер познания проявляется в наибольшей степени, поскольку учёному необходимо на основе фактов реконструировать целостную картину прошлого, за многообразием эмпирических данных увидеть основные тенденции развития социального объекта в прошлом и настоящем, сделать прогнозы относительно будущего.

Сточки зрения теории особенно наглядно выступает противоречивая природа и роль факта в историческом познании. Факт инвариантен, объективен по содержанию, определяет способы построения теории и в то же время его подлинное значение может быть оценено только в системе определённых теоретических положений и доказательств. Одни авторы подчёркивают суверенность и инвариантность факта в координатах любой теории [13, с. 294]. Другие указывают на его обусловленность теорией, на его функциональность [14, с. 400].

Творческая проблема для субъекта исторического познания состоит в том, чтобы найти меру инвариантного и функционального в факте. Она всегда условна, так же как относительно приближение к абсолютной истине. Будучи многогранным, исторический факт может выполнять свои гносеологические функции в различных системах теоретического объяснения событий. Значительный массив исторического знания имеет в точном смысле слова не теоретический, а гипотетический характер, что обусловлено ограниченностью источниковедческой базы. Следовательно, функциональность факта не может быть исчерпана при всей его инвариантности. По мере углубления познания в сущность исторические факты становятся все более и более инвариантными и менее функциональными, поскольку степень свободы субъекта в их истолковании ограничивается. По нашему мнению, подчеркивание функциональной природы исторического факта не должно заслонять функциональной по отношению к факту природы самой теории в процессе её построения, ибо факты в данном отношении всегда ей предшествуют и определяют структуру и область применения.

Наконец, говоря о диалектике факта и теории в историческом исследовании, необходимо учитывать, что элементом теории, во всяком случае, зрелой является не факт, а понятие.

Существует ли в исторической науке теория высшего уровня – это предмет оживлённой полемики отечественных и зарубежных учёных, который долгоё время владел их умами. Суть его заключалась в решении вопроса о характере законов, изучаемых данной наукой. Утратила актуальность точка зрения, согласно которой – удел историка – эмпирическое исследование. В настоящее время ряд авторов задачу историка видят в изучении исторических законов, отличных от социологических, и создании концепций, которые условно можно назвать «теориями среднего уровня». В научной литературе можно встретить и «гибридные» версии проблемы законов исторической теории. Например, по мнению А. И. Ракитова, «историческое познание в его современной профессиональной форме не обладает теорией, приближающейся к требованиям эпистемологического идеала. Вместе с тем историческая наука целиком соответствует слабой версии науки и располагает большим объемом теоретических знаний» [15, с. 135].

Не претендуя на окончательное решение, хотелось бы высказать некоторые замечания, помогающие взглянуть на проблему исторической теории с другой стороны. В условиях разделения духовного труда и образования специфической профессиональной структуры духовного производства часть людей профессионально занята сбором, обработкой, классификацией эмпирического материала, а другая – производством методологии, теоретическим объяснением исторических событий. Конечно, и эмпирический уровень познания предполагает определённое объяснение, анализ эмпирически схватываемых тенденций, но и в этом случае речь не идёт о теоретическом объяснении. Социальные различия в структуре духовного производства нередко заслоняют, затушёвывают внутреннее единство метода, теории и эмпирии в развитии исторического знания. Можно назвать ряд крупных отечественных учёных таких, как Е. М. Жуков, М. А. Барг, С. Д. Сказкин, Б. Ф. Поршнев, Ю. И. Семёнов, А. Я. Гуревич, которые в своей научной деятельности осуществили синтез историографии и социальной философии. Такой стиль работы в будущем должен стать нормой познавательной активности субъекта исторического познания.

Активность субъекта исторического познания на теоретическом уровне проявляется, например, в том, чтобы не допустить механического перенесения философских категорий на конкретный эмпирический материал, не допускать модернизации исторического знания. Как показал А. Я. Гуревич при анализе процесса становления феодализма в Западной Европе, категории «базис» и «надстройка», хотя и сохраняют свою объясняющую способность, однако не в той мере, в какой этому поддаются буржуазные общественные отношения [16]. Их структуру эти категории выражают в полной мере. Исторические исследования помогают всё более точно устанавливать границы объясняющей способности теоретических понятий и философских принципов.

Анализируя особенности теоретического знания, мы пришли к выводу о наличии нескольких уровней в исторической теории, что обусловлено пространственно-временными масштабами и многоструктурностью объекта. Если в основе исторического сочинения преобладают факты – резюме статистических данных, то теоретическое объяснение событий приобретает достаточно законченный вид. В этом случае оно сближается по форме с социологическим исследованием. Однако нередко в конкретном историческом исследовании обобщение самой высокой степени абстракции и формулировка общих законов могут соседствовать с эмпирическим анализом уникальных явлений и исторических личностей. Эта особенность взаимосвязи эмпирии и теории вытекает из специфики предмета исторической науки.

Таким образом, активность субъекта исторического познания на эмпирическом и теоретическом уровнях проявляется по-разному: на эмпирическом – в классификации источников, их внешней и внутренней критике, вычленении объективного и субъективного, выделении источников, которые могут стать опорными пунктами в исследовании, композиции и синтезе фактов; на теоретическом – в выдвижении гипотез, объясняющих факты, построении системы понятий, раскрывающих содержание законов исторической реальности.

Список литературы

1. Белоусов, И. И. Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны / И. И. Белоусов // Вопросы истории. – 2016. – № 9. – С. 170-173.
2. Филлитов, А. М. Существовал ли пакт Сталина-Гитлера? Характер, значение и интерпретация германо-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года [Текст] / А. М. Филлитов // Вопросы истории. – 2017. – № 10. – С. 170-174.
3. Прядеин, В. С. О некоторых дискуссионных методологических (наукovedческих) вопросах исторических исследований / В. С. Прядеин // Вопросы истории. – 2017. – № 2. – С. 138-145.
4. Ракитов, А. И. Философские проблемы науки. Системный подход / А. И. Ракитов. – Москва: Мысль, 1977. – 270 с.
5. Штофф, В. А. Проблемы методологии научного познания / В. А. Штофф. – Москва: Наука, 1978. – 272 с.
6. Швырёв, В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании / В. С. Швырёв. – Москва: Наука, 1978. – 382 с.
7. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса / Е. М. Жуков [и др.]. – Москва: Наука, 1979. – 331 с.
8. Блок, М. Апология истории или Ремесло историка / М. Блок. – Москва: Наука, 1973. – 232 с.
9. Kolko, G. The roots of American foreign policy: An analysis of power and purpose [Text] / G. Kolko. – Boston: Beason press, 1969. – 166 p.
10. Ржешевский, О. А. Война и история / О. А. Ржешевский. – Москва: Мысль, 1976. – 292 с.
11. Liddell Hart, B. H. History of the Second World War / B. H. Liddell Hart. – New York: Putnam, 1971. – 768 p.
12. Сайко, С. П. Диалектика эмпирического и теоретического в историческом познании / С. П. Сайко. – Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1975. – 163 с.

13. Косолапов, В. В. Методология и логика исторического исследования / В. В. Косолапов. – Киев: Вища школа, 1977. – 382 с.
14. Петров, Ю. В. Практика и историческая наука / Ю. В. Петров. – Томск: Изд. Томского ун-та, 1981. – 414 с.
15. Ракитов, А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. – Москва: Политиздат, 1982. – 303 с.
16. Гуревич, А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе: учеб. пособие для ист. фак. / А. Я. Гуревич. – Москва: Высш. школа, 1970. – 224 с.

Н. Д. ЗОЛотова

**ПРАКТИКА КАК ОСНОВА ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ
СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ
(PRACTICE AS THE BASIS OF DIALECTIC RELATIONSHIP OF A
SUBJECT AND OBJECT IN A HISTORICAL RESEARCH)**

Аннотация. В статье практика рассматривается в свете диалектики субъекта и объекта в историческом исследовании. В систематизированной форме раскрыта связь целей, содержания и результатов исторических исследований с потребностями политической практики современности, а экспериментально-предметная практика представлена как структурный компонент активности историка. Исследована проблема практической проверки исторической истины, и выявлен такой её критерий, как результаты общественно-исторической практики, опредмеченные в материальных источниках. Автор осуществил критический анализ одной из таких влиятельных форм релятивизма, как презентизм, который является философской основой американской буржуазной историографии второй мировой войны.

Ключевые слова: субъект, объект, практика, историк, факт, историческая реальность, историческое исследование, историческая истина, историческая наука.

Abstract. In the article, the practice is considered in the context of dialectics of the subject and object in historical research. In a systematic form, the relationship of the goals, content and results of historical research with the needs of modern political practice is revealed, and experimental-subject practice is presented as a structural component of the activity of the historian. The problem of practical verification of historical truth is investigated and its criterion is revealed, such as the results of socio-historical practice, identified in material sources. The author has made a critical analysis of one of the most influential forms of relativism, such as presentism, which is the philosophical basis of the American bourgeois historiography of the Second World War.

Keywords: subject, object, practice, historian, fact, historical reality, historical research, historical truth, historical science.

После окончания Второй мировой войны прошло 75 лет. Попытки переписать историю, пересмотреть вклад в разгром фашизма каждой из участниц антигитлеровской коалиции предпринимались уже в пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века. Английские и американские буржуазные историки старались обосновать решающую роль в победе над фашизмом своих вооружённых сил, что не удавалось им в полной мере, поскольку в своих работах они часто опровергали свои собственные выводы [1, 2].

Исследования подобного рода переиздаются уже в двадцать первом веке, например, книга Дж. Фуллера, а также появляются новые работы, фальсифицирующие историю второй мировой войны, которые влияют на умы новых поколений.

К сожалению, до сих пор правящие круги ряда западных стран не заинтересованы в исторической истине, в признании факта решающей роли советских вооружённых сил в разгроме немецко-фашистских войск, а так-

же той огромной жертве, которую принёс народ нашей страны в годы Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствуют не только речи западных политиков, но практика ликвидации памятников советским войнам-освободителям в Польше, Чехии и других европейских странах.

Современная политическая ситуация такова, что в ближайшее время не приходится рассчитывать на улучшение отношения к исторической роли нашего народа в победе над фашизмом в годы второй мировой войны со стороны тех, кто привык решать проблемы чужими руками. Поэтому представляется своевременной поправка в Конституцию Российской Федерации о защите исторической правды. Без объективной информации о событиях прошлого невозможно извлечь из него уроки, выработать стратегию дальнейшего развития России, а также невозможно патриотическое воспитание подрастающего поколения, которое должно смотреть в будущее с чувством гордости за свою Родину.

Потребность в объективной реконструкции исторических ситуаций актуализирует не только историографические исследования, но анализ методологических проблем исторической науки, поскольку она имеет дело с уникальным объектом познания. Историк в большинстве случаев не может непосредственно наблюдать события минувших эпох. Он может получить определённую информацию о прошлом, только опираясь на исторические источники. Даже будучи свидетелем каких-либо современных ему событий, историк имеет дело с ограниченным фрагментом исторической реальности. Для полной реконструкции исторической ситуации ему всё равно приходится обращаться к другим источникам. По нашему мнению, к числу наиболее важных методологических проблем относится вопрос о возможности достижения исторической истины и способов её проверки.

В статье предполагается рассмотреть вопрос о практике как основе диалектической взаимосвязи субъекта и объекта в историческом исследовании и критерии исторической истины.

Практика является фундаментальной категорией философии. Без анализа практики невозможно представить развитие общества как естественноисторический процесс и выявить лежащие в его основе противоречия и движущие силы. В практике природа и общество становятся для человека объектом, а сам он утверждает себя в качестве субъекта преобразования действительности. Практика может быть понята лишь в системе определённых общественных отношений как их атрибут, способ движения и развития.

Анализ практической обусловленности субъектно-объектных отношений в исторической науке предполагает выяснение соотношения объективного и субъективного в практике. Мы исходим из того, что практика объективна, поскольку осуществляется вне сознания, преобразует природный субстрат объекта и может быть выражена в понятиях обмена веществом, энергией, движением и т. д. Однако, эти черты ещё не раскрывают специфики объективного в практике. Практика субъективна, поскольку её

параметры заданы интересами, целями, «интенсивностью» волевого отношения субъекта к осуществляемым преобразованиям.

Общественная практика вполне диалектична, её субъективность имманентно содержит в себе переход в объективное, а последнее снимается в целеполагающей и сознательной деятельности субъекта. Мера субъективности практики задана природными и социальными законами. Практическая деятельность не противостоит, а стремится к совпадению с ними. Важно подчеркнуть, что признание функционального, соотносительного характера категорий «субъект» и «объект» не должно заслонять определяющей роли объекта практики. Определяющую роль играет объект практики и в познании, требуя адекватных законам, структуре и внешним проявлениям методов и познавательных процедур.

Объективная детерминированность практики проявляется в том, что её объектом становятся лишь те явления, вещи и процессы, до преобразования которых «дозрели» общественные отношения и средства практического изменения мира. Применительно к исторической науке это означает, что уровень и потребности практики современного культурно-исторического субъекта обуславливают интересы, цели, средства исследования исторической реальности. Эта связь не всегда очевидна, носит косвенный характер, но отрицание практической актуальности интереса к событиям далёкого прошлого ведёт к иррациональному пониманию самого смысла исторического познания.

Преемственность между современностью и прошлым, даже весьма отдалённым, - это в первую очередь генетическая связь способов практического преобразования природы и общественных отношений. Изучение законов становления и развития практики в широком историческом контексте – задача, которая всегда остаётся и останется актуальной и творческой.

Развитие современной практики приводит к созданию методов, позволяющих извлекать информацию из таких предметов культуры, которые раньше в качестве исторических источников не выступали. До тех пор, пока не возникла технология химического анализа веществ, субъект исторического исследования мог изучать памятники материальной культуры лишь со стороны их внешней формы. Он не мог с достаточной степенью точности определить время их создания, химический состав материалов. Поэтому долгое время секреты различных видов предметной деятельности предшествующих поколений оставались для историков нераскрытыми. Они не могли стать ранее объектом изучения. Таким образом, то, что было недоступно познанию с точки зрения одного конкретно-исторического типа практики, оказывается возможным с точки зрения практики другого типа. Поскольку практическое преобразование действительности не заканчивается в настоящем, а чревато различными возможностями, тенденциями, устремлёнными в будущее, то познание в состоянии прогнозировать такие потенциальные объекты, с которыми человечество практически не взаимодействовало. В силу этого историческое познание становится опережаю-

щим практику отражением мира. Благодаря своей предсказательной функции, историческая наука может оказывать и оказывает ценные услуги практике, особенно политической.

Практика не только пронизывает весь процесс исторического исследования то в явном, то в снятом виде, но и акцентирует внимание историка на решении актуальных политических проблем современности. Интересны в этой связи высказывания некоторых буржуазных историков по поводу причин, побудивших их обратиться к историческому материалу. Американский историк Г. Колко, пытающийся решить проблему наиболее эффективного использования мощи США в современной обстановке, так определил причины. Побудившие его обратиться к вопросам американской внешней политики в годы второй мировой войны : «Все мы живём под знаком последствий второй мировой войны, и новая переоценка их значения жизненно важна для понимания того постоянного кризиса, в котором находится внешняя политика США вот уже двадцать пять лет» [Цит. по : 3, с. 102].

Связь исторических исследований с практикой общественной жизни настоящего может опосредоваться политической идеологией. «Именно в характере политической идеологии, - справедливо отмечает Ю. В. Петров, - кроются причины актуализации той или иной проблематики, а также интерпретация конкретных фактов истории» [4, с. 203]. Таким образом, субъектно-объектные отношения в историческом познании обнаруживают явную зависимость в первую очередь от потребностей политической практики.

Рассмотрим влияние практики на структуру самой познавательной деятельности. В трудах отечественных психологов Л. С. Выгодского. А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия убедительно доказано, что психические процессы возникают в результате интериоризации, перехода во внутренний план действий, которые субъект первоначально совершает в предметной форме. Процесс интериоризации не является буквальным копированием операций с внешними объектами. Последние подвергаются определённой трансформации, обобщению, схематизации, предстают, так сказать, в чистом виде [5, 6, 7]. Вопрос, и достаточно непростой, заключается в том, в какой мере внешнепредметные действия, стереотипы практики транслируются и перерабатываются в субъективный образ объекта. Имеет ли место тождество? Как возможно в системе предметно-практических операций субъекта моделирование прошлого?

«Лишь осваивая действительность в формах познавательной деятельности, идентичных предметно-практическим операциям, - пишет Ю. В. Петров, - субъект получает знание, соответствующее структуре материальных объектов» [8, с. 265]. В этой верной в целом формулировке имеется двусмысленность, являющаяся невольной данью автору операционализму. Познание генетически и функционально зависит от предметных действий с объектом, но не тождественно и не идентично им. Глубочайшая внутренняя связь познания и практической деятельности сохраняется на всех эта-

пах и уровнях знания, хотя социально-историческое познание связано с выявлением способов практического преобразования объекта не прямо и непосредственно. Познавательная деятельность, будучи особой отраслью разделения труда, создаёт свою особую организацию, предметы-посредники: приборы, модели, символы и т. п. Теория воспроизводит явления безотносительно к частной ситуации практики. Если все знание выводить только из практики, то не ясно, как можно получить научное знание, не имеющее практического аналога.

В структуре познания отражаются не только алгоритмы и средства практического преобразования объекта; иначе мы отражали только средства, а не сам объект. С помощью средств практической деятельности и познания человек раскрывает суть непосредственного – ещё не «очеловеченной» природы и общественных отношений. В процессе практики объекты вычлняются из «неочеловеченного» мира, распредмечиваются в процессе познавательной деятельности и вновь используются как средства его дальнейшего преобразования. В процессе познания исторической реальности субъект вырывает из небытия прошлого всё, что может служить современности. Он актуализирует и, если можно так выразиться, «очеловечивает» прошлое, используя исторический опыт в практике преобразования действительности. В каждом конкретном случае связь практики и теории не является жёстко детерминированной и однозначной. Иначе не объяснить, почему существует знание, не используемое практически, а некоторые научные открытия морально «изнашиваются», так и не получив применения.

Особенно трудны демонстрация и объяснение принципа интериоризации схем практики в историческом познании, поскольку практика не может быть осуществлена здесь в ретроспективной форме и неизбежно «опрокидывание» современных гносеологических процедур и методов на материал, которому соответствует другой уровень общественно-исторической практики и сознания. Эта проблема является, в сущности, вопросом о критериях истинности исторического знания.

В отечественной научной литературе он впервые был поставлен Л. Н. Коганом. Практическая проверка исторических знаний представлена, по его мнению, следующими процедурами: 1) установление истинности знания законов развития общества путём проверки их соответствия практике современной жизни: материально-производственной и социально- преобразующей; 2) подтверждение истинности научных фактов и закономерностей истории социальной практикой народов, стоящих на более низкой ступени развития, чей образ жизни может быть детально изучен в настоящем; 3) установление соответствия научных фактов и закономерностей исторического развития общества практике самого исторического исследования [9, с. 257]. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые другие исследователи [10, с. 214]. Важность данных способов проверки исторического знания не вызывает сомнения, но, думается, ни каждая из указанных процедур в отдельности, ни все они вместе не в состоянии выпол-

нить функции решающего критерия достоверности результатов исторического исследования. Что касается практики современной жизни, то можно возразить, что на каждом историческом этапе действуют частные законы развития конкретной общественно-экономической формации, конкретного типа практики и установление их единства само по себе представляет творческую задачу. Истрия наглядно демонстрирует принципиальное единство различных типов общественно-исторической практики, следовательно, и соизмеримость опыта различных культурно-исторических субъектов.

Вторую из указанных возможностей практической проверки знаний о прошлом правомерно рассматривать скорее как аналогию. Сравнение, косвенное, но никак не основное доказательство.

Наконец, третий критерий скорее характеризует методы и формы исследования, чем содержание полученных знаний. Важным критерием истины является реальный эксперимент. На связь научного эксперимента и практической деятельности указывает хотя бы такой факт, что многие вещества, технологические системы были первоначально получены и созданы в лабораторных условиях, а уж потом получили выход в массовое производство. Экспериментальная деятельность тесно связана с собственно познавательными процедурами, однако она осуществляется вне головы, вне сознания исследователя и представляет совокупность предметных действий с объектами.

Эксперимент в историческом познании играет ограниченную роль. Достаточно сказать, что для доказательства истинности фактов, изучаемых в гражданской истории, реальный эксперимент не применяется вообще. Это обусловлено тем, что историк ни при каких обстоятельствах не может повторить свершившиеся исторические события. Эксперимент применяется в так называемых вспомогательных исторических дисциплинах : нумизматике, сфрагистике, эпиграфике и др. В качестве экспериментальной практики в историческом исследовании можно рассматривать реконструкции моделей объектов. Например. Группа французских учёных во главе с А. Люмлеем обнаружила остатки древнего жилища в пещере Лазарет (Ницца). Учитывая расположение камней в основании хижины, а также установив функциональное назначение предметов обихода, А. Люмлей построил макет жилища. Исследование показало, что жилище служило зимним убежищем группе охотников с женщинами и детьми, которые оставались в нём с ноября по март [11, с. 100,101]. Хорошо известно, каким ценным фактическим материалом для антропологии служат череп и кости скелета ископаемых гоминид, и сколько труда приходится затратить палеоантропологам, чтобы воссоздать целое.

В свое время работы М. М. Герасимова по реконструкции внешнего облика древнего человека на основе черепа позволили сравнить облик современного человека и его предка, сделать определённые выводы относительно мускульного покрова и даже психического склада первобытных людей. В современных условиях широко практикуется компьютерная ре-

конструкция внешнего облика ископаемых предков человека, а также людей более поздних эпох, представляющих историческую ценность. На наш взгляд, подобные модели обладают самостоятельной научной ценностью, поскольку дают возможность создать целостный, субъективный образ объекта исследования, обогащают процесс познания в эмоциональном, ассоциативном и других аспектах.

Срок давности материальных остатков и археологических находок экспериментально может быть определён на основе использования законов распада радиоактивного углерода C^{14} или калий-аргонового метода. В результате молекулярно-генетических исследований учёным удалось узнать, что неандертальцы представляют генетически отдельную, хотя и близкородственную современному человеку ветвь [12, с. 243]. Генетические исследования делают возможным установить родственные связи или их отсутствие между современными жителями и останками людей, найденных в ходе археологических раскопок в конкретной местности. Подобные исследования позволяют сделать выводы относительно миграционных процессов в различные исторические эпохи. Благодаря изучению документов и экспериментальной практике удалось раскрыть секреты создания мумий в Древнем Египте и представить наглядно эту технологию. В настоящее время историческая наука располагает широким арсеналом средств экспериментальной практики. Однако остаются ещё вопросы, требующие разгадки. Например, на экскурсии в археологическом музее Алтайского государственного университета мы узнали, что в одной из древних стоянок на Алтае найдены бусинки, в отверстия которых не входит ни одна современная иголка. Технология изготовления этих артефактов неизвестна.

Наряду с отмеченными способами практической проверки истинности исторического знания в научной литературе отмечается и такой, как проверка его историческими источниками. «...Военный историк, - пишет В. Т. Логин, - проверяет добытые знания путём сопоставления с соответствующими источниками или установленными на их основе достоверными фактами, позволяющими проследить действительный ход событий... Именно в этом смысле исследование новых источников служит специфическим средством подтверждения истинности или доказательства ложности ранее добытых знаний» [13, с. 186]. Из этих рассуждений вытекает, что «научные факты» (знания) подтверждают «добытые знания». Кроме того, отсутствие указания на природу источников создаёт известную двусмысленность. Совершенно очевидно, что письменные источники, особенно историографические, вряд ли можно рассматривать в качестве практического критерия исторической истины.

Это обстоятельство особенно актуально в связи с анализом одной из распространённых и интенсивно разрабатываемых буржуазных концепций познания исторической реальности, которым является презентизм. Критический анализ этой концепции представляется необходимым потому, что презентизм является философской основой американской буржуазной историографии второй мировой войны. Мы рассмотрим недостатки методо-

логии презентизма на примере взглядов одного из её сторонников Дэвида Л. Хала.

Презентизм представляет собой одну из форм релятивизма, которая возникла в результате кризиса объективизма. Он пытается решить реально существующую проблему соотношения прошлого и настоящего. Между различными этапами исторического развития («культурными средами») существует как определённая внутренняя связь, так и качественное отличие. Халл делает акцент на качественном различии между «культурными средами». Абсолютизация мысли о зависимости познания от «культурной среды» мешает решению им проблемы преемственности знания. Совершенствование познания настоящего, по его мнению, позволит предотвратить заблуждения и ошибки при анализе прошлого. Однако эта мысль вступает в противоречие с его релятивистским выводом о необходимости «переписывания истории» для каждого поколения, поскольку история пишется для современников, которые живут в новой «культурной среде». Этот вывод делает невозможными объективность результатов исторического исследования и преемственность исторического знания.

Субъективизм концепции презентизма проявляется и в решении Халлом вопроса о способах исторического доказательства, выбор которых, с его точки зрения, целиком зависит от самого историка, так как системы логики постоянно изменяются и не позволяют достичь абсолютной достоверности исторического знания [14, pp. 11-12].

В таком же духе автор рассматривает вопрос о способах проверки истины в историческом исследовании. Высшим критерием истины в концепции презентизма оказываются интеллектуальные действия самого историка [14, pp. 4].

Уязвимость концепции презентизма обусловлена тем, что если бы системы логики сильно изменялись, а между различными этапами исторического развития полностью отсутствовала связь, то мы вообще не могли бы понять образ мыслей людей прошлых эпох. В такой ситуации историческая наука представляла бы собой совокупность различных мифов, легенд и т.д. Её и наукой в собственном смысле нельзя было бы назвать. В исторической науке есть и проблемы, и гипотезы, но есть и абсолютные и относительные знания, которые по своей сути являются объективной истиной.

Нельзя, конечно, и недооценивать логических критериев проверки истинности исторического объяснения. Значение применения логических правил и норм может быть по достоинству оценено лишь в результате выявления связи логики с практической деятельностью субъекта, поскольку схемы логики есть не что иное как откристаллизованные схемы практики. Признавая практику решающим (но не абсолютным) критерием проверки истины, мы рассматриваем логический критерий как вспомогательный, который играет в историческом познании немаловажную роль, особенно в тех случаях, когда возникают трудности непосредственного применения критерия практики. Реализация непосредственного критерия в историче-

ском исследовании предполагает выявление того, как суждения вписываются в общий контекст исторического знания, истинность которого уже установлена в ходе предшествующей практической проверки. Обнаружение логических противоречий свидетельствует в данном случае о наличии в структуре исторической науки заблуждений и ошибочных сведений.

Решающим критерием проверки истинности исторического знания являются, на наш взгляд, результаты общественно-исторической практики, опредмеченные в исторических источниках (материальных). Как уже отмечалось в научной литературе, история может быть рассмотрена сквозь призму диалектики живой и опредмеченной деятельности социальных общностей. Всё богатство и разнообразие исторических источников в принципе сводимо к фрагментарным остаткам опредмеченной деятельности как материальной, так и духовной. В связи с этим имеется реальная возможность по «мёртвым» остаткам восстановить картину живого творчества истории предшествующими поколениями.

Распредмечивание и опредмечивание как аспекты деятельности развивающегося субъекта (субъектов) неразрывно связаны для поколений, следующих одно за другим, преемственностью практики, духовной жизни, традиций и т. д.

Если предметы материальной и духовной культуры отдалены от субъекта исторического познания столетиями, то он сталкивается с таким перерывом постепенности, при котором распредмечивание сущности выражаемых вещь общественных отношений представляет значительные трудности. Неудивительно, что существуют такие археологические находки, сущность которых до сих пор не выяснена, например, металлические изделия в слоях земной коры, возраст которых сотни тысяч и даже миллионы лет, и их назначение является объектом гипотез о деятельности инопланетян [15, с. 44].

Реконструкция общественных отношений возможна по остаткам материальных производительных сил (орудия труда древних людей и жителей более поздних эпох). В какой-то степени подобную же функцию в историческом исследовании могут выполнять средства практически-духовного освоения мира нашими предшественниками (скульптуры, глиняные сосуды, украшения), бытовая и военная техника. Как их роль в структуре исторической реальности, так и значение в качестве исторических источников нельзя абсолютизировать, толкуя в духе технологического детерминизма. В то же время материальные памятники, средства и результаты практического преобразования действительности, сохранившиеся до наших дней, являются надёжным критерием истинности исторических знаний.

Таким образом, влияние практики на диалектику субъектно-объектных отношений в историческом исследовании многогранно и специфично. Краткие выводы из анализа практической обусловленности исторического познания можно сформулировать следующим образом.

В процессе современной общественно-исторической практики в природной и социальной действительности не только вычленяются объекты преобразовательной деятельности, но и актуализируются исследования определённых сторон, граней, периодов исторического прошлого, результаты познания которого позволяют субъекту более успешно решать современные задачи. Особенно тесной является связь целей, содержания и результатов исторических исследований с потребностями политической практики.

Историческое познание не сводимо к отражению, а органично включает различные практические действия (археологические изыскания, предметное моделирование объекта, химический анализ источников и т. п.), которые правомерно рассматривать как структурный компонент познавательной активности субъекта.

Специфика истины в исторической науке состоит в том, что она не поддаётся обычным способам проверки, поскольку практика как её критерий не может быть осуществлена субъектом в ретроспективной форме, обращена в прошлое. Важнейшим критерием истины в историческом познании являются результаты общественно-исторической практики людей прошлого, опредмеченные в материальных источниках. Важным способом практической проверки исторической истины выступает также экспериментально-предметная практика самого исследования, соотнесение его результатов с законами современной практики и жизнедеятельностью народов, живущих в настоящем, но находящихся на более низкой ступени социально-экономического развития.

Список литературы

1. Фуллер, Дж. Вторая мировая война 1939-1945 г. г. Стратегический и тактический обзор / Дж. Фуллер. – Москва: Изд. Иностранной лит-ры, 1956. – 350 с.
2. Мэтлофф, М. От Касабланки до Оверлорда / М. Мэтлофф. – Москва: Воениздат, 1964. – 584 с.
3. Степанова, О. Л. «Историки-ревизионисты» о внешней политике США / О. Л. Степанова // Вопросы истории. – 1973. – № 3. – С. 93-107.
4. Петров, Ю. В. Практика и историческая наука / Ю. В. Петров. – Томск: Изд. Томского ун-та, 1981. – 414 с.
5. Выготский, Л. С. Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов / Л. С. Выготский. – Москва: Изд. Акад. пед. наук, 1960. – 500 с.
6. Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев. – Москва: Политиздат, 1975. – 304 с.
7. Лурия, А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов: экспериментально-психологическое исследование / А. Р. Лурия. – Москва: Наука, 1974. – 172 с.
8. Петров, Ю. В. Практика и историческая наука / Ю. В. Петров. – Томск: Изд. Томского ун-та, 1981. – 414 с.
9. Коган, Л. Н. О специфике применения критерия практики в исторической науке / Л. Н. Коган // Практика – критерий истины в науке. – Москва: Соцэкгиз, 1960. – С. 242-262.
10. Петров, Ю. В. Практика и историческая наука / Ю. В. Петров. – Томск: Изд. Томского ун-та, 1981. – 414 с.

11. Файнберг, Л. А. У истоков социогенеза / Л. А. Файнберг. – Москва: Наука, 1980. – 152 с.
12. Кравченко, А. И. Социальная антропология: учеб. пособие для вузов / А. И. Кравченко. – Москва: Академический Проект, 2003. – 544 с.
13. Логин, В. Т. Диалектика военно-исторического исследования / В. Т. Логин. – Москва: Наука, 1979. – 221 с.
14. Hull, D. L. In Defence of Presentism / D. L. Hull // History and theory. – Middletown, 1976. – Vol. 18. – № 1. – Pp. 1-15.
15. Хасанова, Г. Б. Антропология: учебное пособие / Г. Б. Хасанова. – Москва: КНОРУС, 2004. – 240 с.

И. В. РОГОЗИНА

**ДИСКУРС Д. ТРАМПА КАК ПРОЕКЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ
(D. TRUMP'S DISCOURSE AS A PROJECTION OF AXIOLOGICAL
THINKING)**

Аннотация. *Статья посвящена выявлению способов организации оценочных фрагментов дискурса Д. Трампа, эксплицирующих через призму самопохвалы одну из приоритетных для него аксиологических доминант. Исследование сконцентрировано на доминанте, выраженной ценностной оппозицией «ум-глупость». Проведенный в рамках исследования анализ языковых средств обнаруживает три способа репрезентации оценочного признака, к которым прибегает американский политик. В статье также определяются актуальные для Д. Трампа когнитивные признаки эксплицируемой доминанты.*

Ключевые слова: *лингвоаксиология, аксиологическая доминанта, аксиологическая шкала, дискурс, языковые средства экспликации ценностей.*

Abstract. *The article is devoted to identifying the patterns of evaluative fragments of D. Trump's discourse that represent one of his priority axiological dominants. The focus of the research is the value opposition "intelligence - stupidity" through the prism of self-praise. The analysis of linguistic means carried out within the framework of the research reveals three patterns of representing the evaluative attribute, to which the American politician resorts. The article also singles out relevant cognitive features of the axiological dominant.*

Keywords: *linguo-axiology, axiological dominant, axiological scale, discourse, linguistic means of expressing values.*

Возникновение в науке о языке лингвоаксиологического направления исследований стало результатом действия взаимообусловленных и взаимосвязанных векторов социального развития, поставивших во главу угла человека во всех его проявлениях. Соответственно, смещение акцента с изучения языка «как вещи в себе» на изучение человека, говорящего на языке, привело к смене парадигм в лингвистике, выразившейся в антропоцентрическом повороте научной мысли и выдвигании на передний план когнитивно-дискурсивной парадигмы. Как следствие в фокусе научного внимания оказались фундаментальные атрибуты человеческого бытия, включая и то, как свойственное им аксиологическое измерение оказывается представленным посредством языка. Поэтому закономерно, что изучение вербальных способов репрезентации самих ценностей и изменений в их иерархии выходит на передний план лингвистической науки [6, с. 257].

Актуальность лингвоаксиологических исследований обусловлена еще и тем, что, по справедливому замечанию Н.В. Михайлюковой, сама «современная языковая реальность ставит перед исследователями новые задачи, одной из которых является анализ дискурсивных практик новейшего времени в аспекте лингвоаксиологии» [5, с. 142]. Аналогичную

мысль находим также у М.П. Котюровой, которая считает, что актуализация аксиологического аспекта исследования способна распространяться на «любые лингвистические пространства – от языковых единиц ... до дискурса, понимаемого как совокупность текстов на одну и ту же тему» [4, с. 84]. В особой степени это относится к политическому дискурсу, который, по удачному выражению Л.К. Байрамовой, применившей его к паремиям, является аксиологически заряженным [2, с. 10].

В политическом дискурсе со свойственной ему манипулятивной направленностью оценка выступает как особая когнитивная операция, нацеленная на осознанное приписывание оцениваемому объекту либо положительных, либо отрицательных свойств. Поскольку политики – это практические, действующие субъекты, преследующие в своей публичной деятельности принятые ими цели и планы [3, с. 132], и, как правило, представляющие реальность через призму ценностей, постольку изучение языковых способов фиксации аксиологических параметров политического дискурса не утрачивает своей актуальности.

В частности, обоснованный интерес вызывает исследование эксплицируемых посредством дискурсивных практик ценностных доминант значимых в международном масштабе языковых личностей таких, например, как бывший и, возможно, будущий президент США Д. Трамп. Поэтому цель настоящей работы состоит в изучении способов языковой экспликации и выявлении когнитивных признаков одной из приоритетных ценностных доминант аксиосферы Д. Трампа, которая через признак оценки может быть представлена аксиологической оппозицией «ум-глупость». Названная ценностная доминанта обнаруживает себя в дискурсе Д. Трампа, независимо от медиа, посредством которых он реализуется, будь то его выступление в Белом доме, интервью или многочисленные сообщения, размещенные им в Твиттере. Биограф Д. Трампа Г. Блэр, написавшая о нем и его семье книгу, подчеркивает, что для этого американского политика ум и интеллект являются вечной темой (“It’s a lifelong theme for him”) [12]. По этой причине названную ценностную доминанту можно отнести к разряду ментальных констант изучаемой языковой личности. В дискурсивных практиках американского политика она выступает как наиболее важный ментальный контрапункт, создающий посредством рекуррентного выражения определенный оценочный континуум.

Можно с уверенностью утверждать, что умственные способности других людей являются объектом постоянной оценочной (когнитивной) деятельности человеческого сознания. Однако аналогичную деятельность, обращенную субъектом на самого себя, и тем более ее публичную вербализацию в формате самопохвалы можно отнести к разряду более редких явлений. Р. Ратмайр отмечает, что самопохвала в русской, немецкой, а также, добавим от себя, английской лингвокультурах считается неуместной [7, с. 49], и, тем не менее, наделение себя исключительными умственными способностями красной нитью проходит через дискурс Д. Трампа.

Фрагменты дискурса американского политика, отобранные нами с учетом наличия в них самопохвалы в отношении собственных умственных способностей, показывают, что экспликация аксиологической доминанты осуществляется тремя способами – эксплицитно, эксплицитно-имплицитно и имплицитно. Говоря об эксплицитном формате, следует отметить, что Д. Трамп, прежде всего, прибегает к использованию таких дескриптивно-оценочных слов как прилагательные *smart* и *intelligent*. Например, когда в сентябре 2016 г. во время президентских дебатов Х. Клинтон обвинила Д. Трампа в неуплате федеральных налогов, поскольку он отказывался сделать эту информацию публичной, претендент на пост президента США парировал тогда это серьезное обвинение фразой:

That makes me *smart* [8] [Здесь и далее курсив мой. – И. В. Рогозина].

Это говорит о моем уме [Здесь и далее перевод мой. – И. В. Рогозина].

В приведенном выше фрагменте дискурса *smart* наделяется когнитивным признаком *умение обходить возникающие трудности, искать и находить лазейки для выхода из какой-либо ситуации*.

Вместе с тем во многих фрагментах дискурса эксплицитно репрезентируемая аксиологическая доминанта находит также и имплицитное выражение. Так, отвечая на вопрос телеведущего канала Fox News после победы на президентских выборах о том, почему в Белом доме не проводятся ежедневные брифинги представителей спецслужб, как это было при других президентах, Д. Трамп применяет эксплицитно-имплицитный способ создания оценочной структуры своего дискурса:

I'm, like, a *smart* person. I *don't have to be told the same thing* in the same words every single day [8].

Я, вообще-то, умный человек. Мне не нужно говорить одно и то же в одних и тех же выражениях каждый божий день.

Приведенные выше предложения образуют своеобразный оценочный комплекс, в котором функцию экспликации аксиологической доминанты посредством самопохвалы выполняет качественное прилагательное *smart* первого предложения, в то время как во втором эта же ценность выражена имплицитно – «умному человеку не нужно повторять дважды одно и то же». В этом фрагменте в качестве когнитивного признака аксиологической доминанты выступает способность американского политика «схватывать» все с первого раза, быстро улавливать суть проблемы.

Нужно сказать, что и до, и после президентских выборов в адрес Д. Трампа неоднократно звучали обвинения в неспособности выполнять обязанности президента США. Например, М. Вулф опубликовал книгу “Fire and Fury: Inside the Trump White House”, в которой привел мнение нескольких членов команды Д. Трампа, выразивших сомнение в том, что он подходит на такую должность. В задачи настоящей статьи не входит подробное рассмотрение личностно-психологических характеристик фигуры американского политика, поэтому считаем достаточным ограни-

читься указанием на то, что самопохвала как присвоение собственным умственным способностям положительного аксиологического знака, в том числе, говорит о выполнении ею защитной функции. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует фрагмент дискурса Д. Трампа, в котором он отреагировал на выход в свет упомянутой выше книги:

My two greatest assets have been mental stability and being, like, really *smart*. Well, only because I *went to the best colleges* for college. I was a *very excellent student*. Came out and *made billions and billions of dollars*. Became one of the *top business people*. Went to television and, for ten years, was a *tremendous success*, as you probably have heard. Ran for President one time and *won* [8].

Моими двумя самыми ценными качествами реально являются уравновешенность и ум. Ну, потому, что я учился в лучших учебных заведениях. Я был превосходным студентом. Завершил обучение и заработал миллиарды и миллиарды долларов. Стал одним из самых успешных бизнесменов. Пришел на телевидение и в течение десяти лет пользовался огромным успехом, как вы, вероятно, знаете. Принял участие в президентской гонке и с первого раза победил.

Построенный в эксплицитно-имплицитном формате оценочный комплекс транслирует мнение Трампа о соответствии по целому ряду пунктов его умственных способностей эталону принятому современным обществом. Как видим, эксплицитная оценка (*smart*), локализованная в первом предложении, перетекает в имплицитную в остальной, аргументативной части фрагмента. Имплицитная оценка выражается каскадом качественных атрибутивов – лексем с положительным оценочным знаком (*best, excellent, top, tremendous*) в сочетании с существительными *college, student, dollars, business people, success*, что позволяет Д. Трампу представлять свой интеллект – операциональную ценность – через призму утилитарных ценностей, таких как успешность, измеряемая материальными и нематериальными показателями – достижениями и свершениями.

Следующий фрагмент дискурса, по содержанию аналогичный предыдущему, обнаруживает несколько иную структуру оценочного комплекса – в нем имплицитная экспликация аксиологической доминанты (*nice student, did very well*) предшествует эксплицитной, выраженной лексемой *intelligent* – атрибутивом с качественно-характеризующим значением:

I went to an Ivy League college. I was a *nice* student. I did *very well*. I am a *very intelligent* person [13].

Обладая качественно-характеризующим значением, лексемы *smart* и *intelligent* часто используются как синонимы для оценки людей, имеющих проницательный ум и обладающих быстротой мышления, а также способностью, логично рассуждая, делать правильные выводы. Однако если *smart* в большей степени указывает на то, что подобные умственные способности являются результатом обучения, то оценка посредством лексемы *intelligent* занимает более высокую позицию на оценочной шкале,

поскольку она обозначает обладание нерядовыми умственными способностями от природы, включая и способность к обучению.

Выступая в январе 2017 г. во время своего первого визита в штаб-квартиру ЦРУ, Д. Трамп говорит практически исключительно о своем интеллекте и неординарных умственных способностях членов своей семьи. В частности, он рассказывает о своем дяде, который работал в престижном Массачусетском технологическом университете, известном своими естественнонаучными и техническими программами:

I'm a person that very strongly believes in academics. In fact, every time I say I had an *uncle* who was a *great professor* at MIT for 35 years who *did a fantastic job* in so many different ways, academically -- was an *academic genius* - and then they say, 'Is Donald Trump an *intellectual*?' Trust me, I'm, like, a *smart person* [8].

Я – человек, в котором необычайно сильна вера в науку. На самом деле, я каждый раз говорю, что у меня был дядя, который проработал в МТУ в течение 35 лет, и у которого было множество самых различных достижений – он был научным гением. И после этого я слышу: «Интеллектуал ли Дональд Трамп?». Поверьте мне, я умный человек.

Как и в предыдущих случаях аксиологическая доминанта дискурса Д. Трампа – умственные способности – репрезентируется при помощи оценочного комплекса: эксплицитно (*smart person*) и имплицитно – с отсылкой к интеллекту родственника по крови. Соответственно, в данном случае когнитивным признаком аксиологической доминанты является генетическая предрасположенность американского президента к высоко-развитому интеллекту.

Следует отметить, что аксиологическая доминанта также эксплицируется Д. Трампом с позиции гиперболизации оценочного признака. Нарастание признака оценки достигается посредством лексем *гениальный* и *гений*. Например, говоря о своей победе на выборах и своих успехах в бизнесе, на телевидении и в политике, Д. Трамп производит самооценку, эксплицитно выражающую аксиологическую доминанту:

That would qualify as *not smart*, but *genius*. And a *very stable genius* at that! [11].

Это можно было бы квалифицировать не как проявление ума, а как проявление гения. И притом истинного гения!

Стремление Д. Трампа к фиксации аксиологической доминанты посредством самопохвалы приводит к использованию языковых средств экспрессивизации, какими, в частности, являются степени сравнения прилагательных. Следующий фрагмент дискурса демонстрирует, как с их помощью Д. Трамп повышает степень проявления оценочного признака, возводя атрибутив *genius* в сравнительную степень. Назвав помощников, собравшихся в Овальном кабинете Белого дома, своим «мозговым трестом» (*brain trust*) и охарактеризовав их как гениев, американский президент дает исключительно эксплицитную оценку собственным умственным способностям как неизмеримо превосходящим те, что имеют они:

Every one of these people is a *stable genius*, and I am by *far stabler and more geniuser* than any of them [11].

Каждый из этих людей настоящий гений, а я гораздо гениальнее любого из них.

В качестве самопохвалы в своих дискурсивных практиках американский политик прибегает не только к эксплицитному или эксплицитно-имплицитному, но и к имплицитному способу экспликации аксиологической доминанты. Так, когда во время интервью на канале MSNBC в марте 2016 г. Д. Трамп спросили, с кем он советуется по вопросам внешней политики, он ответил следующее:

I'm speaking with myself, number one, because I *have a very good brain* ... I *know what I'm doing* and I listen to a lot of people, I talk to a lot of people and at the appropriate time I'll tell you who the people are. ... *My primary consultant is myself*, and I have, you know, I *have a good instinct* for this stuff [8].

Я советуюсь сам с собой, прежде всего, потому что у меня очень хорошие мозги ... Я знаю, что я делаю, и я слушаю многих людей и говорю со многими людьми, и в соответствующее время я скажу вам, кто эти люди. ... Мой основной консультант – это я сам, и у меня хорошая интуиция на такие вопросы.

Экспликация доминанты осуществляется совокупностью имплицитивов, со всей очевидностью транслирующих мысль о том, что Д. Трампу нет равных по силе ума. Как и в предыдущем случае, самопохвала «вырывается» за общепринятые рамки, и такую ментальную особенность следует признать характерной для этой языковой личности.

Можно также дополнительно привести целый ряд фраз, при помощи которых Д. Трамп репрезентирует приоритетную для него аксиологическую доминанту в имплицитном формате с тем, чтобы представить свой интеллект как более чем достаточный для успешного решения задач различного уровня сложности, включая управление такой страной как США. Как известно, одной из методик определения качественных параметров интеллекта является тестирование с целью определения коэффициента умственного развития (IQ test). Поэтому включение в ткань дискурса отсылок к высоким значениям этого показателя, безусловно, является имплицитным средством выражения смыслов, тождественных тем, что продуцируются атрибутами *smart*, *intelligent* и *genius*. Ниже приводится фраза из твиттер-сообщения Д. Трампа, в которой он делает выпад в сторону своих противников, утверждающих, что его компетенций недостаточно, чтобы руководить Америкой:

Sorry, losers and haters, but *my I.Q. is one of the highest* – and you all know it [10]!

Лузеры и хейтеры, вы уж меня простите, но у меня один из самых высоких коэффициентов умственного развития – и вы все об этом знаете!

Следует отметить, что реализуемая Д. Трампом стратегия презентации аксиологической доминанты посредством имплицитива обнаруживает

себя обилием случаев использования степеней сравнения, которые предстают как одно из наиболее востребованных американским политиком языковых средств выражения оценки. Это подтверждает и приводимая ниже фраза, в которой лексема *mature*, употреблена в превосходной степени. Импликация в данном случае опирается на бытовое сознание, для которого характерно представление об эквивалентности зрелости и ума:

I'm, like, *the most mature* person in the country, and anyone who says I'm not can suck it [9].

Я, вообще-то самый зрелый человек в стране, и любой, кто говорит, что это не так, может идти ко всем чертям.

Поскольку оценка всегда предполагает соотнесение объекта оценки с некоторым эталоном в плане выраженности оценочного признака, дискурс Д. Трампа обнаруживает и существенное количество атрибутивов в сравнительной степени, выполняющих функцию выражения самопохвалы посредством имплицитной оценки собственных умственных способностей:

With the exception of the late, great Abraham Lincoln, I can be *more presidential* than any president that's ever held this office [13]

За исключением покойного великого Авраама Линкольна я подхожу на должность президента больше, чем любой президент, когда-либо занимавший этот пост.

Таким образом, анализ способов экспликации аксиологической доминанты посредством самопохвалы показывает, что они реализуются в дискурсе Д. Трампа в виде трех способов репрезентации оценочного признака – эксплицитного, эксплицитно-имплицитного и имплицитного. Принимая во внимание особенности языковой личности американского политика, в целом, можно сказать, что экспликация аксиологической доминанты осуществляется «с позиции гиперболизации положительных характеристик и намеренного опущения отрицательных» [1, с. 110]. По этой причине средства выражения оценочного отношения заполняют исключительно «верхнюю», положительно маркированную часть оценочной шкалы (рис.1).

Подвергнутые лингвокогнитивному анализу фрагменты дискурса позволили выявить следующие актуальные для Д. Трампа когнитивные признаки положительно маркированной части ценностной оппозиции «ум-глупость». Ум, являющийся для американского политика операциональной ценностью, рассматривается им в качестве инструмента достижения определенных целей и обладает такими когнитивными признаками как:

- успешность, измеряемая материальными и нематериальными показателями – достижениями и свершениями;
- способность схватывать все «налету», быстро доходить до сути дела;
- генетическая, наследуемая предрасположенность;
- неординарная одаренность;

- независимость суждений и умозаключений при принятии решений;
- способность успешно выполнять обязанности президента страны.

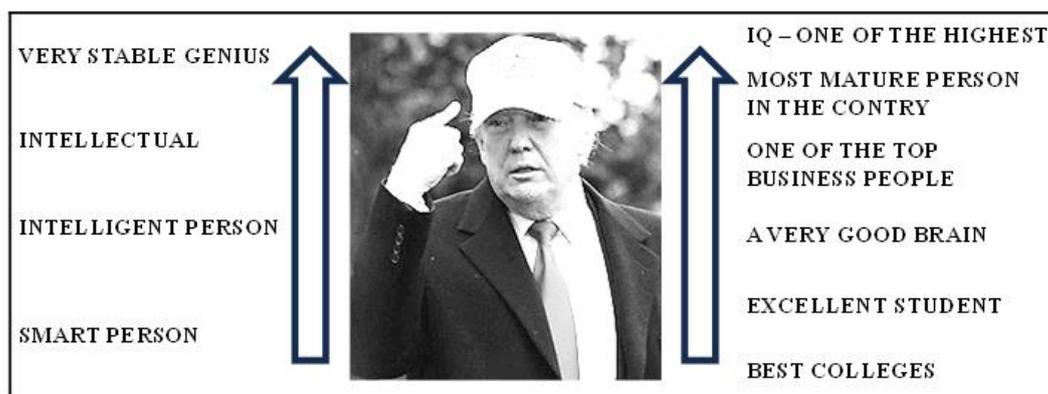

Рисунок 1

Подводя итоги, можно сказать, что оценочная структура дискурса Д. Трампа определяется выраженным аксиологическим вектором его мышления. Об этом свидетельствует рекуррентная экспликация как приоритетной для него аксиологической доминанты, так и ее когнитивных признаков.

Список литературы

1. Амири, Л. П. «Палитра» языковых средств оценочности в современном рекламном дискурсе // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 110-111.
2. Байрамова, Л. К. Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей» // Вестник Новгородского государственного университета. – Филологические науки. – 2014. – № 77. – С. 10–12.
3. Катермина, В. В. Аксиология английской политической неологии в массмедийном дискурсе // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 132-133.
4. Котюрова, М. П. Трансдисциплинарность как условие формирования лингвоаксиологии // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 84-86.
5. Михайлюкова, Н. В. Лингвоаксиологический анализ рекламного дискурса (на материале языка дальневосточного города) // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 142-145.
6. Рабенко, Т. Г. Ценностные доминанты дневникового жанра // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 257-258.

7. Ратмайр, Р. Аксиологические аспекты корпоративной коммуникации. На примере положительной оценки // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 49-50.
8. Abcnews. – URL: <https://abcnews.go.com/Politics/president-trump-called-smart-six-times-before/story?id=52209712> (accessed 01.12.2023).
9. Newyorker. – URL: <https://www.newyorker.com/humor/borowitz-report/trump-i-am-the-smartest-person-in-the-room> (accessed 25.11.2023).
10. Politico. – URL: <https://www.politico.com/story/2019/05/30/donald-trump-iq-intelligence-1347149> (accessed 20.11.2023)
11. Washingtonpost. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/retropolis/wp/2018/01/07/trump-says-hes-a-genius-a-study-found-these-other-presidents-actually-were/> (accessed 20.11.2023).
12. Wong, A. Getty Images // www.politico.com. – URL: <https://www.politico.com/story/2019/05/30/donald-trump-iq-intelligence-1347149> (accessed 20.11.2023).
13. Youtube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j6PXF17jAyw> (accessed 15.10.2023).

Н. В. ЦЫГАНЕНКО

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОГО
СТУДЕНЧЕСТВА
(THE 1917 REVOLUTION IN THE ASSESSEMENTS OF MODERN
STUDENTS)**

Аннотация. *В статье отражены результаты опроса студентов Алтайского государственного технического университета, касающиеся их отношения к революции как форме социальных изменений. Представлены мнения студентов о причинах и последствиях Октябрьской революции 1917 года, их отражении в исторической памяти поколений.*

Ключевые слова: *революция, социальные изменения, историческая память, студенты*

Abstract. *The article reflects the results of a survey of students of the Altai State Technical University concerning their attitude to revolution as a form of social change. The opinions of students on the causes and consequences of the October Revolution of 1917, their reflection in the historical memory of generations are presented.*

Keywords: *revolution, social changes, historical memory, students.*

Октябрьская революция, свершившаяся в 1917 г. в России, стала беспрецедентным по своим масштабам и последствиям событием не только отечественной, но и всей мировой истории. Глобальные изменения, произошедшие во всех сферах жизни общества, вызывают интерес научного сообщества, политиков и рядовых граждан не только в историческом аспекте, но и применительно к современным реалиям. Фокус внимания в обсуждении этого события сосредоточен на осмыслении феномена революции как формы социальных изменений. В связи с этим предпринятое нами социологическое обращение к революционной тематике как элементу исторического сознания современного университетского студенчества выглядит вполне обоснованным. Оно продиктовано интересом к тому, какую мировоззренческую позицию по поводу революции 1917 г. занимает поколение людей, родившихся в постсоветский период и, возможно, уже дистанцированных от идеологически-перегруженных трактовок исторических событий.

Социологический опрос ста восьмидесяти семи респондентов проводился методом анкетирования. Выборочную совокупность пилотажного исследования составили студенты 1 и 2 курсов Алтайского государственного технического университета. Опрос проведен с использованием анкеты, разработанной специалистами ВЦИОМ [1].

В оценке сущности революции как формы социальных изменений большинство опрошенных придерживаются диалектического подхода, отмечая закономерность революции как следствия множества объективных факторов, противоречивое сочетание ее последствий (64%). Значимость

революции как фактора инноваций и социальной мобильности отметили 17,6%. 14,4% респондентов акцентируют внимание на антигуманном характере социальных революций (Рис.1).

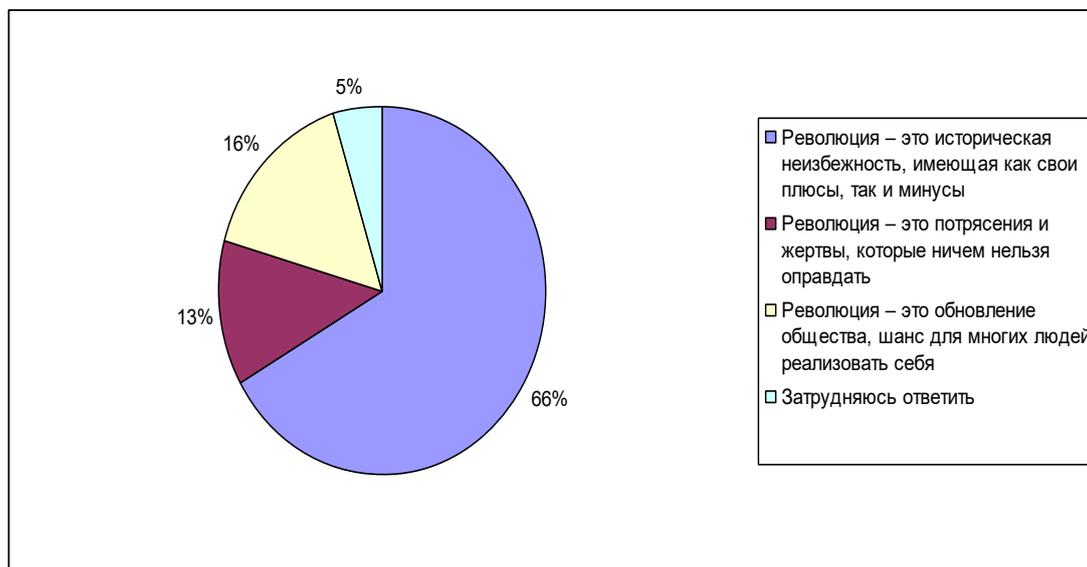

Рисунок 1 – Диаграмма «Отношение к революции как к форме социальных изменений»

Характеризуя события Октябрьской революции в России, студенты назвали две ее главные причины: тяжелое положение народа и слабость правительственной власти. Студенты проявляют склонность рассматривать события 1917 года как следствие внутренних исторических закономерностей – длительно нараставшие противоречия разрешились революцией. Причины, которые носят ситуативный, стихийный характер, находят меньшее понимание (табл.1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Как Вам кажется, что главным образом привело к Октябрьской революции?»

Ответы	%
Тяжелое положение народа	74,4
Слабость правительственной власти	58,4
Экстремизм политических авантюристов	14,4
Стихийная агрессия толпы	14,4
Заговор врагов русского народа	4
Другое	5,6
Затрудняюсь ответить	2,4

Респонденты склонны согласиться с суждением о том, что Октябрьская революция выражала волю народов, населявших Российскую империю (скорее согласны с таким утверждением 52,8% опрошенных; скорее, не согласны 30,4%). При этом лишь 10% респондентов считают, что ре-

волюция послужила интересам всего общества. 48% полагают, что в первую очередь она выразила интересы обездоленных слоев населения - рабочих и крестьян. Почти 37% респондентов полагают, что революция в конечном итоге послужила небольшой группе тех, кто сумел воспользоваться результатами революции.

Относительно целей, которые преследовали сторонники Октябрьской революции, преобладают такие ответы как: изменение политического строя (73,6%), практическая реализация перераспределения благ в соответствии с лозунгом «Власть - народу, фабрики - рабочим, земли – крестьянам» (46,4%), завоевание власти (28,8%), изменение жизни к лучшему (25,6%), строительство нового общественного строя (24,5%). Интересно, что в общероссийском опросе 42% респондентов выбирают вариант ответа «затрудняюсь ответить»; среди опрошенных студентов АлтГТУ доля таких респондентов составила лишь 3,2%.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Какие цели, на Ваш взгляд, преследовали сторонники октябрьской революции»? (Можно выбрать несколько вариантов ответа)

Ответы	%
Изменить политический строй, совершить государственный переворот	73,6
Перераспределить блага в соответствии с лозунгом «Власть - народу, фабрики - рабочим, земли – крестьянам»	46,4
Завоевать власть	28,8
Изменить жизнь людей к лучшему	25,6
Построить коммунизм, социализм	24,8
Личные интересы	22,4
Свобода, равенство, братство	16,8
Провести реформы и направить развитие страны в прогрессивное русло, вывести Россию на передовые позиции в мире	16
Построить великое государство	13,6
Раскулачить буржуазию	10,4
Мир и справедливость	7,2
Сделать доступными образование и медицину	4
Завладеть материальными благами	4

Окончание таблицы 2

Преследовали благие цели	3,2
Затрудняюсь ответить	3,2

Неоднозначны оценки последствий Октябрьской революции: 37,6% опрошенных студентов отметили, что события 1917 года открыли новую эру в истории России, 28% полагают, что был дан новый импульс социальному и экономическому развитию страны. 15,2% опрошенных придерживаются противоположной оценки, отмечая, что революция затормозила социально-экономическое развитие. 7,2 % оценивают последствия революции как катастрофические; 12% затруднились ответить.

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, принесла Октябрьская революция нашей стране?»

Ответы	%
Придала импульс последующему социальному и экономическому развитию страны	28
Открыла новую эру в истории России	37,6
Затормозила социально-экономическое развитие	15,2
Стала катастрофой для нашей страны	7,2
Затрудняюсь ответить	12

Комментарии студентов подчеркивают их стремление к взвешенным оценкам как причин, так и последствий революции. Процитируем некоторые из них:

«Октябрьская революция явилась закономерным следствием общественного развития и классовой борьбы в условиях того времени. Да, это очень жестокое, страшное и кровопролитное явление в истории нашего государства. Но, тем не менее, в ней были положительные моменты, которые заключались в её итогах»; «Революция повлияла не только на ход истории, но и изменила отношение людей к окружающему их миру. Было совершено много неоправданных действий, по отношению к людям: грабежи, расстрелы, гонения. Но спустя несколько лет Россия взяла новый курс развития и сохранила общность своего народа»; «В ходе революции раскололось российское общество, к власти пришли большевики, началась гражданская война, разложение российской армии. Я считаю, что революция унесла много человеческих жизней и привела к власти диктаторов, которые опять же губили население страны».

Безусловно, революция 1917 года хронологически сильно дистанцирована от современного студенчества. Однако, мы предполагали, что сама революция и последующие за ней события зафиксированы в семейной исторической памяти. 13% респондентов ответили, что события революции коснулись истории их семьи, 33,6% ответили, что революция не отразилась

непосредственно на жизни их предков, 53,6% затрудняются ответить. В комментариях студенты чаще всего отвечали, семьи их предков были раскулачены и переселены, сосланы в Сибирь, были расстреляны. Процитируем некоторые из них (авторская стилистика сохранена): *«Маму моего дедушки фиктивно выдали замуж за комсомольца - рабочего, чтобы ее не репрессировали в Сибирь, так как её семья считалась классовым врагом революции (Дед моей прабабушки был управляющим Демидовского рудника)»; «Мои родственники на момент революции были крестьянами, революция отразилась на них также как и на всей стране (государственный переворот, принятие нового политического режима). В связи с дальнейшей политикой коллективизации и раскулачивания один из прапрадедов был расстрелян, другие же отправлены в ссылку в Сибирь»; «Социализм дал развитие и крышу над головой моей семье».*

Следует отметить, что в целом события и образ революции не актуализированы в исторической памяти студентов АлтГТУ столь заметно, как, например события Великой Отечественной войны [2].

Небольшой объем выборочной совокупности нашего исследования и его задачи, ограниченные форматом у исследования как пространства для последующих учебных дискуссий, позволяют констатировать лишь некоторые тенденции восприятия революции 1917 года современным студенчеством: стремление к взвешенной оценке, восприятие революции как противоречивой формы социальных изменений.

Список литературы

1. ВЦИОМ. Обзор «Октябрьская революция: 1917-2017» [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oktyabrskaya-revolucziya-1917-2017> (дата обращения: 16.03.2024).

2. Инговатова А. Г., Васильев С. Ф., Цыганенко Н. В. Великая Отечественная Война в исторической памяти студентов АлтГТУ / А. Г. Инговатова, С. Ф. Васильев, Н. В. Цыганенко // Барулинские чтения: Актуальные вопросы философии и образования: сборник научных статей. – Барнаул: АлтГТУ, 2021. – С. 139-144.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСКУРСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 340.155.6

Г. В. ГИКАЛ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (CURRENT PROBLEMS OF LEGAL CULTURE AND EDUCATION IN MODERN SOCIETY)

Аннотация. *В настоящей статье проведено исследование значений терминов «культура», «правовая культура». Рассмотрено взаимодействие правовой культуры и образования в современном обществе. Уделено внимание актуальным проблемам повышения уровня правовой культуры среди молодежи и работников образовательных учреждений. Проанализированы основные элементы системы правового воспитания молодого поколения в атмосфере знания и соблюдения своих прав, свобод, законных интересов и обязанностей.*

Ключевые слова: *правовая культура, образование, правовое государство.*

Abstract. *This article conducts a study of the meanings of the terms “culture” and “legal culture”. The interaction of legal culture and education in modern society is considered. Attention is paid to current problems of increasing the level of legal culture among young people and employees of educational institutions. The main elements of the system of legal education of the younger generation in an atmosphere of knowledge and respect for their rights, freedoms, legitimate interests and responsibilities are analyzed.*

Keywords: *legal culture, education, rule of law.*

Правовая культура является частью современного общества. Особое внимание необходимо уделить исследованию значения термина «культура». Данное слово имеет латинское происхождение (лат. cultura – обработка, культивация, облагораживание, воспитание). Под ним понимается исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т. д. [7]

Слово «культура» было введено в научный обиход знаменитым древнеримским мыслителем Марком Туллием Цицероном. Первоначально, философ имел ввиду не столько воспитание человеческого духа, сколько раскрытие интеллектуального потенциала. Следовательно, последующее изменение имело непосредственное отношение к изменению ассоциаций, которые были связаны с земледелием: они стали более интенсивными и затрагивали не только животноводство и сельское хозяйство, но также ум и душу человека. Хотя изначальный смысл существительного в некоторых

случаях сохраняется и по сей день (например, в словосочетании «сельскохозяйственные культуры»).

В толковом словаре С. И. Ожегова культура понимается как «совокупность общественных и духовных ценностей человека» [5, с. 2398]. В словаре Т. Ф. Ефремовой – «уровень развития каждой из областей жизни (интеллектуальной, общественной и производственной).» [1, с. 1143].

По мнению П. Леграна культура - это некая система, как фундаментальная, так и общая, в рамках которой человек совершает собственные сознательные (осмысленные) действия и оценивает действия других. Он также отождествляет культуру с нематериальными рамками, в которых осуществляется жизнедеятельность личности в данном обществе. Иными словами, культура выступает как своеобразное единство человека и культурной среды, являющейся его продуктом.

Если говорить о термине «правовая культура», считаем, необходимо иметь в виду качество правовой жизни общества, степень защищенности государством от нарушений прав и свобод человека и соблюдение их каждым гражданином страны.

В рамках изучения правовой культуры имеется много спорных вопросов, особенно связанных с изучением природы современного государства, структуры и механизмов взаимодействия его институтов. Эти вызовы являются приоритетом для развития правовой науки, которые успешно решаются некоторыми отечественными учеными, такими как В. В. Головченко, О. Г. Шапиева и др.

Политические события оказывают воздействие на юридическое пространство: трансформируется роль и место в современном российском обществе. Особое место в этом формировании занимает подрастающее поколение.

По настоящей теме исследования среди разных авторов существует мнение, что молодое поколение не в полной мере владеет правовыми знаниями. Так, например, В. М. Золотухиным и В. П. Суловой был проведен опрос в форме анкетирования студентов в различных университетах города Кемерово Кемеровской области-Кузбасса [2]. Целью проведения данного исследования было определение степени сформированности и развития правовых знаний у студентов высших учебных заведений. В ходе анкетирования было выявлено, что позиция многих студентов на вопросы связанные с правом различна, и по данному критерию можно их разделить на две группы: первая группа студентов, у которых возникли затруднения при ответах, вторая группа, кто проявил интерес. Многие участники анкетирования берут информацию о своих правах и свободах через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», другая часть участников получают информацию из общения с преподавателями и практикующими юристами. Кроме того, значительное большинство студентов, к сожалению, отрицательно отнеслись к тезису: «Все равны перед законом». Среди анкетированных свободными людьми считают себя только 20 процентов от общего числа.

С принятием новой Конституции Российской Федерации на всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, было провозглашено, что Россия есть правовое государство, признающее верховенство права и законодательных актов в жизни государства и общества. Данная реформа подразумевает не только создание принципов гражданского общества, но и принципов образования людей. Однако, нужно понимать, что при реформировании законодательства страны происходит разрыв между подъемом демократизации законодательства и падения уровня правовой культуры в стране. В первую очередь данное суждение в большей степени относится к молодому поколению. К сожалению, в настоящее время, прослеживается тенденция, что студенты вузов и колледжей относятся к праву в большей степени, как к способу решения каких-то собственных проблем. Забывая при этом, что права, свободы и обязанности тесно и неразрывно взаимосвязаны, и порождают друг друга.

Формирование правовой культуры среди молодого поколения предполагает создание такого мышления, которое создавало бы положительное отношение к праву, как части государства. При высоком и среднем уровнях правосознания молодежи, у них возникает возможность применять свои умения и навыки в области права на практике.

В современном мире правовое государство не может существовать без правового образования. Процесс целенаправленной передачи знаний, умений и навыков в области права предполагает системный вклад образовательных учреждений в повышении уровня правовой культуры.

Думается, что высокая степень активизации образовательных процессов, путем создания различных образовательных курсов, программ в области права, будет влиять на рост уровня правового образования учащихся. У профессорско-преподавательского состава, реализующего программы правового образования, должна быть определенная цель, а именно формирование правовой культуры среди учащихся.

Надо полагать, что актуальная проблема повышения уровня правовой культуры решаема с помощью развития концепции личностной правовой культуры, нацеленной на динамизацию в сознании студентов необходимости высокого уровня самосознания. Таким образом, педагог, который выполняет принцип формирования правовой культуры в ходе образовательного процесса, является носителем тех знаний, позволяющих нам достигнуть указанной задачи.

Правовая культура и правосознание учащихся, оканчивающих учебные заведения, находящихся на последнем курсе, должны стать, во-первых, составными элементами высокого уровня квалификации, а во-вторых, стать фундаментом для повседневной жизни, а именно придать человеку чувство защищенности от противоправных действий в отношении него, а также выработать готовность отвечать за то или иное деяние (действие или бездействие). Правовая культура должна занимать ключевую роль в образовании. Основной целью образовательных учреждений в современной России является динамическое построение и деконструкция

интегративных характеристик личности, социальным заказом общества, потребностями государства в квалифицированных кадрах. При этом, правовой культуре необходимо стать той составляющей, которая содержит в себя: знание и понимание права, его соблюдение и уважение и т.д.

Рассматривая выше задачи, которые стоят перед профессорско-преподавательским составом, хотелось бы также затронуть вопрос правовой культуры работников образовательных учреждений.

Образование является важнейшим направлением развития нашего государства, что подтверждается Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2016 году, в котором В. В. Путин указал о важности развития у человека такого важнейшего качества, как нравственность [6]. И для решения такой задачи немаловажным является и повышение правовой культуры самих преподавателей.

Огромный вклад в развитие педагогической науки был сделан А. К. Марковой, которая внедрившая термин «профессиональная компетентность» [3, с. 43]. Как уже было отмечено в настоящей статье, образованию в России государство уделяет особое внимание, в том числе и повышению профессиональной компетентности сотрудников образования. Правильным будет заметить, что составным элементом профессиональной компетентности, будет являться правовая компетентность. Со вступлением в законную силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» повышение правовой компетенции приобрело законодательное закрепление и стало одной из главных задач образования в России.

Существуют исследования, к сожалению, демонстрирующие невысокий уровень правовой культуры у работников образования, проявляющийся в правовой неграмотности, стереотипном представлении о различных нормах права. Так, например, А. М. Муртазалиевым и С. В. Бекишиевой проведен социологический опрос среди преподавателей Дагестанского государственного университета [4]. В ходе данного опроса было выявлено, что 60 процентов участников опроса были в таком положении, когда они ощущали недостаток правовых знаний. Данный результат показывает, что даже сами преподаватели признают свои правовые знания недостаточными. На вопрос о том, с помощью чего преподаватели повышают свои знания в сфере законодательства, большинство ответило, что с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», другая часть участников получают информацию из книг и статей. Ответы на данный вопрос показывают, насколько в современном мире образование связано с новыми технологиями и инновациями, и что интернет используется как средство повышения квалификации.

В настоящее время перед сотрудниками образования стоит задача развития и обучения молодого поколения, которое будет уважительно относиться к законам и соблюдать их, уметь правильно защитить свои нарушенные права. Таким образом, для передачи знаний и умений о праве обучаемым, работникам образовательных учреждений требуется обладать правовой компетентностью.

Правовая компетентность педагога является значимым признаком правовой культуры, а также причиной для повышения уровня учебно-воспитательной работы. Если проводить сравнительный анализ двух терминов «правовая культура» и «правовая компетентность», то можно прийти к выводу, что понятие правовой культуры шире, так как включает в себя не только знания о праве, но и весь культурный пласт, систему установок ценностей.

В науке существует мнение, что у педагога в его профессиональной деятельности происходит не только постепенное движение вперед, но и стагнация или даже регресс. Решением этого является повышение квалификации. Оно, в данном случае, поможет устранить замедление или остановку развития профессиональных качеств.

Список литературы

1. Ефремова, Т. Ф. Современный словарь русского языка: три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный; Орфографический, словообразовательный, морфемный словари русского языка: около 20000 слов: около 1200 словообразовательных единиц / Т. Ф. Ефремова. – Москва: АСТ: Астрель, 2010. – 699 с.

2. Золотухин, В. М. Правовая культура и образование / В. М. Золотухин, С. В. Сулова // Филологические науки. – 2011. – № 2. – URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2011/2/> (дата обращения: 24.01.2024).

3. Маркова, А. К. Психология труда учителя: книга для учителя. / А. К. Марков. – Москва: Просвещение, 1993. – 192 с.

4. Муртазалиев, А. М. Проблемы повышения правовой культуры работников образования / А. М. Муртазалиев, С. Р. Бекишиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2017. – № 1. – URL: <https://jurvestnik.dgu.ru/publication.aspx?param=24> (дата обращения: 24.01.2024).

5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Институт русского языка Российской Академии Наук, 2004. – 940 с.

6. Администрация Президента Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <http://government.ru> (дата обращения: 24.01.2024).

7. Academic.ru: сайт. – URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 24.01.2024).

И. В. ДЕМИН

**РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ (ПО ПУТИ ХАЙДЕГГЕРА).
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
(PONDERING EDUCATION (ON HEIDEGGER'S PATH). PART TWO)¹**

Аннотация. *Статья продолжает осмысление образования в контексте трансцендирования человеческого бытия. Через поворот онтологического мышления от субъективизма метафизики к онтологии события-Ereignis показываются применительно к образованию смысловые различия между формированием и формовкой, культивированием и культивацией, производством культности. Автор приходит к выводу, что основной урок хайдеггеровского философского пути для понимания сущности образования заключается в невозможности преодоления метафизики на почве радикальной деструкции инструментально-вычисляющей рациональности Модерна: на смену исчерпавшему себя беспочвенному образу образования неизбежно приходит не менее метафизическая реставрация тотальности мировоззрения и идеологии.*

Ключевые слова: *М. Хайдеггер, метафизика, образование, человеческое бытие, событие-Ereignis, экзистенция, трансцендирование, культура, диалог, идеология.*

Abstract. *The article continues to comprehend education in the context of the transcending of a human being. Through the turn of ontological thinking from the subjectivism of metaphysics to the ontology of event-Ereignis, the semantic differences between formation and shaping, creating a culture and cultivation, and the production of cultism are shown. The author comes to the conclusion that the main lesson of Heidegger's philosophical path for understanding the essence of education is the impossibility of overcoming metaphysics on the basis of the radical destruction of the instrumental and computational rationality of Modernity: the groundless image of education, which has exhausted itself, is inevitably replaced by an equally metaphysical restoration of the totality of worldview and ideology.*

Keywords: *M. Heidegger, metaphysics, education, human being, event-Ereignis, existence, transcending, culture, dialogue, ideology.*

Осмысление образования, т.е. именно вопрошание о его смысле через вопрошание об истине бытия зовёт человека к сущностному усилению по пути изначального мышления. В этом зове – вызов вычислениям и махинациям инструментально-технологического мышления с его усложнённым, но при этом крайне примитивным «образом» образования. Размышляя об образовании, мы не можем рассчитывать его как вновь противопоставленный субъекту предмет, конструируя его пусть и обновлённую, но «картину». Нет, трансцендируя образование как значимый модус человеческого бытия, мы должны удержаться в его самораспахнутости событию, иначе –

¹ См. первую часть статьи: **Демин И. В. Размышление об образовании (по пути Хайдеггера)** // *БАРУЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ: Актуальные вопросы философии и образования: сб. науч. ст. / науч. ред. В. Ю. Инговатов; ред.-сост. И. В. Демин. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2021. С. 108–114.*

срыв в хватку конструирующего, обладающего разума. Как же можно прийти к изначальному образу образования, выведя его из одновременно открытости и потаённости? В «метафизическом» выражении образование конститутивно закрыто от умудрённой простоты, потому что в исходном значении (особенно как детище Нового времени) уже подразумевает обращённость к искусственному изображению сущего, отчуждённого от человека как субъекта. По последствиям это – господствующая, инструментальная рациональность; значит, и «образование» как важнейший инструмент господства и манипулирования с «миром». В направлении от «метафизики» – возвращение к изначальности смыслового наполнения образования в судьбе человека как бытия-в-мире и экзистенции. Куда ведёт этот путь?

По тропам языка ближайшей дорогой попадаем в слово “образ”. *Образовывать* значит приводить к некоторому образу, образцу, формировать в соответствии с некоторым (как правило, Высшим, Абсолютным) канон. Отсюда – иконографические коннотации образа. Сакральный смысл образования как пайдеи – античной или христианской – находится в средоточии человеческого трансцендирования, означая формирование, созидание человека в насколько возможном целостном образе, единстве его сущностных сил. Разумеется, замутнённый исторической традицией – в частности, идейным ригоризмом и социальной объективацией своего времени, – этот смысл и с грузом всех случайных напластований сохраняет чистый источник для исполняемой проективности экзистенции. Он открывает потенциально содержащийся в человеке “образ и подобие”, задающий усилие вертикального восхождения. Как подняться на высоту такого формирования, где теоретически аргументированное знание о мире соответствовало бы практическому, нравственному поведению в мире, преобразовывая прирождённую природу человека? Только минуя дидактизм формовки, более всего отвечающей «метафизическому» настрою. *Формирование*, а не *формовка*, – это путь события, оттого оно столь же просто, сколь и трудно. Оно улавливается не в монологичности Знания и Идеи, а лучше всего в многообразии значений и отсылок *художественного символа*.

Символ глубже эйдоса, идеального первообраза. Последний даёт субстанциальную форму, часто жертвуя свободой и уникальностью экзистенции. В художественном символе приоткрывается событие – всепроникающее захватывание бытием экстатически расположенного по отношению к самому себе человека, при котором уникальность экзистирующего человека впервые наполняется подлинностью. Символика поэтического слова возносит в бытийную глубину, размыкая границы времён, лиц, традиций, сущего. Так, например, “Гамлет” Б. Л. Пастернака перекрещивает и до известной степени сливает воедино лица (образы) Гамлета, Шекспира, Христа, актёра, поэта, Юрия Живаго, Пастернака, высказывая через их голоса некую вневременную суть трагедии человека, вступающего в разлад с лживым и злым миром. Лишь очутившись в тотальном одиночестве, один на один с мировым фарисейством, человек (Богочеловек, принц Датский,

поэт, интеллигент) начинает не только *быть*, но и *“существовать”*, попадая в просвет бытия. В то же время несмотря на архетипичность, образы не превращаются в выхолощенную схему, поскольку в конечном счёте у каждого трагедия “своя”, как “свой” и выход из неё – следствие индивидуально-ответственного реагирования на вовлечённость в полноту жизни. Подлинный художественный символ спасает от соблазна безответственного смещения себя с любопытством и толками «мировоззрения».

Вообще говоря, очень важно постигнуть различие между исполнением своего проекта в подлинно постигаемом образовании и реализацией «своего проекта» посредством так или иначе обосновывающего «образование» «мировоззрения». «Мировоззренческие» основы хороши, когда они питаются изначальным мышлением, но кто сегодня решается мыслить изначально, а не приспособлять изначальность к злобе дня, результативности практического действия и делания? Прагматизм и утилитаризм – это ведь далеко не только индивидуоцентричная, своекорыстная забота-суета в «мире», это не в меньшей степени ориентированная на эффективную технологичность любая «метафизическая» «картина мира», преследующая один результат – субъективистское контролирование сущего. Для контроля всегда используются чрезвычайно односторонние, тенденциозные и направленные к догматизации «инварианты» и «первопринципы», которые искусственно вырываются из временности и историчности. Мифолого-догматизированный характер «первопринципов» и «традиций» заканчивается тем «образом» образования, который мы стремимся преодолеть. “«Метафизика» – мифологизация и догматизация – производство утопии – формовка человека”, – вот этот последовательный ряд действий (разного окраса – либеральных, социалистических, консервативных и др.), производящих массовость борющихся друг с другом «мировоззрений».

В поступках исполняющей экзистенции, может быть, мало действия, зато точно камертон присутствует изначальность других возможностей всеединого формирования, других образов образования. Тогда человек ясно понимает, что, к примеру, тот же университет универсален не потому, что всё стягивает к какому-то единому «мировоззрению», лежащему в основании идеологии, а потому, что он есть встреча различных мировоззрений и различных наук, сотрудничество которых воплощает многоуровневое объяснение и понимание стохастической реальности, являющейся центральным предметом исследования постнеклассической рациональности. Более того, универсальность университета есть в первую очередь бескорыстный поиск знания в его безусловности – всеобъемлющее абсолютного бытия нельзя удержать в истинности исключительно предметно, по канонам классического, докоммуникативного логицизма. Неопределенность и дополнительность как базовые принципы постижения реальности в коммуникативной рациональности обуславливают как взаимное сосуществование, так и в перспективе более плодотворный синтез знаний и ценностей не сводимых друг к другу парадигм. Неужели мы до сих пор не созрели для так очевидного мысли поликультурного мира и поликультурного

образования? Университет по самому существу не должен быть местом для свершения партикулярного, заикленного на сиюминутных потребностях «формирования мировоззрения». Слишком понятно последствие такого манифеста – новоиспечённая формовка человека и «специалиста». К. Ясперс, по-моему, верно угадал адекватный способ существования университетского образования: будучи внешне далёким от прямой социальной и политической ответственности из-за неучастия в принятии решений, университет имеет привилегию находиться над политическими нуждами, культивируя у своих членов гораздо более важное – «служение становлению чистой истины» [6, с. 135–136].

Далее, ещё одно смысловое соотношение – образование и культура. *Культивирование*, выращивание – процессы, тесно соприкасающиеся с созданием человека в целостном образе. На пути к экзистенции бытие-в-мире приобщается к сокровищнице предшествующего культурного опыта. В контексте самого культивирования как процесса индивидуально-общего приобщение протекает как добровольное принятие “извне” приходящего содействия, выводящего из потаённого естественно присутствующие в человеке возможности самотрансцендирования. Стоит подчеркнуть, что слово “извне” здесь не отсылает нас к непроходимой границе между бытием и человеком, оно только слабость нашего языка, не способного к мышлению без установления логических дистинкций даже там, где, как в событии, всё “сутствует” до всяких разделений. Но культивирование не сродни *культурации*, ведь с необходимостью «метафизического» мышления последняя неизбежно трансформируется в «культурацию» – унификацию, подобно формовке, сводящую возможности экзистенции к мёртвому единству закрытого, непроницаемого единства. Возможности образования тогда аналогично иссушаются, лишаясь живительных соков той “почвы”, из которой, собственно, и выращивается некий образ *культурности*. Можно даже сказать, что, чем меньше живительных соков в действии культурации, тем больше в *результате* данного целенаправленного действия уже не культурности, а самоуверенной, крикливой *культуловости*. Культуловостью пронизаны все свершаемые в количественном безумии образовательные «проекты».

Противоядием от культурации в образовании должен быть сдвиг, если можно так выразиться, от нововременного «образования» к культурному образованию. Очевидно, в этом смысле следует понимать школу “человека культурного” В. С. Библера. Он писал, что образ этой школы полагает обучение “как одновременное – современное – сопряжение (диалог) различных форм культуры, различных разумов культуры, – античного и средневекового, средневекового и нововременного, Нововременного и современного, западного и – восточного” [1, с. 255]. Что это означает для перспективы исполняющейся экзистенции? Ни много ни мало, как защиту её всё расширяющегося горизонта понимания от постоянно суживающего его влияния монологичного разума. Для подлинного образования как аксиома звучит утверждение, что смысловой образ одного культурного разума

только тогда и в состоянии действительно существовать, когда он общается с непохожими и не менее уникальными смысловыми образами иных культурных разумов – что очень важно! – “на грани различных культур”. Тот, кто убоится в этом тезисе опасности релятивизма и постмодернистской трансгрессии, в корне заблуждается, оставаясь в тисках «метафизики». Ибо как ещё назвать поразительное непонимание самого существа диалога, исполняемого исходя из (а не вопреки) естественной, самодетерминированной потенциальности экзистенции? В настоящий диалог вступает только та экзистенция, которая хотя бы интуитивно, в наименьшей степени, но тем не менее заключает в себе способность к самодетерминации. Самодетерминирующийся же никогда не преодолеет себя в беспредельности открывающихся возможностей – он только углубит и, стало быть, разовьёт себя.

Однако благо, если нам удастся сохранить сдержанность и не потерять голову при виде открывающихся возможностей. Ведь нередко происходит незаметная подмена: новый образ, осуществляемый как преодоление «метафизики», ею же в итоге и оказывается. Эта драматичная метаморфоза была, есть и, к огромному сожалению, ещё не раз будет – как с великими мыслителями, так и не очень. Каким будет этот переход от исчерпавшего себя «образа» образования к манящим далям, увы, редко “светлого” будущего? Будет ли он экзистенциальной силой события или экзистенциальной слабостью падения в устройство сущего? На пути изначальности рано или поздно встанет испытание экзистенциальной силы, а с ним вместе и столкновение с заблуждениями.

Куда ведёт путь сопротивления «метафизической» беспочвенности и неукоренённости человека? Где избавление от суетливого делячества безмирности? Конечно, в возрождении корней, возвращении к живительным сокам почвы, крепко врастая в которую человек тянется выпрямиться “Назад к Образу”, в преодолении через вопрошание “бытийной оставленности” [4, с. 156–160]. Потерянное, заблудившееся настоящее ищет дорогу из “сумрачного леса”, чтобы выжить, жить в будущем, и находит её в далёком, домашнем прошлом. Замечательно будет, если Дом возвратится как *произведение* события, в простом и ненавязчивом ландшафте Просёлка, Шварцвальда, провинции. А что, если возвращение в Дом и Мир обернётся если не яростной борьбой, то по крайней мере участием в борьбе, реформой университета в духе национального сознания, двусмысленностью “Чёрных тетрадей”?! От Веймара – к новому проекту! «Метафизическое» господство пробирается окольным путём... Не всё ли равно, какая «идеологическая» манипуляция предлагается образованию: гигантомания рыночных количеств (показателей) или ресентимент «патриотических» завоеваний?

Бесспорно, что потом придёт попытка самооправдания в форме принятия этапа борьбы как необходимого, последнего шага саморазрушения нововременного субъективизма, «метафизического» самоизживания прежнего «проекта» [5, с. 472–474]. Но это *потом*... Между тем как осмыслить

завороженность шумным языком лозунгов с «формированием нового мировоззрения», «новой культурной политикой» и т.д. и т.п.? Как так получается, что «метафизика», вооружённая операционализмом идеологии и пропаганды, вершит судьбы, а избранную дорогу осеняет Ничто? Ответ сложен, как сложна машинерия покидающего путь событийной умудрённой простоты «мира».

С какой упорствующей самоуверенностью, инерцией мышления осаждаемой «вражеским гниением» святости путь к изначальности сползает в тупиковую бездну «культы традиции»! Сколько целомудрия ума и воли нужно, чтобы в захваченности событием не упасть в пустоту самоослеплённого горделивого фаворитизма, низвергнув при падении саму суть исполняемой проективности! В этом падении «культивация» и «культовость» уже не скромно приобщают к бытию, а занимаются дерзновенной переделкой жизни не ради экзистенции и Человека, а сообразно субъективистским «проектам» имперсонального могущества. Свершающаяся переделка мира под прикрытием «общего блага» вдруг, но для мысли вполне логично, превращается из устремления к обретению своего свободного проекта в нигилистически разъединяющий и разрушающий апофеоз безмирности, от чего поначалу, чисто реактивно, тотальное свершение отталкивается как от онтологического яда.

Вдали от события сущее мобилизовано на борьбу, мировоззренческая и интеллектуальная мобилизация охватывает образование, идеологемы побеждают волю к Знанию и Истине. Может ли ещё кто-нибудь без истеричного самоослепления пророчествовать о Победе? В просвете бытия никто не отменит своеобразный *образовательный теозис*, осуществляемый в умном вымалчивании Образования экзистенции. Незаметная дорога к образованности, одаривая, идёт по символическим тропам поэтического вдохновения, как общающееся Откровение Рильке–Пастернака [2, с. 315–316]:

Всё, что мы побеждаем, – малость,
Нас унижает наш успех.
Необычайность, небывалость
Зовёт борцов совсем не тех.

Так ангел Ветхого Завета
Нашел соперника под стать.
Как арфу, он сжимал атлета,
Которого любая жила
Струною ангелу служила,
Чтоб схваткой гимн на нём сыграть.

Кого тот ангел победил,
Тот правым, не гордясь собою,
Выходит из такого боя
В сознании и расцвете сил.

Не станет он искать побед.
Он ждёт, чтоб высшее начало
Его всё чаще побеждало,
Чтобы расти ему в ответ.
 (“Созерцание”)

Список литературы

1. Библер, В. С. Культура и образование (Размышление в семи тезисах) // Библер, В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.
2. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. VI. Стихотворные переводы. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2005. – 672 с.
3. Хабермас, Ю. От картин мира к жизненному миру. – М.: Идея-Пресс, 2011. – 128 с.
4. Хайдеггер, М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 640 с.
5. Хайдеггер, М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 528 с.
6. Ясперс, К. Идея университета. – Минск: БГУ, 2006. – 159 с.

М. В. РЫГАЛОВА

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ
СТУДЕНТОВ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И.И. ПОЛЗУНОВА)
(EMOTIONAL INTELLIGENCE OF STUDENTS [BASED ON THE
EXAMPLE OF STUDENTS OF ALTAI STATE TECHNICAL
UNIVERSITY NAMED AFTER I.I. POLZUNOV])**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования эмоционального интеллекта студентов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. Выявлено, что треть студентов испытывает затруднения в распознавании чужих эмоций, что вызывает сложности в понимании собеседников, выстраивании конструктивного диалога. Эмоциональный интеллект рассматривается как один из базовых навыков, необходимых в современном обществе, в том числе для успешной профессиональной деятельности. Период студенчества является активным временем новых вызовов, в том числе связанных с повышенными эмоциональными нагрузками, а значит возможностью формирования навыков эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, студенты, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова.

Abstract. The article presents the results of a study of the emotional intelligence of students at the Polzunov Altai State Technical University. It was revealed that a third of students have difficulty recognizing other people's emotions. This causes difficulties in understanding interlocutors and building a constructive dialogue. Emotional intelligence is one of the basic skills necessary in modern society, including for successful professional activities. The student period is an active time of perceiving new challenges, including those associated with increased emotional stress. And that means an opportunity to develop emotional intelligence skills.

Keywords: emotional intelligence, students, Polzunov Altai State Technical University.

В научной литературе существует множество определений того, что же представляет собой эмоциональный интеллект. В рамках данной работы под этим термином мы придерживаемся определения доктора психологических наук М. А. Манойловой, которая рассматривает эмоциональный интеллект как совокупность коммуникативных и регуляторных свойств личности, обеспечивающих осознание, принятие и регуляцию собственных состояний и чувств, а также чувств других людей [5].

Современные исследования в области эмоционального интеллекта подчеркивают его связь с многими процессами развития личности. Так, один из авторитетных психологов Д. Гоулман выделяет важные составляющие эмоционального интеллекта, которые, в свою очередь, необходимы в профессиональной деятельности. Среди них самосознание, самоконтроль, мотивация, эмпатия, социальные навыки [2].

Среди профессиональных требований все более возрастает спрос к так называемым гибким навыкам, к которым относится и эмоциональный интеллект. Он рассматривается как важная компетенция успешной профессиональной деятельности, межличностного взаимодействия и личностного развития человека [1, с.105].

Период студенчества закладывает основы будущей профессиональной деятельности, является временем освоения больших объемов информации, в том числе через выстраивание коммуникации с разными людьми. В этой связи необходимо обращать внимание на такую составляющую личностного развития, как эмоциональный интеллект. Проблемам изучения эмоционального интеллекта студентов посвящены исследования Л. Н. Кобзевой и Н. Г. Бахتامовой [3], Е. В. Сизовой и О. И. Сафроненко [6], О. Б. Симатовой [7], О. Н. Тимофеевой [8], и др. Все они подчеркивают значение эмоционального интеллекта в успешном обучении, реализации потенциала самораскрытия, прежде всего, через социальное взаимодействие.

Инженерные специальности требуют взаимодействия с людьми, умения работать в команде, что на первый взгляд может показаться не очевидным, в том числе для студентов, выбирающих технические направления подготовки. В этой связи обратимся к исследованию уровня эмоционального интеллекта студентов технических направлений подготовки.

Цель исследования – выявление уровня эмоционального интеллекта студентов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова.

Исследование проводилось в 2022-2023 учебном году. В нем приняли участие 95 студентов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, обучающиеся на первом курсе в институте биотехнологии, пищевой и химической инженерии, на факультете энергомашиностроения и автомобильного транспорта и энергетическом факультете, из них 14 девушек, 81 юноша.

Для измерения уровня эмоционального интеллекта использовалась методика «Тест ЭМИН» Д. В. Люсина. Она представлена несколькими субшкалами (МП – понимание чужих эмоций; МУ – управление чужими эмоциями; ВП – понимание своих эмоций; ВУ – управление своими эмоциями; ВЭ – контроль экспрессии), а также шкалами (МЭИ – межличностный ЭИ; ВЭИ – внутриличностный ЭИ; ПЭ – понимание эмоций; УЭ – управление эмоциями) Данные можно рассматривать как обобщенно (ОЭИ – общий уровень ЭИ), так и отдельным шкалам и субшкалам [4]. Результаты опроса представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Уровень эмоционального интеллекта студентов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова

шкала/уровень	очень высокий		высокий		средний		низкий		очень низкий	
	кол-во чел.	%	кол-во чел.	%	кол-во чел.	%	кол-во чел.	%	кол-во чел.	%
МП	2	2	22	23	35	37	19	20	17	18
МУ	9	9	22	23	33	35	21	22	10	11
ВП	11	12	28	29	36	38	13	14	7	7
ВУ	22	23	26	27	28	30	13	14	6	6
ВЭ	14	14	32	34	32	34	17	18	0	0
МЭИ	5	4	30	32	31	33	18	19	11	12
ВЭИ	20	21	28	29	30	32	10	11	7	7
ПЭ	6	6	27	28	34	36	18	19	10	11
УЭ	22	23	25	26	30	32	10	11	8	8
ОЭИ	12	13	34	36	29	30	11	12	9	9

Примечание к таблице 1: МП – понимание чужих эмоций; МУ – управление чужими эмоциями; ВП – понимание своих эмоций; ВУ – управление своими эмоциями; ВЭ – контроль экспрессии; МЭИ – межличностный ЭИ; ВЭИ – внутриличностный ЭИ; ПЭ – понимание эмоций; УЭ – управление эмоциями; ОЭИ – общий уровень ЭИ

Наглядно результаты опроса представлены на рисунке 1.

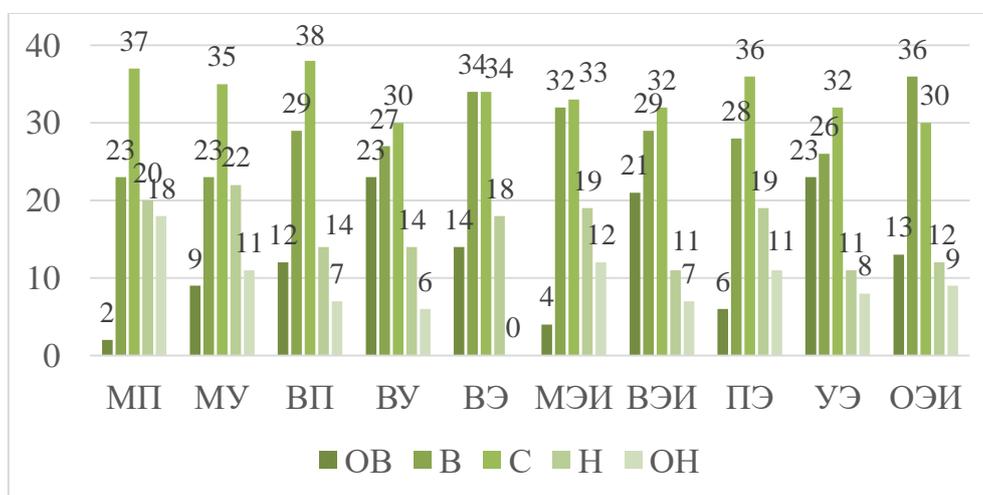

Рисунок 1 – Уровень эмоционального интеллекта студентов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (в процентах)

Из результатов опроса респондентов видим, что более трети студентов (38 %) по шкале МП (понимание чужих эмоций) имеют низкие и очень низкие результаты. Таким образом, 36 человек испытывают затруднения в распознавании чужих эмоций, в том числе через невербальные сигналы (жесты, мимику). У 37 % уровень высокий и очень высокий. Это значит, студенты способны к пониманию эмоционального состояния человека по

внешним проявлениям его эмоций через невербальные сигналы; у них высоко развито чувство эмпатии. Еще у 37 % респондентов средний уровень по данной шкале. Они неплохо ориентируются в понимании эмоций по вербальным и невербальным признакам.

По шкале МУ (управление чужими эмоциям) низкий уровень у 33 % респондентов. Это характеризует затруднения в контроле собственных эмоций и эмоций собеседника, низкий уровень способности к управлению эмоциями других людей. 32 % студентов обладают хорошим уровнем самоконтроля, способностями к управлению и контролю над эмоциями собеседника. Еще 35 % опрошенных способны к контролю собственных эмоций, эмоций собеседника, могут испытывать затруднения в способности к управлению эмоциями других (средний уровень).

По шкале ВП (понимание своих эмоций) около пятой части студентов (21%) показали низкий и очень низкий уровень. У них низкие способности к анализу своих эмоций, осознанию причин их появления. Однако при этом достаточно много студентов (41 %) понимают свои эмоции и способны к саморефлексии. 38 % респондентов имеют средний уровень, значит осознают свои эмоции, распознают, идентифицируют, понимают причины их появления и умеют их описать.

По шкале ВУ (управление своими эмоциями) у 20 % студентов низкий результат. Это характеризует слабый уровень регулирования своих эмоций, управления ими, чрезмерную экспрессивность. Несмотря на это, половина опрошенных студентов (50 %) способны сдерживать нежелательные эмоции, контролировать внешнее их проявление, регулировать степень их интенсивности, в целом контролировать свое эмоциональное состояние.

Шкала ВЭ (контроль экспрессии) измеряет уровень контроля эмоциональных проявлений. Он низкий и очень низкий у 18 % опрошенных студентов. Около половины студентов (45 %) обладают высоким уровнем самоконтроля. Это говорит об их хорошей способности адаптироваться в коммуникативных ситуациях, в том числе в непредвиденных обстоятельствах.

Студенты испытывают затруднения в интерпретации эмоций и чувств своих и других людей; не склонны к анализу эмоций и принятию решений на основе наблюдения за поведением собеседника (30 %). Об этом говорят результаты по шкале ПЭ (понимание эмоций). 34 % опрошенных обладают высоким уровнем саморефлексии и саморегуляции, еще 36 % опрошенных – средним уровнем.

С трудностями анализа возможных последствий, в том числе негативных, связанных с проявлением эмоций, сложностями контроля собственного поведения, а также контроля выражения эмоций сталкиваются 19 % опрошенных студентов. Об этом свидетельствует результат по шкале УЭ (управление эмоциями). При чем почти половина (49%) студентов способны к вербальному и невербальному контролю своих эмоций и эмоций собеседника.

По шкале МЭИ (межличностный ЭИ) низкий и очень низкий уровень у 31 % студентов. Они плохо различают и понимают эмоции других, не способны идентифицировать их эмоциональное состояние на основе невербальных и вербальных проявлений. У 33 % студентов средний уровень МЭИ, у 36 % – высокий. Они достаточно хорошо способны понимать и различать эмоции, как собственные, так и собеседников.

По шкале ВЭИ (внутриличностный ЭИ) затруднения в распознавании эмоций других людей и собственных эмоций, в понимании их причин и следствий; отсутствие контроля собственной экспрессии испытывают 18 % респондентов; 50 % опрошенных имеют высокие показатели по данной шкале. Они способны контролировать нежелательные эмоции, искать социально приемлемые способы для их выражения.

Наконец, ОЭИ (общий уровень ЭИ) почти у пятой части опрошенных (21 %) студентов на низком и очень низком уровне. Они плохо осознают и распознают свои эмоции и их проявления, не обнаруживают взаимосвязь между ними, соответственно, не умеют снижать нежелательные эмоции, не внимательны к эмоциям других людей, отстаивают свою позицию, не прислушиваясь к позиции другого. 49 % опрошенных имеют высокие показатели эмоционального интеллекта. Они способны распознавать, управлять эмоциями, контролировать свои и чужие эмоциональные проявления. Еще 30 % респондентов имеют средний показатель. Они также разбираются в эмоциональном состоянии, но при высоких эмоциональных нагрузках могут слабее себя контролировать.

Результаты опроса по выявлению уровня эмоционального интеллекта показали, что слабее у студентов развиты компоненты, отвечающие за межличностное взаимодействие (около трети респондентов имеют низкий уровень). Возможно, это связано с их низкой коммуникативной активностью, неумением и нежеланием выстраивать контакты с другими людьми, расширять их, отсутствием стремления к проявлению инициативы.

При этом у студентов развиты навыки саморефлексии, они больше понимают свои эмоции, причины их возникновения, стремятся к управлению ими, т.е. компоненты внутриличностного эмоционального интеллекта.

Высокие показатели по уровню самоконтроля, контроля эмоциональных проявлений студентов (около 50 %) указывают на то, что ко времени студенчества (17–19 лет) закрепляются навыки саморегуляции, а также формируется устойчивое представление о социально приемлемом поведении.

Вместе с тем, обращают на себя внимание низкие показатели эмоционального интеллекта части студентов. Полученные результаты исследования могут быть использованы участниками образовательного процесса для формирования условий развития и повышения эмоционального интеллекта в период обучения в высшем учебном заведении.

Список литературы

1. Ганенко, А. А., Щипанова, Д. Е. Эмоциональный интеллект студентов: результаты исследования // Современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: реализация принципов конвенции о правах ребенка: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2022. – С. 105–109.
2. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 560 с.
3. Кобзева, Л. Н., Бахтамова, Н. Г. Формирование качеств эмоционального интеллекта студентов психолого-педагогического профиля подготовки // Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. – 2022. – Vol. 11. Is. 5A. – P. 82–94.
4. Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования. – Москва: Институт Психологии РАН, 2004. – С. 29–39.
5. Манойлова, М. А. Эмоциональный интеллект будущего педагога: акмеологическая диагностика и методы развития. – Москва: «POLEOGRAFF PRESS», 2008. – 128 с.
6. Сизова, Е. В., Сафроненко, О. И. Эмоциональный интеллект студенчества как объект исследования языковых дисциплин: аналитический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 8. Вып.2. – С. 129–137.
7. Симатова, О. Б. Специфика эмоционального интеллекта студентов вуза, обучающихся на различных факультетах // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». – 2017. – Т. 22. – С. 104–114.
8. Тимофеева, О. Н. Развитие эмоционального интеллекта студентов в техническом вузе // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – №11. – С. 235–239.

В. Ф. СТЕНИНА

**РУССКИЙ МИР И КУЛЬТУРНЫЙ КОД:
О ПОТЕНЦИАЛЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В ПРЕПОДАВАНИИ
КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»
(RUSSIAN WORLD AND CULTURAL CODE:
ON THE POTENTIAL OF RUSSIAN FOLKLORE IN TEACHING THE
COURSE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»)**

Аннотация. В работе фольклор представляется базисом мировоззренческой системы. Русские народные сказки рассматриваются с точки зрения реализации в них базовых смыслов и ценностей русского мира, положенных в основу идеологического курса «Основы российской государственности». В сказке «Репка» выявляются аксиологические категории русской культуры, сформулированные в философских трудах таких мыслителей, как Н. Я. Данилевского и Н. А. Бердяева.

Ключевые слова: русский мир, культурный код, архетипы, русская культура, фольклор, народная сказка.

Abstract. In his work, the author considers Russian folk tales from the point of view of the implementation in it of the basic meanings and values of the Russian world, which are the basis of the ideological course "Fundamentals of Russian statehood." The tale "Repka" reveals the axiological categories of Russian culture, formulated in the philosophical works of such thinkers as N. Ya. Danilevsky and N. A. Berdyaev.

Keywords: Russian world, cultural code, archetypes, Russian culture, folklore, folk tale.

Актуализация проблем мировоззренческого характера и обращение к духовно-нравственным и культурным ценностям становятся приоритетным направлением в развитии образовательных систем, что является следствием «усиления запроса на расширенную социально-гуманитарную подготовку обучающихся» различных направлений [12]. Введение курса «Основы российской государственности» в вузах является ответом на подобный «запрос». Одна из задач курса сформулирована следующим образом: «представить ключевые смыслы, этические и мировоззренческие доктрины, сложившиеся внутри российской цивилизации и отражающие её многонациональный, многоконфессиональный и солидарный (общинный) характер» [12].

Ключевые смыслы и ценности берут начало в архетипах (К. Г. Юнг), в том числе и литературных (Е. М. Мелетинский). «Первообразы», которые в «процессе истории повторяются там, где свободно проявляется человеческая фантазия» [16, с. 57], отражаются в художественных текстах, отражающих национальные культурные коды, специфика которых определяется особенностями языка, истории, народного творчества и географии [4].

По мнению М. М. Бахтина, художественный текст вступает в диалогические отношения с другими текстами с помощью контекста уже созданных и «предвосхищаемых» текстов: «Даже прошлые, то есть рожден-

ные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конченными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде» [2, с. 373]. Осмысление произведения искусства актуализирует «диалог культур» и обращено также к перечню культурных архетипов.

Любое художественное произведение транслирует ключевые смыслы и ценности культуры. В связи с этим, фольклор и тексты устного народного творчества, аккумулирующие «вековой исторический, в том числе и эстетический опыт народа» [8, с. 7], вслед за мифом, являются ценностным базисом и реализацией народной мировоззренческой системы [5].

Народная сказка, используя международные сюжеты, фиксирует национальную специфику благодаря наполнению и видоизменению в определенном направлении традиционной международной сюжетной схемы, что «делает сказку культурным достоянием именно этого народа» [6, с. 231].

Е. М. Мелетинский, продолжая теорию К. Г. Юнга, к архетипам относит и сказочный сюжет¹. Русская сказка поэтому является, с одной стороны, отражением ключевых смыслов и «повседневных» ценностей русского мира, с другой – их закреплением.

В изучении курса «Основы российской государственности» и его блока «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации» русские народные сказки могут стать, с одной стороны, богатым материалом, отражающим базовые смыслы и ценности русского мира. С другой стороны, сопоставление различных национальных версий мирового сюжета в сказках позволит актуализировать специфические национальные черты.

Сказка «Репка» включена в каталоги международных сказочных сюжетов², это одна из самых узнаваемых сказок в русской культуре. Существует вариант сказки, где фигурирует иной, чем в самой известной форме, состав персонажей: вместо следующих за внучкой помощников приглаша-

¹ Е. М. Мелетинский настаивает на расширении юнговского понятия «архетип», предлагая применять его не только к образу, но и к действию, то есть сюжету: «И Юнг и другие упомянутые выше теоретики, говоря об архетипах, имеют в виду прежде всего не сюжеты, а набор ключевых фигур или предметов-символов, которые порождают те или иные мотивы [...] Это не совсем точно, потому что подсознательные мотивы также связаны с социальным бытием, а сюжетная оформленность, способствующая выделению архетипов (как литературных «кирпичиков»), складывается постепенно из более аморфного повествования» [9, с. 12].

² Сюжет о репке в международном указателе Аарне-Томпсона имеет номер 2044, что зафиксировано в сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» [11, с. 459], в русском варианте указателя этому сюжету присвоен номер 1960 [1, с. 108].

лась «друга нога» [11, с. 107–108]. Однако думается, это более архаичная форма сюжета, потому не отражает национальную специфику. В связи с этим в качестве материала выбран традиционный и наиболее частотный сегодня вариант сказки, где действующие лица – дед, бабка и помощники в лице внушки, собаки, кошки и мышки. Несмотря на вариативность сюжета и сохранение международной структурной основы, в «Репке» отражены базовые смыслы и ценности коды русского мира.

В «Репке» как кумулятивной (цепной) сказке нет «никаких интересных или содержательных «событий сюжетного порядка» [14, с. 243]. Именно поэтому для интерпретации значимы не события, а элементы иного порядка: состав персонажей, их последовательность, цепочка, символическое значение предмета, вынесенного в заглавие.

Во всех вариантах сказки действие начинается с деда, именно он «садит репу», чудесный «предмет» растительного происхождения. В данном контексте фигура деда реализует в сказке такую основную ценность русской культуры, как *патриархальность*. В этом актуализация русского автократического мироустройства, устройства государства и семьи, где глава – Отец, соответственно Бог, царь и отец-родитель.

Знаковым символом является и репа, основная русская пища допетровской Руси. В самой репе как традиционном русском овоще нет ничего сказочного, однако благодаря необычным размерам ее можно отнести к сказочным предметам, «дающим вечное изобилие» [13, с. 196]. В связи с этим, с одной стороны, являясь основным продуктом допетровской Руси, репа репрезентирует географические особенности существования, которые находят свое выражение также в идиоме: «проще пареной репы». Данный фразеологизм обнаруживает не только популярность и простоту продукта, но и специфику русского календарно-обрядового бытования: репа неприхотлива, удобна в выращивании и хранении, что важно в сложных климатических условиях, характерных для большей территории России. Большая репа в сказке – метафора благополучного «зимования» и изобилия.

Существенное значение имеет и выбор помощников в сказке: члены семьи (рода) и дома. Действующие лица сказки – это созидаящая семья, смысл жизни которой в возделывании и промысле. *Семья как модель мира и государства*, объединяющим элементом которой является, с одной стороны, совместная созидательная деятельность (возделывание земли), с другой – «добытая» репа как продукт и результат этой деятельности.

Кумуляция, нанизывание, повторяющихся эпизодов в «формульных»¹ сказках («Репка» – яркий пример таких сказок), является основным структурообразующим художественным приемом [14, с. 243]. Многократное повторение помощников определяется структурной спецификой сказки: действующее лицо как повторяющийся элемент увеличивающейся це-

¹ Специфика таких сказок в их структуре, по мнению В. Я. Проппа, на что указывает и термин «формульные»: это «чистая формула, чистая схема. Все они четко делятся на одинаково оформленные повторяющиеся синтаксические звенья» [14, с. 243].

почки. Воспроизведение цепи помощников задает ритм и рифму в тексте, что объясняется песенной формой «Репки» в первых записанных вариантах [14, с. 244]. Однако объяснение многократного повтора действующих лиц только жанровой спецификой сказки не полностью раскрывает смысл и очередность появления помощников. Не случайным видится вытягивание репки друг за другом в строгой последовательности от деда к мышши. Это актуализирует иерархию в семье, что репрезентирует иерархичность в социуме: каждый член семьи, или коллектива, занимает свое место. Кроме того, у каждого в семье / социуме есть своя зона ответственности, обязанность, являющаяся частью общего «дела», объединяющего коллектив, или семью, начала. Это репрезентирует важное для русского мира качество общинность, единение группы людей, *соборность* (общинность).

Еще один значимый в контексте заявленной проблемы вопрос – почему именно мышшь становится последней в цепочке помощников. В этом видится реализация идеи соборности: важен каждый член как часть целого, единого организма, даже самая малая его часть является значимым элементом единого коллектива. Кроме этого, репа как «хвостатый клубень», с одной стороны, сопоставляется по форме с мышшкой, хвостатым зверьком, и становится сюжетным двойником мышши. С другой – желтый клубень соотносится с солнцем [10, т. 2], поэтому является символом мира верхнего, небесного. В данной оппозиции мышшь – это символ мира подземного. Таким образом, фигура мышши, рифмуясь в сюжете с репой, актуализирует не только дуалистический миф [10, т. 1], но и диалектическое понимание мира: в соединении верха и низа смысл жизни и бытия.

В результате финал и мораль сказки интерпретируется следующим образом. Только сообща, вместе можно решить любое дело. Человек существует в семье, в иерархических отношениях, где отец – это глава. У каждого члена семьи есть свои обязанности. Бытие русского мира определяет географические условия и календарно-обрядовые традиции. Созидание в русском мире – главный принцип быта и бытия. Смысл жизни в соединении высшего и низшего: гармоничность жизни достигается совмещением бытийного мира с бытовым.

Являясь международным сюжетом, сказка о репе имеет различные национальные вариации. Их сопоставление на идейном и сюжетном уровне позволяет «установить своеобразие каждой из них [...] и специфическое национальное содержание быта, социальных отношений и народной идеологии» [6, с. 231]. Сравнительная характеристика национальных версий этого сюжета возможна на следующих элементах: чудесный предмет, помощники, цель, способ ее достижения и идейно-эмоциональный вывод, или мораль, сказки.

Китайская народная сказка «Репа-великан»¹, отражает конфуцианскую аксиологию. Это выражается в отсутствии характерной для русской версии семейной иерархии. В китайском сюжете вместо семьи представлен социум: у одинокого старика выросла чудесная репа, которую преподнесли в качестве подарка императору. Мораль сказки иллюстрирует основную конфуцианскую ценность – общественная гармония, совершенное общество не предполагает любви ко всем людям [16, с. 80]. В этом принципиальное отличие конфуцианского и христианского понимания добра и зла.

В китайском варианте нет помощников, сюжет развивается по принципиально иной схеме: не благодаря помощникам, а из-за препятствия и врага в лице богатого помещика. В отличие от русской, финал китайской сказки акцентирует внимание на идее справедливого возмездия и достижения гармонии в мире. Репа (в другом варианте мышь) становится метафорой возмездия. Богатый помещик, завидуя одинокому старику, получившему от императора подарка за репу-великана, отправил свою дочь в наложницы императору, надеясь на ответные дары, подобно тем, что получил старик, но помещику за дочь пожаловали репу в качестве самой «необыкновенной вещи».

Различие можно объяснить типом и структурой сказок [14]. Однако любое художественное произведение, в том числе и фольклорное, являясь «достоянием народа» (В. М. Жирмунский), выражает моральные ценности и нравственные установки его культуры. Причины, способы и формы реализации базовых смыслов в национальных формах сюжета – это вопрос компаративистики. Нас интересуют национальные перевоплощения сюжета, «творческие подстановки, связанные с местным колоритом, с приспособлением к другой национальной среде» [6, с. 228].

Таким образом, сказочные варианты, представленные народными сказками, позволяют выявить национальную специфику и базовые культурные смыслы. Сопоставление сказок на идейно-содержательном уровне дает возможность «распознать» повседневные ценности русского менталитета, сформулированные русской философией.

Аксиология русского мира, транслируемая национальными фольклорными текстами, находит обоснование в трудах русских мыслителей: А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, Н. А. Бердяева и др. Русская философия осмысляет и представляет теоретически разработанную систему ценностей русского мира, закрепленных в духовной культуре, в том числе фольклоре и литературе.

В работе Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» противопоставляется гедонизм и гипертрофированный индивидуализм русской идее всечеловечества, соборности, национального самоопределения и самопожертвования [4]. Н. А. Бердяев в своих трудах продолжает тезисы

¹ Более известный в России вариант китайской «Репы» – «Император и мышь». В ней повторяются основные сюжетные повороты, репа заменена мышью, которая выполняет ту же функцию – необычного элемента [7, с. 255].

Н. Я. Данилевского и вводит понятие «духовной коммюнитарности», то есть всеединства. Ученый обосновывает патриархально-органическую теорию общества и развивает идею мессианства [3]. Исходя из истории Руси, России, он наделяет исключительной ролью в судьбе человечества русский народ, обосновывая это положение, в том числе, и спецификой русского понимания мира: истинность и глубина в единстве души и рацио, бытийного и бытового.

Философские идеи интерпретируются в простом, формульном сюжете народных сказок. Фольклорный сюжет, структура и действующие лица в единстве художественного осознания жизни просто и наглядно объясняют законы мироздания и транслируют базовые смыслы русского мира. «Повседневные» ценности, актуализирующие свойства русского сознания, формируются в фольклоре и интерпретируются в художественном и философском наследии.

Таким образом, фольклор представляет не только художественную и этнографическую ценность, но и обладает «глубоким идейным содержанием», которое «может быть сведено не к понятию добра, а к категории силы духа». Кроме того, «изучение русского фольклора показывает, что русское народное творчество в сильнейшей степени насыщено историческим самосознанием» [14, с. 33]. Поэтому фольклор обладает аксиологическим потенциалом для идеологического курса российских высших учебных заведений, цель которого – формирование национальной идентичности.

Список литературы

1. Андреев, Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Н. П. Андреев. – Л.: Издательство Государственного Русского Географического Общества, 1929. – 120 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
3. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 320 с. – URL: http://rusphilosophy.ru/wp-content/uploads/2022/12/berdjaev_russkaja_ideja.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
4. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский – СПб: Издательство «Глагол»: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. – 514 с.
5. Егорычев, А. М. Отражение смыслов и ценностей в русском фольклоре / А. М. Егорычев, Т. К. Ростовская // Ценности и смыслы. – 2019. – № 2 (60). – С. 119–135.
6. Жирмунский, В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах / В. М. Жирмунский // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2004. – № 1 (15). – С. 227–236.
7. Китайские народные сказки: сборник / перевод Б. Л. Рифтина. – М.: Художественная литература, 1972. – 400 с.
8. Медриш, Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики / Д. Н. Медриш. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1980. – 298 с.
9. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский, Российский государственный гуманитарный университет. – М.: РГГУ, 1994. – 136 с.

10. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980–1982.
11. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / под ред. Л. Г. Барага. – М.: Наука, 1984–1985. – (Литературные памятники). – Т. 1. – 1984. – 505 с.
12. Письмо Министерства науки и высшего образования РФ «О направлении проекта концепции модуля» № МН-11/1516-ПК от 21.04.2023 // Гарант: информационно-правовой портал. – URL: <https://base.garant.ru/406796345/> (дата обращения: 27.02.2024).
13. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1986. – 370 с.
14. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В. Я. Пропп – М.: Наука, 1976. – 327 с.
15. Цзян Вэй. Сравнительная характеристика ключевых ценностей и представлений христианской и конфуцианской культур / Цзян Вэй // Китай: история и современность: материалы VI международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. – С. 79–82.
16. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. – М.: Прогресс: Универс, 1996. – 330 с.

Ю. Н. ТАТАРКИНА

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В
ФОРМИРОВАНИИ
ЭФФЕКТИВНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ БУДУЩЕГО
(THE ROLE OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL DISCIPLINES IN THE
FORMATION OF
EFFECTIVE SPECIALISTS OF THE FUTURE)**

Аннотация. В настоящее время получила широкое распространение и признание новая модель в бизнесе *T-Shaped Skills*, эффективного специалиста будущего. Эта модель объединила в себе два типа специалистов узкого (*I-Shaped*) и широкого (джеджералист) профилей, интегрировав в себя достоинства каждой из них и включив *soft-skills* (гибкие или надпрофессиональные навыки). В статье рассматриваются возможности развития в рамках преподавания дисциплин социально-психологического цикла гибких (надпрофессиональных) навыков, являющихся важными для формирования *T-специалистов*, эффективных специалистов будущего.

Ключевые слова: *T-Shaped Skills*, эффективный специалист будущего, *soft-skills*, гибкие или надпрофессиональные навыки специалиста, тренинг, коммуникация, кооперация, креативность, критическое мышление, деловые и ролевые игры.

Abstract. Currently, a new business model, *T-Shaped Skills*, an effective specialist of the future, has become widespread and recognized. This model combined two types of specialists of narrow (*I-Shaped*) and broad (generalist) profiles, integrating the advantages of each of them and including *soft-skills* (flexible or trans-professional skills). The article examines the possibilities of developing, within the framework of teaching disciplines of the socio-psychological cycle, flexible (supra-professional) skills that are important for the formation of *T-specialists*, effective specialists of the future.

Keywords: *T-Shaped Skills*, effective specialist of the future, *soft-skills*, flexible or cross-professional specialist skills, training, communication, cooperation, creativity, critical thinking, business and role-playing games.

Современный мир стремительно меняется. Еще совсем недавно в нем господствовал принцип разделения труда: каждый специалист выполнял свой узкий спектр задач, соответствующих только его специальности. И для успешной карьеры и социального признания достаточно было стать мастером своего дела и экспертом в этой области знаний. Однако технический прогресс, размывающий дифференциацию труда, и требования рынка в более универсальных работниках стали диктовать новые условия. От эффективного современного специалиста требовалась способность адаптироваться к быстро изменяющимся условиям окружающего мира, применять новые технологии, а не пользоваться только старыми знаниями и навыками. Также малым стало требование быть только экспертом в своей узкой сфере, стала высоко цениться способность овладевать смежными областями знаний и таким образом расширять свое мышление и творческий подход к профессиональным проблемам. Время требовало специалистов новой формации.

Эта концепция «новых людей» в бизнесе получила название модели T-Shaped Skills [4]. Она объединила в себе два типа специалистов «узкого» и «широкого» профилей (Рис.1) и явилась их интеграционной моделью (Рис.2). Буква Т в названии неслучайна. Она складывается из двух линий – вертикальной и горизонтальной (перекладины). Вертикальная линия символизирует опыт, знания и навыки человека в конкретной, знакомой ему области. Горизонтальная же линия буквы Т (перекладина) обозначает смежные сферы деятельности, в которых некоторые специалисты тоже чувствуют себя уверенно. Это и есть T-shaped сотрудники. Горизонтальная линия обозначает широту их знаний, кругозора и умение взаимодействовать с разными людьми.

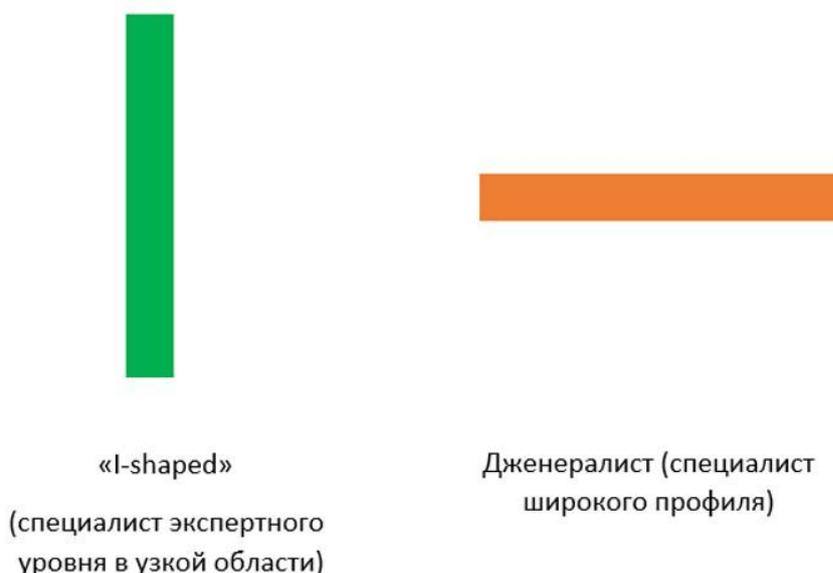

Рисунок 1 – Два типа специалистов: «узкого» и «широкого профиля»

В изменяющихся реалиях современного бизнеса, которым свойственно постоянное внедрение инноваций и необходимость быстрой и качественной адаптации к новым условиям, специалистам старой формации сложно конкурировать с Т-специалистами и соответствовать их эффективности. I-Shaped-специалисты, не обладая достаточным объемом знаний в смежных областях, способны выполнять только очень узкий круг задач, свойственных их специализации, и неспособны построить эффективную коммуникацию по всем рабочим процессам, им не хватает навыков для того, чтобы оценить или развить идеи, которые находятся на стыке профессиональных областей. Дженералисты (специалисты широкого профиля) имеют знания в смежных областях, но их объема часто также недостаточно для того, чтобы эффективно взаимодействовать в команде с экспертами и генерировать инновационные идеи, что столь необходимо успешному лидеру в современных условиях. Такие преимущества делают T-Shaped-людей незаменимыми специалистами, способными овладеть любой сферой деятельности и выполнить любую задачу, однако особый потенциал таких

людей заключается в том, что они способны стать эффективными управленцами.

Рисунок 2 – Т-специалист - эффективный специалист будущего

Во все времена рынок труда испытывал дефицит высококвалифицированного персонала, но на данном этапе развития его нехватка особо чувствительна. Любая организация испытывает острую нужду в сотрудниках, способных справиться со своими основными должностными обязанностями на высоком уровне и выполнять смежные задачи, а также обладающих высоким потенциалом профессионального и личного саморазвития. Т-специалисты объединяют опции I-Shaped и дженералиста и имеют широкий спектр компетенций, благодаря которому компании могут обеспечить непрерывный цикл производства и деятельности в случае временного выхода из строя одного из участников процесса. Мировая практика показала, что Т-люди не только благотворно влияют на текущую эффективность деятельности компании, не только являются мотиваторами саморазвития для других людей, но и способствуют росту бизнеса.

Формирование эффективного специалиста будущего предполагает развитие по трем направлениям: экспертность, профессиональный кругозор и soft-skills. Обучение в техническом университете готовит, прежде всего, подготовку специалиста определенного профиля, эксперта в своей области (вертикальный вектор развития), расширение профессионального кругозора (горизонтальный вектор развития), а также воспитание личности, обладающей soft-skills (гибкие навыки) и способной эффективно функционировать в социуме.

Цель данной статьи — анализ возможностей формирования гибких (надпрофессиональных) навыков студентов Алтайского технического университета им. И.И.Ползунова в рамках дисциплины «Социальное взаимодействие в отрасли». Эта дисциплина реализуется согласно учебным планам бакалавриата по ФГОС ВО 3 ++. В ходе освоения дисциплины формируются универсальные компетенции:

- УК-3 способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде;
- УК -5 способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах;
- УК-6 способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни.

Классическая система образования направлена на подготовку «И-образных» специалистов, т.е. хорошо разбирающихся только в одной сфере. Соответственно навыки Т-специалиста относятся скорее к личностной работе и особенностям. Дидактический потенциал курса «Социальное взаимодействие в отрасли» поистине огромен. Студенты вуза, будучи полноправными субъектами учебного процесса, одновременно являются и объектами этого процесса, так как комплекс обучающих методов носит развивающий характер. Изучая особенности психики человека, многообразие проявлений характера и темперамента личности в процессе социального взаимодействия, студенты научаются не только лучше разбираться в людях, но и глубже понимать самих себя. У них формируются навыки самостоятельной познавательной деятельности и потребность в выстраивании собственного образовательного маршрута. Сам факт существования в информационном мире, где знания и технологии стремительно обновляются, заставляет студентов самостоятельно овладевать способами добывания информации и осознавать необходимость непрерывного положительного отношения ко всем аспектам образования. Первостепенная задача вуза – не столько ознакомить студентов с последними научными разработками и технологиями в различных областях знаний, сколько научить их учиться, внедрить в их сознание мысль о необходимости перманентного обучения. Преподавателям вуза необходимо так выстраивать учебный процесс, чтобы поддерживать в студентах стремление к познанию и самопознанию, мотивировать их к профессиональному и личностному развитию и саморазвитию.

Что же представляют из себя столь востребованные сегодня soft-skills? Гибкие навыки – это комплекс умений общего порядка, тесно связанные с личными качествами. Кратко их можно назвать 5К-навыками:

- *коммуникабельность* (способность понимать психологические особенности разных людей, умение их слушать, устанавливать и поддерживать контакты);

- *кооперативность* (способность работать в команде, умение бесконфликтно выстраивать отношения с учетом взаимных интересов, знание национальных и культурных особенностей партнеров из других стран);

- *креативность* (способность творчески и нестандартно мыслить, генерировать новые идеи и создавать инновационные продукты);

- *критическое мышление*; (способность ставить под сомнение многие вещи, использовать логику, перепроверять информацию, навязываемую кем-то.)

- *клиенториентированность* (умение грамотно работать с запросами потребителя и учитывать его пожелания без ущерба для бизнеса).

С этими навыками человек не рождается, он их нарабатывает в процессе социализации. Умение и готовность работать в условиях неопределенности, быстро принимать решения, реагировать на меняющиеся условия, перераспределять имеющиеся ресурсы, креативно и системно мыслить, управлять временем становятся критически важными для идеальных профессионалов будущего.

Большую возможность для формирования и развития надпрофессиональных навыков будущих специалистов предоставляют дисциплины социально-психологического цикла, такие как: «Социология», «Инженерная психология», «Транспортная психология», «Психология личности», «Психология общения» и «Социальное взаимодействие в отрасли». Универсальные компетенции, заложенные в рабочую программу дисциплины «Социальное взаимодействие в отрасли» и являющие собой суть этих надпрофессиональных навыков, имеют возможность реализации их на практических занятиях (32 часа), которых по программе в два раза больше, чем лекционных часов (16 часов). На лекциях рассматриваются теоретические аспекты социально-психологических проблем в различных формах подачи: лекция-беседа (диалог с аудиторией), лекция с элементами обсуждения или с разбором конкретных ситуаций, наглядные лекции-презентации или с включением тематических фильмов и роликов, лекции с заранее запланированными ошибками, совместные лекции преподавателя и студентов.

Методический арсенал для формирования гибких навыков просто огромен, это прежде всего, тренинги (коммуникативный тренинг, тренинг креативности, тренинг командообразования, тренинг лидерства, тренинг по тайм-менеджменту и др.), деловые и ролевые игры, преследующие разнообразные цели (формирование аттракции, умение слушать, правила говорения, умение вести переговоры, правила конструктивной критики, умение убеждать и др.), работа в группах с элементами соревнования или творческими целями (например, создание герба и слогана специальности, «портрет группы» и др.), групповая дискуссия, мозговой штурм, тематический семинар [3]. Тренинг, как основная форма проведения практических занятий по дисциплине «Социальное взаимодействие в отрасли» [1], представляет собой интенсивное обучение с практической направленностью на развитие навыков и получение нового опыта. Это безопасный психологи-

ческий полигон для отработки новых поведенческих стратегий. Тренинг [2] - это метод целенаправленных изменений человека, направленных на личностные и профессиональные стороны развития путем приобретения, анализа и переоценки собственного жизненного опыта через психологические тесты, упражнения, игровые методики и групповое взаимодействие.

Развитие в деловой игре коммуникативных навыков, столь необходимых Т-специалистам, помимо этого развивает и эмпатические качества личности: толерантность, сочувствие и понимание. В ходе мозгового штурма, прежде чем принять какие-то идеи за основополагающие, каждый человек не только высказывает свои мысли, но и выслушивает мнения других людей. Умение слушать без критики идеи и аргументы оппонентов до того, как включить свое критическое мышление, - еще одно важное качество Т-специалиста. Индивидуальные задания студентам дают им возможность расширения информационного поля по изучаемой теме, формирования навыков самостоятельной работы по подготовке доклада и презентации, развития умения выступать перед аудиторией и отстаивать свою точку зрения. Индивидуальные сообщения и задания, выполненные в малых группах, («целеполагание», «основы планирования», «тайм-менеджмент», «прокрастинация», «делегирование», «мотивация на само-развитие» и др.) в рамках тематического семинара «Самоменеджмент как управление своей жизнью» дают возможность подготовить и презентовать группе свой маленький материал, который является частью большой общей темы. Совместная работа каждого над общим пазлом семинара является тоже творческим занятием, мотивирующим и придающим смысл обучению. Поскольку все сообщения, являющиеся составными частями общего тематического пазла, являются полезными с практической точки зрения студентов, то это вызывает их интерес и максимально служит целям обучения.

Тренинговая форма занятий с ее активной включенностью в процесс, игровой момент, запускающий творческую энергию ребят, обратная связь по поводу каждого упражнения, дающая информацию для размышления, вызывают неподдельный интерес студентов, заставляют задуматься над вопросами собственного развития, спланировать их, дают ключи для лучшего понимания себя и своего окружения. Несомненно, мы можем констатировать, что дисциплины социально-психологического цикла в рамках своих предметов формируют гибкие (надпрофессиональные) навыки, необходимые для эффективных специалистов будущего. Однако эти навыки требуют дальнейшей постоянной отработки и закрепления в реальных жизненных ситуациях. Настоящий показатель прокаченности гибких навыков – это когда человек интегрирует все навыки в общую картину мира и умеет на автомате применять их в любых сферах жизни. Это требует практики и времени, но оно этого стоит.

Список литературы

1. Зайцева, Т. В. Теория психологического тренинга. Психологический тренинг как инструментальное действие. – СПб.: Речь, М.: Смысл, 2002. – 80 с.
2. Ильина, Л. Н., Татаркина, Ю. Н. Социально-психологический тренинг. Учебное пособие /Алт. гос. Тех. ун-т им. И. И. Ползунова.– Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. – 120 с.
3. Кипнис, М. Тренинг коммуникации. – М.: Ось-89, 2004. – 128 с.
4. Управление персоналом: Учебник для вузов / Под редакцией Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. – 2 изд., перераб. и доп. – М: Юнити, 2002. – 560 с.

Н. А. ШУПТА, Ж. Б. СУЛЕЙМЕНОВА

**РАЗВИТИЕ SOFT SKILLS В КУРСЕ
«КОМАНДНАЯ РАБОТА И ЛИДЕРСТВО»
(THE DEVELOPMENT OF SOFT SKILLS IN THE
«TEAMWORK AND LEADERSHIP» COURSE)**

Аннотация. В статье описан опыт развития гибких/мягких навыков на занятиях в курсе «Командная работа и лидерство». Рассмотрено использование элементов социально-психологического тренинга в ходе учебного процесса в вузе. Изложены основные принципы и правила проведения социально-психологического тренинга, основы формирования атмосферы доверия и методы ее развития во время занятий. Описан опыт развития коммуникативных, лидерских, личностных и креативных навыков. Представлены наиболее эффективные упражнения, направленные на сплоченность, отработку командных ролей, командного взаимодействия.

Ключевые слова: командная работа, команда, мягкие навыки, лидерство, коммуникативные навыки, анализ, социально-психологический тренинг.

Abstract. The article describes the experience of developing soft/soft skills in the “Teamwork and Leadership” course. The use of elements of socio-psychological training during the educational process at a university is considered. The basic principles and rules for conducting socio-psychological training, the basics of creating an atmosphere of trust and methods for its development during classes are outlined. The experience of developing communication, leadership, personal and creative skills is described. The most effective exercises aimed at cohesion, practicing team roles, and team interaction are presented.

Keywords: teamwork, team, leadership, soft skills communication skills, analysis, socio-psychological training.

Развитие soft skills (гибких/мягких навыков) на занятиях в вузе играет важную роль в формировании профессиональной компетентности студентов. Как будущим специалистам, им важно уметь эффективно общаться и взаимодействовать с коллегами, клиентами и обществом в целом. Поэтому в курсе «Командная работа и лидерство» большое значение уделяется работе над развитием коммуникативных навыков, командообразования, лидерских качеств у студентов. Целью преподавания дисциплины является формирование у студентов системы знаний в области психологии лидерства, представлений о путях и средствах в достижении авторитета и осуществлении влияния в процессе решения различных задач управления и руководства, способностей осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде.

Теоретические занятия проводятся посредством различных методов обучения: лекция, проблемная лекция, лекция с заранее запланированными ошибками, самостоятельная работа с прохождением теста по теме. Практические занятия включают активные методы обучения и элементы социально-психологического тренинга.

Опирается курс на развитие четырех групп гибких навыков, представленных на рисунке 1.

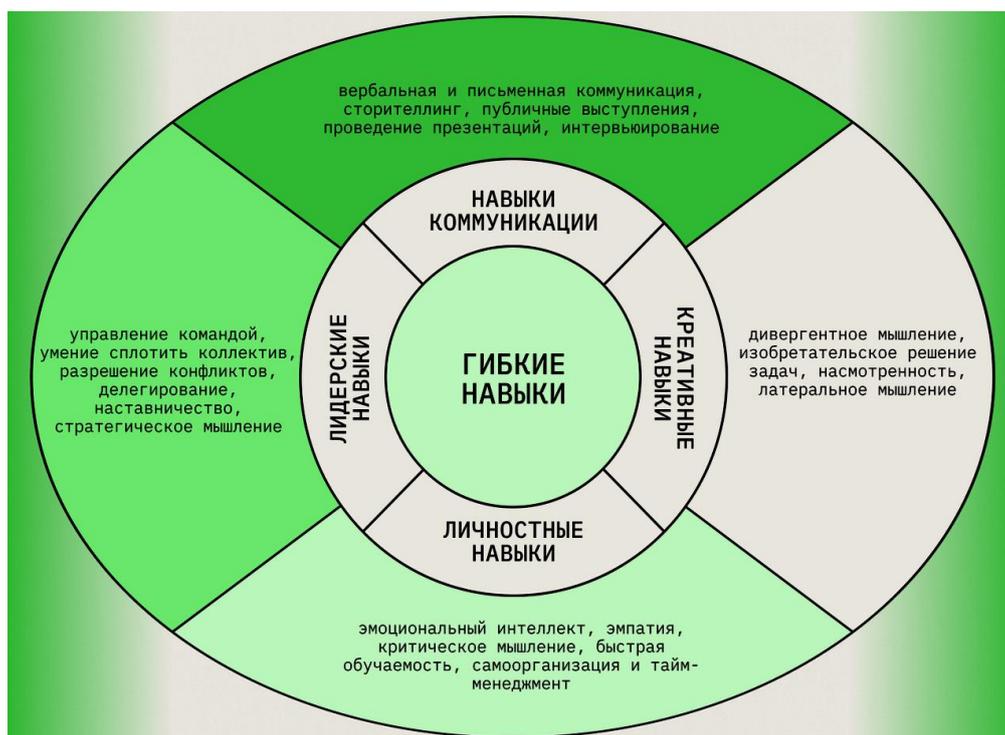

Рисунок 1 – Гибкие навыки

Проведение практических занятий начинается с установления контакта с участниками и создания доверительной атмосферы. Данные принципы являются основополагающими для проведения социально-психологического тренинга (СПТ). А так как занятия в курсе «Командная работа и лидерство» проходят с элементами тренинга, то основные принципы СПТ остаются неизменными. Данные принципы пришли в СПТ из психотерапии. Эта тема является одной из фундаментальных составляющих успешного терапевтического отношения, так как создание доверительной атмосферы позволяет клиенту почувствовать себя комфортно и безопасно, что в свою очередь способствует эффективному и продуктивному лечению.

Рассмотрим ключевые аспекты атмосферы доверия в психотерапии, включая ее основные составляющие и методы ее развития.

В психотерапии атмосфера доверия рассматривается как особое состояние психологической безопасности, когда клиент может чувствовать себя защищенным, понятым и принятым терапевтом. Она обеспечивает клиенту возможность безопасно и открыто делиться своими мыслями, эмоциями и проблемами, а также способствует развитию глубокого понимания и эмпатии.

Основными составляющими атмосферы доверия являются:

- Эмпатия: способность терапевта воспринимать и понимать эмоции и переживания клиента без суждений и критики. Эмпатия создает основу

для доверия, так как клиент чувствует, что его чувства и опыт полностью принимаются и понимаются.

- Безусловное принятие: терапевт должен выражать глубокое уважение и принятие к клиенту независимо от его эмоционального состояния, поведения или жизненных выборов. Это позволяет клиенту чувствовать себя принятым и ценным независимо от его проблем и ошибок.

- Аутентичность: терапевт должен осознавать и быть открытым в своих собственных чувствах и реакциях, что способствует развитию более искреннего и глубокого терапевтического отношения.

Методы развития атмосферы доверия:

- Установление ясных и конкретных рамок сотрудничества: терапевт должен четко объяснить клиенту правила и цели терапии, что помогает создать структуру и предсказуемость в работе. Это также способствует появлению чувства контроля над ситуацией и безопасности процесса.

- Активное слушание и подтверждение: терапевт должен постоянно подтверждать и подчеркивать свое обращение к клиенту, используя эмпатические высказывания и активное слушание. Это позволяет клиенту почувствовать, что его мысли и чувства полностью принимаются и уважаются.

- Открытость и непредвзятость: терапевт должен быть способен на принятие различных точек зрения и быть готовым к работе с различными личностями и проблемами. Открытость снижает барьеры для доверия и помогает клиенту чувствовать себя свободно и без страха осуждения.

Соблюдая все вышеперечисленные правила, которые сохраняются в технологии проведения СПТ, на педагога накладывается дополнительная роль тренера. Сложность процесса состоит в том, что в ходе занятий необходимо балансировать между этими двумя ролями.

Данная особенность хорошо описана исследователями Трушиной Н. Н. и Бояковой Е. Л. В своей работе авторы отмечают: «... сейчас сложно установить доверие не только между учителем и учеником, но и между различными детьми. В обществе слишком великие детали в образе жизни, а, следовательно, и в ценностях, установках, целях, качествах, надежности и т. д. Поэтому от педагога требуется большая отдача, большой личностный вклад в создание атмосферы безопасности» [3, с. 65].

Создавая атмосферу безопасности и доверия с помощью четко установленных правил и принципов работы педагогом, снижается напряженность и тревожность участников в ходе проведения занятий.

Созданная атмосфера и работа в команде представляет собой исключительную возможность для развития коммуникативных навыков. Совместная работа способствует активному обмену идеями, опытом и знаниями между ее участниками. Такая командная деятельность требует грамотного взаимодействия, эффективной коммуникации и умения слушать и слышать других. Студенты учатся воспринимать и уважать мнение других участников, совместно принимать решения и распределять задачи. Коммуникативные навыки играют ключевую роль в достижении общих целей

команды. Это включает в себя умение выразить свои мысли, идеи и предложения ясно и лаконично, а также умение анализировать и принимать во внимание точку зрения других участников команды. В результате студенты обретают навыки коллективного взаимодействия, доверия и сотрудничества, что является неотъемлемой частью успешной профессиональной деятельности.

Одним из главных преимуществ работы в команде является возможность практиковать эффективные стратегии коммуникации в реальном времени. Частые дискуссии, дебаты, взаимные обсуждения и коллективное принятие решений помогают развивать умение аргументировать свою точку зрения, противостоять аргументам собеседников, находить компромиссы и решать конфликты. Это способствует развитию навыков анализа информации, критического мышления и умению аргументировано строить свои рассуждения.

Кроме того, работа в команде способствует развитию умений слушать и слышать партнера, и рефлексивной практики. Участие в активных диалогах помогает осознать свои сильные и слабые стороны в области коммуникации. Такое осознание способствует личностному росту и позволяет улучшить свои навыки общения с людьми.

Помимо этого, командная работа позволяет избежать изоляции и одиночества, что может быть особенно важно в профессиональной среде. Работа в команде предоставляет возможность учиться на примере других членов команды, расширять кругозор и приобретать новый опыт.

В арсенале педагога должно быть большое разнообразие методов и упражнений, т.к. возраст, состав и настрой, уровень сплоченности группы определяет выбор инструментария. Ограничение по времени проведения занятия так же накладывает определенные требования к подбору упражнений. Упражнение должно быть завершено и сделаны выводы.

Например, для развития коммуникативных навыков хорошо использовать упражнения на знакомство, отработку разговорных умений, невербальной коммуникации и т.д.

Для развития креативных навыков нами используется метод мозгового штурма, или так называемый брейнсторминг. Например, задания на придумывание новых способов использования старых предметов или решение логических задач. Такие задания должны строго ограничиваться по времени. Хорошо проходит упражнение «Творческая жизнь», где участники, объединившись в команды по 4-5 человек, получают задание: сформулировать перечень рекомендаций, которые позволят «сделать более творческой собственную жизнь», и записать их. Перенос рассмотрения проблем из плоскости специально смоделированных ситуаций в область бытовых, каждодневных жизненных реалий. В конце упражнения обязательны обсуждение и рефлексия.

Ниже (в таблице 1) рассмотрим наиболее эффективные упражнения, положительно зарекомендовавшие себя при использовании в ходе практических занятий со студентами [1,2,4].

Таблица 1 – Упражнения для развития гибких навыков

Soft skills (мягкие/гибкие навыки)	Упражнения, направленные на развитие навыков
Навыки коммуникации	<p>Навыки вербальной коммуникации: «Правила нашей группы», «Интервью», «Снежный ком», «Презентация собеседника», «Нити дружбы», «Да и нет», упражнения на отработку открытых и закрытых вопросов, «Детективные истории», «Элиас», «Дебаты».</p> <p>Навыки невербальной коммуникации: «Рисование фигур», «Вавилонская башня». Задачи для разрешения конфликтных ситуаций.</p>
Креативные навыки	«Метод мозгового штурма», «Неожиданные связи», «Ассоциации», «Одна буква», «Творческая жизнь», «Шесть шляп», «Три дня в другой стране».
Личностные навыки	<p>«Качество, которое я больше всего ценю в людях», «Я никогда...», «Ладонка», «Спасибо», «Командные роли», «Общее у нас».</p> <p>Анализ и обсуждение результатов диагностических процедур: локус контроля Дж. Роттера, модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири (адаптация Л. Н. Собчик), командные роли Р. Белбина.</p>
Лидерские навыки	«Баронесса», «Остров», адаптированное упражнение «Два сердца», «Перекинь мяч», «Катастрофа на воздушном шаре».

Очень часто одно упражнение может быть направлено на развитие сразу несколько навыков. Например, каждый из команды предлагает свой вариант решения какой-либо поставленной задачи, а затем в ходе обсуждения команда должна прийти к единому решению. В таких упражнениях вариант голосования исключается, участники должны в ходе командной работы размышлять и суметь договориться друг с другом.

В целом, работа в команде является незаменимым средством для развития всех представленных групп навыков. Она требует от каждого участника умения эффективно общаться, налаживать контакты и прислушиваться к нуждам и мнениям остальных. Умение работать в коллективе не только помогает достичь желаемых результатов, но и способствует личностному развитию каждого участника команды.

Таким образом, развитие гибких навыков на занятиях в вузе способствует формированию у студентов способности эффективно взаимодей-

ствовать с другими людьми в профессиональной сфере в дальнейшем. Эти навыки необходимы для успешной карьеры и социальной адаптации выпускников в современном обществе.

Список литературы

1. Панфилова, А. П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / А. П. Панфилова. – 3-е издание, исправленное. – Москва: Издательство Академия, 2012. – 192 с.
2. Сидоренко, Е. В. Технологии создания тренинга: от замысла к результату / Е.В. Сидоренко. – СПб.: Сидоренко и Ко, 2015. – 128 с.
3. Трушина, Н. Н. Особенности развития доверия в педагогическом общении / Н. Н. Трушина, Е. Л. Боякова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2010. – Т. 3, № 1. – С. 64–72.
4. Штроо, В. А. Методы активного социально-психологического обучения: учебник и практикум для вузов / В. А. Штроо. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 277 с.

В. А. ЯРОВИКОВА, И. А. ПАНЧЕНКО

**ПРОГРАММА ЛОЯЛЬНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И. И. ПОЛЗУНОВА)
(LOYALTY PROGRAM AS A TOOL TO INCREASE THE
ATTRACTIVENESS OF THE UNIVERSITY FOR APPLICANTS [BY
THE EXAMPLE OF ALTAI STATE TECHNICAL UNIVERSITY
NAMED AFTER I. I. POLZUNOV])**

Аннотация. *В статье предлагается мотивационно-поощрительная программа для абитуриентов, разработанная на основе построения модели процесса потребительского поведения школьника при выборе университета, компаративного анализа информационных кампаний университетов Западной Сибири и пилотного опроса. Программа ориентирована на представление баллов ЕГЭ как ресурса, который способен расходовать абитуриент на ряд материальных и нематериальных стимулов от Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова.*

Ключевые слова: *ценности, абитуриенты, поступление в университет, продвижение университета, рынок образовательных услуг, мотивационная программа, рекламная кампания, единый государственный экзамен, высшие учебные заведения.*

Abstract. *The article proposes a motivational and incentive program for applicants, developed on the basis of building a model of the process of consumer behavior of a student when choosing a university, a comparative analysis of information campaigns of universities in Western Siberia and a pilot survey. The program is focused on presenting the USE points as a resource that the applicant is able to spend on a number of material and non-material incentives from the Altai State Technical University named after I. I. Polzunov.*

Keywords: *values, applicants, university admission, university promotion, educational services market, motivational program, advertising campaign, unified state exam, higher education institutions.*

В современных условиях повсеместного развития рынка образовательных услуг развивается в первую очередь культура потребительского поведения. Обширный и постоянно растущий спектр предложений позволяет современным абитуриентам руководствоваться наилучшей ценой, территориальной доступностью, технической оснащенностью и комфортом. Также стоит отметить, что и сам формат единого государственного экзамена позволяет сегодня школьникам направлять свои документы в ряд университетов за пределами домашней локации, тем самым не зависеть от фактора региональности. В этой связи высшие учебные заведения, нахо-

дятся в условиях регионального конкурентного рынка образовательных услуг, включаются также и в конкурентное противостояние на межрегиональном уровне. Не исключением является и Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (АлтГТУ), ежегодно реализующий планы по набору абитуриентов на программы подготовки высшего и средне-специального образовательных уровней.

В условиях приемной кампании 2022 г. АлтГТУ столкнулся с рядом вызовов, в том числе: рост контрольных цифр приёма, наличие аналогичных профилей на региональном рынке, а также существенный отток поступающих в соседние регионы, в том числе: Красноярский край, Новосибирская, Омская и Томская области.

Для решения вышеобозначенных задач авторы статьи обратились к разработке мотивационно-поощрительной программы абитуриентов, используя построение модели потребительского поведения школьника при выборе университета, компаративный анализ информационных кампаний университетов Западной Сибири, а также пилотный опрос.

Исследователи Ф. Котлер, Д. Энджел, П. Миниард, Р. Блаккуэл, Н. Рекхэм и Г. Ассэль в рамках процесса потребительского поведения выделили следующие этапы: осознание проблемы, поиск информации, оценка вариантов, принятие решения о совершении покупки, поведение после совершения покупки [1]. Следует полагать, что в условиях поступления в университет абитуриент также проходит выделенные этапы, учитывая соответствующие особенности рынка образовательных услуг, а именно: стратегическая направленность решения (выбор предмета для сдачи государственного экзамена предполагает длительную подготовку и является допокупкой, предварительным приобретением); участие в конкурсном отборе (высокая степень трудозатрат, влияющая на развитие мотива достижения, а также формирование избегающего поведения с четкой фиксированной установкой «Нужно поступить!»); четкое разграничение этапов «до» поступления и «после» поступления (интенсивная подготовка, переживание стресса в период сдачи экзаменов и приемной кампании в восприятии абитуриента находится на этапе «до» поступления, при этом успешное поступление позволяет перейти на следующий этап студенчества и прийти к самоидентификации личности как студента).

Таблица 1 – Модель потребительского поведения абитуриента

Этап поведения потребителя	Период	Особенности поведения
осознание проблемы	в период перехода школьника в 10 класс	необходимость предварительного выбора экзаменов для подготовки к сдаче ЕГЭ
поиск информации	вторая четверть 10 класс	ознакомление с профессиональными траекториями по степени дохода, личным интересам и востребованности профессии
оценка вариантов	первая четверть 11 класс	выбор ЕГЭ для сдачи экзамена, поиск предложений по доступности в соответствии с территориальным и материальным фактором
решение о покупке	получение результатов ЕГЭ	подача документов в приемные комиссии университетов и участие в общем конкурсе; постоянное ознакомление со списками и выбор варианта с высокой вероятностью поступления
поведение после покупки	выход приказа о зачислении	осознание себя студентом, знакомство с университетом и его сообществом, формирование ролевой модели студента университета

Представленные в таблице 1 данные наглядно свидетельствуют о том, что выбор университета и будущей образовательной траектории является длительным процессом и четко связан с образовательным циклом школьника, определяющего для себя необходимые предметы для сдачи единого государственного экзамена и постепенно формирующего представление о месте своего обучения [5, 6].

Проводя оценку кампаний по продвижению университетов Западной Сибири, отмечают следующие компоненты материальной и нематериальной стимуляции к окончательному принятию решения: работа с ценой

и материальными преимуществами (программа скидок в соответствии с баллами абитуриента); интенсивная программа информирования абитуриентов о наличии в университете большого числа бюджетных мест; нематериальное стимулирование (трансляция комфортных условий проживания и обучения).

Таблица 2 – Сравнение материальных и нематериальных предложений для абитуриентов университетами Западной Сибири [2, 3, 4]

	СФУ	АлтГУ	ТГУ
	Трансляция ценностей комплексной экосистемы университета и доступности дистанционного образования; дополнительные баллы при поступлении в университет за индивидуальные достижения; большое количество мест в общежитии; количество бюджетных мест	повсеместное присутствие в медийном поле региона (теле- и радиореклама, реклама «indoor» в торговых комплексах); наружная реклама в местах высокой проходимости; возможность прохождения стажировок в Европе и Азии; широкий спектр образовательных программ	Дополнительные баллы при поступлении за участие в конкурсных мероприятиях; присутствие в регионах РФ через выездные приемные комиссии
	бонусная программа «Университетская долина – 2022»; стипендия до 20 тыс. руб. в соответствии с результатами сдачи ЕГЭ; скидки поступающим на договорной основе; частичная компенсация стоимости проезда в Красноярск при наличии определенных баллов ЕГЭ; предоставление рассрочки для оплаты обучения; образовательный кредит – 3% годовых	стипендия победителям олимпиад до 30 тыс. руб.; стипендиальные поощрения в соответствии с количеством баллов и соблюдением ряда условий (аттестат с отличием, участие в профессиональных чемпионатах и т.д.)	Стипендия победителям и призерам олимпиад до 20 тыс. руб.

Н. – Нематериальные; М – Материальные; П – Предложения; Б – Сибирский Федеральный университет; В – Алтайский государственный университет; Г – Томский государственный университет.

В этой связи представляется необходимым выявление основных преимуществ, на которые обращают внимание абитуриенты при выборе вуза. Для выявления предварительных показателей в рамках приемной кампании 2022 г. было проведено пилотное исследование методом опроса 100 абитуриентов университета. Полученные данные позволяют судить о том, что при выборе университета 90% абитуриентов руководствуются баллами ЕГЭ; 85% поступающих считают, что выбор профессии характеризуется удачным трудоустройством после обучения; 80% считают важным условия проживания и доступность среды университета; 70% представляют университет как единую экосистему, и фактор связности, территориальной близости корпусов играет важную роль при выборе; 80% опрошенных подтверждают факт высокого уровня стресса при участии в конкурсе. При этом в ходе опроса удалось уточнить, что в среднем абитуриенты подавали документы в 4 университета, в том числе АлтГТУ. Для 89% опрошенных постоянное информирование со стороны вуза и снятие стресса при поступлении в период приемной кампании являлось приоритетным вопросом.

На основании вышеизложенного представляется возможным организовать удержание абитуриента и его мотивирование через предоставление возможности распоряжаться своим ресурсом – баллами ЕГЭ. Кроме того, АлтГТУ обладает рядом преимуществ: развитая система общежитий, централизованный кампус для прохождения обучения в одном месте, наличие спортивного манежа, плавательного бассейна, а также единственного в регионе военного учебного центра. Уложение всех ценностей возможно через разработку комплексной мотивационно-поощрительной программы, охватывающей как материальные, так и нематериальные способы стимуляции поступающих. При этом ядром программы должен явиться процесс расходования и конвертирования ресурса абитуриента (баллов ЕГЭ).

К примеру, поступающий с максимальными баллами (300) может обменять их на повышенную стипендию в размере 25 тыс. руб. или распределить в соответствии с нематериальными преимуществами, воспользовавшись конвертером баллов.

Существенное место занимает и вовлечение абитуриентов, заключающих договоры на платное обучение. Следует также указать на возможность распределения баллов. В случае с «платником» особое место играет стоимость обучения, следовательно, балл следует связать со снижением цены.

Таблица 3 – Модель мотивационно-стимулирующего пакетного предложения для абитуриента университета

Академическая траектория	
Сумма баллов	Размер стипендии
300	25 тыс. руб.
280	20 тыс. руб.
270	17 тыс. руб.

Окончание таблицы 3

220	8 тыс. руб.
210	6 тыс. руб.
200	3 тыс. руб.
Конструктор преимуществ	
180 б. ЕГЭ из общего кол-ва	приоритет при поступлении на военную кафедру
180 б. ЕГЭ из общего кол-ва	повышение академического рейтинга по итогам 1 сессии
150 б. ЕГЭ из общ. кол-ва	выбор комнаты в общежитии и приоритет при заселении
100 б. ЕГЭ из общ. кол-ва	годовой абонемент в бассейн АлтГТУ
100 б. ЕГЭ из общ. кол-ва	выбор дополнительных образовательных курсов: - 1С разработчик - графики и дизайна - сценического вокала и т.д.

Таблица 3.1 – Платное образование

Баллы	Сумма скидки за годовое обучение
200	- 10 %
170	- 7 %
150	- 5 %
Конструктор преимуществ такой же, как в предыдущих разделах	

Подводя итог, следует отметить, что в процессе поступления в университет абитуриент проходит все этапы потребительского поведения. В результате исследования выявлено, что среди ряда университетов Западной Сибири отсутствуют комплексные мотивационно-поощрительные предложения, позволяющие абитуриенту использовать свои баллы ЕГЭ как ресурс, через который можно включиться в процесс потребления материальных и нематериальных поощрений внутри университета. Усматривается, что разработка комплексной программы мотивации позволит существенно увеличить приток абитуриентов в Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова.

Список литературы

1. Тимохина, А. Г. Поведение потребителя: учеб. пособие: в 2 ч. / Г. С. Тимохина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во. Урал. гос. экон. ун-та, 2015. – 138 с.

2. Как поступить в ТГУ без экзаменов и получить 20 тыс. руб. стипендии [Электронный ресурс] // Приемная комиссия ТГУ: сайт. – URL: <https://abiturient.tsu.ru/ru/node/9550>.

3. АлтГУ продолжает поддержку одаренных студентов и гарантирует повышенные стипендии отличникам [Электронный ресурс] // Алтайский государственный университет: сайт. — URL: <https://www.asu.ru/news/events/44701/> 10.

4. Программа поддержки СФУ талантливых абитуриентов в 2022 году [Электронный ресурс] // Сибирский Федеральный университет: сайт. — URL: <https://admissions.sfu-kras.ru/scholarships#dolina>.

5. Калужский, М. Л. Маркетинг: учебник / М. Л. Калужский. – Изд. 2-е. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 218 с.

6. Психология личности. Теории личности зарубежных психологов: учеб.-метод. пособие / состав., подбор цитат, подготовка «ключевых понятий» и рис.-схем Л. В. Кавтун. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. – 107 с.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 81'276.6

В. Е. ГОРБУНОВ, Е. Ю. ПОЗДНЯКОВА

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ИНЖЕНЕРОВ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (PROFESSIONAL DISCOURSE OF SOFTWARE ENGINEERS)

Аннотация. В статье анализируется профессиональный дискурс специалистов, работающих в сфере информационных технологий и занимающихся разработкой программного обеспечения. Изучается вопрос о том, как использование профессиональной лексики влияет на восприятие и передачу информации, какие слова и выражения наиболее частотны в профессиональной коммуникации. Профессиональный дискурс инженеров программного обеспечения взаимосвязан с кругом решаемых ими задач, при этом знание профессионализмов помогает программистам быстро и незатрудненно обмениваться сложной информацией.

Ключевые слова: профессиональный жаргон, профессиональная лексика, профессиональный дискурс, информационные технологии, жаргонизмы.

Abstract. The professional discourse of specialists working in the field of information technologies and engaged in software development is under discussion in the article. The question of the influence of the professional vocabulary usage on the perception and transfer of information is being studied. The most frequent words and expressions used in professional communication are described. The professional discourse of software engineers is connected with the tasks they solve, while knowledge of professional vocabulary helps programmers to exchange complex information quickly and easily.

Keywords: professional jargon, professional vocabulary, professional discourse, information technologies, jargonisms.

Исследование профессионального дискурса и, в частности, такой его разновидности, как профессиональный дискурс программистов, является актуальным, поскольку в настоящее время он оказывает влияние на общий язык и приобретает все большую социальную значимость. Как отмечает Т. А. Кудинова, «ввиду все усиливающегося процесса компьютеризации всех сторон человеческой деятельности компьютерный жаргон делается социально активным, попадает в фокус социального внимания» [3, с. 26]. Как и другие разновидности национального языка, компьютерный жаргон подвергается дальнейшей дифференциации, связанной с социально-профессиональным расслоением. «Так, в качестве отдельной подсистемы можно выделить ИТ-сленг, который отличается от общего компьютерного жаргона более узким кругом использующих его людей и специфической лексикой, относящейся к разработке, поддержке и продаже новых интеллектуальных объектов» [4, с. 78].

Профессиональный дискурс программистов представляет собой процесс общения между специалистами на определенную профессиональную

тему, независимо от его формы и тональности, связанный с тематической направленностью «компьютерные технологии» [см. 2]. Можно привести наиболее интересные статьи, в которых описывается профессиональный дискурс программистов и изучается «самобытность» их речи, например, в статье С. Ю. Тюриной [см. 5] проанализированы особенности употребления слов *сеть, Интернет, веб, онлайн* и юмор «интернетчиков». В статье И. А. Верховых [см. 1] перечислены словообразовательные модели, популярные в области IT-технологий. Ю. С. Елагина рассматривает профессиональный дискурс программистов и останавливается на особенностях перевода профессионализмов на русский язык [см. 2].

Речь какой-либо профессиональной группы, в которой функционируют слова и выражения, свойственные только этой группе, называется жаргоном. Среди активно развивающихся видов жаргонов особо выделяют профессиональный жаргон (или специальный жаргон), позволяющий людям общаться между собой на специальные темы, связанные с профессией данной группы, лаконично, быстро и полно донося сложную информацию. Недостатком любого жаргона является ограничение круга собеседников, поскольку жаргонная лексика употребительна только в одной группе, за пределами которой она может быть не понятна. Профессиональная речь может показаться слушателю «порчей» языка, его «варварским» использованием, хотя во многих диалогах без профессионализмов передать быстро и понятно нужную информацию будет сложно.

Уникальность сферы информационных технологий состоит в том, что в настоящее время в ней заняты группы людей, обладающих не только высоким социальным статусом, но и составляющих наиболее прогрессивную и современную часть общества, которая во многом диктует речевую моду. Использование специальной лексики, в частности, профессионального жаргона, позволяет участникам общения оценить как компетенции человека в навыках социальной коммуникации (качество речи, её точность), так и определить уровень его профессиональных знаний. Компетентный специалист с легкостью оперирует множеством специальных терминов и соответствующих им понятий.

Следует также отметить тенденцию к заимствованию терминов из английского языка, поскольку современная специальная лексика IT-технологий чаще всего образуется путем заимствования и осваивания английских слов и выражений. Владение английским языком в данной сфере можно назвать одной из профессиональных компетенций, так как англоязычные страны являются несомненными лидерами в развитии IT-технологий. Умение читать техническую литературу на английском языке, без затруднений переводить информацию с Интернет-сайтов безусловно помогает достижению успеха в данной области. Кроме того, знание иностранного языка способствует расширению границ сознания, улучшает способность мыслить и рассуждать.

В сфере информационных технологий можно выделить несколько своеобразных направлений, в которых существуют свои профессиональ-

ные группы: *гейм-дизайнеры, тестировщики, системные администраторы, программисты, специалисты в сфере информационной безопасности* и многие другие.

Наиболее представительной группой является группа программистов, включающая в себя специалистов разного рода, например, такие профессиональные группы как: *фронтенд* (от англ. «frontend» – передний план) и *бэкенд* (от англ. «backend» – задний план) разработчики; среди них встречаются *тимлиды* (от англ. «teamlead» – лидер команды), и те части других групп, в которых специалисты занимаются непосредственно программированием.

Рассмотрим некоторые особенности речи инженеров программного обеспечения (ПО). Профессиональный дискурс инженеров ПО связан с кругом решаемых ими задач, при этом речь разных команд программистов и даже одного состава команды в разные периоды времени при разработке разных проектов будет сильно отличаться. Потребность в профессионализмах появляется уже на первой стадии создания продукта, когда ведутся наиболее объемные споры – на стадии проектирования.

Обсуждение и создание архитектуры ПО сопряжено со множественными дискуссиями и обсуждениями, неотъемлемой частью которых является профессиональный жаргон. Например, употребительны такие слова как *наблюдатель, команда, итератор, компоновщик, фасад, одиночка, мост*, а также их английские эквиваленты. Данные термины всегда сопровождаются названиями классов, переменных и другими профессиональными понятиями, например, такими как *слабая / сильная связанность классов* (от англ. «low / high coupling of classes»), *интерфейс* (от англ. «interface») или *абстракция* (от англ. «abstract») и т. д.

Опираясь на все вышесказанное, можно сделать вывод о зависимости компетенций специалистов в области ИТ-технологий от знания профессиональной лексики. Профессиональный дискурс инженеров ПО коррелирует с кругом решаемых ими задач, при этом знание профессионализмов помогает программистам быстро и незатрудненно обмениваться сложной информацией. Отбор лексики диктуется целями ведения диалога, причем с ростом компетенции специалиста растет и потребность в использовании специальных слов. Жаргон программистов во многом определяется разрабатываемыми ими проектами и зачастую связан с особенностями состава участников проекта или команды. Одним из основных источников пополнения жаргонной лексики в данной области является английский язык. Специалисты сферы ИТ активно используют английские заимствования, употребление которых не только говорит о профессиональных знаниях программиста, но и свидетельствует о высоком уровне владения английским языком.

Список литературы

1. Верховых, И. А. Словообразовательный анализ русского профессионального жаргона специалистов в области IT-технологий // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2019. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnyy-analiz-russkogo-professionalnogo-zhargona-spetsialistov-v-oblasti-it-tehnologiy> (дата обращения: 25.01.2024).
2. Елагина, Ю. С. Специфика перевода терминов и профессионализмов в контексте профессионального дискурса программистов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – №7 (195). – С. 50–54. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-perevoda-terminov-i-professionalizmov-v-kontekste-professionalnogo-diskursa-programmistov> (дата обращения: 25.01.2024).
3. Кудинова, Т. А. Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации. Автореф. дисс...докт. филол. наук. – Нальчик, 2011. – 44 с.
4. Пчелкин, А. С., Паульс, М. Е., Позднякова, Е. Ю. Необходимый запас сленговых слов для начинающего IT-специалиста // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход – 2021: материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 25 июня 2021 года. – Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, 2021. – С. 78–80.
5. Тюрина, С. Ю. О языке и юморе «программеров». Лингвистический аспект компьютерного сленга // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2005. – Вып. 4. – С. 16–20.

В. В. КУЗНЕЦОВА, Е. Ю. ПОЗДНЯКОВА

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (VERBAL AGGRESSION IN INTERNET COMMUNICATION)

Аннотация. *Статья посвящена описанию явления речевой агрессии в современной интернет-коммуникации. Под речевой агрессией понимается использование в процессе общения языковых средств, не соответствующих принятым в обществе этическим нормам коммуникации, направленных на дискредитацию собеседника. Среди наиболее распространенных видов агрессивного поведения в сети «Интернет» рассмотрены «Интернет-троллинг», «флейминг», «хейтинг», «киберсталкинг» и «кибербуллинг».*

Ключевые слова: *интернет, коммуникация, социальные сети, речевая агрессия, оскорбление, интернет-комментарии.*

Abstract. *In the article the phenomenon of verbal aggression in contemporary Internet communication is under discussion. Verbal aggression is defined as the using of linguistic means that do not correspond to the ethical norms of communication accepted in society, aimed at discrediting a communicator. The most frequently used types of aggressive behavior in Internet communication are “Internet-trolling”, “flaming”, “hating”, “cyberstalking” and “cyber bullying”.*

Keywords: *Internet, communication, social networks, verbal aggression, insult, Internet comments.*

Развивающиеся информационные технологии явились причиной формирования нового информационного общества. Общение в сети «Интернет» приобрело массовый характер, охватило огромное количество людей по всему миру, способствовало возникновению виртуальных сред общения и виртуальных сообществ. Быстрое развитие и всеобщее распространение информационных технологий становится условием для появления нового «мира» – «мира виртуального общения, компьютерного взаимодействия между людьми, опосредованной коммуникации – мира интернет-дискурса» [2, с. 128]. Изучение особенностей языка Интернет-коммуникации и в целом интернет-дискурса является одной из актуальнейших проблем современной лингвистики. Однако новая виртуальная сфера общения может оказывать и отрицательное влияние на пользователей сети. В числе негативных последствий могут быть отмечены агрессивные и вульгарные комментарии, оскорбительные оценки, угрожающие и запугивающие сообщения.

Среди молодых людей, которые составляют большинство активных пользователей Интернета, частым явлением стала речевая агрессия в сети, которая влечёт за собой негативные последствия не только в виртуальном, но и в реальном мире. «Нормой поведения в Интернете становится неприкрытая грубость, жаргонизация и инвективизация речи, навешивание на собеседника оскорбительных ярлыков и др.» [4, с. 35]. Термин «речевая (языковая, вербальная) агрессия» подразумевает появление при общении

вербальных средств, несоответствующих принятым в обществе нормам коммуникации, нередко направленных на дискредитацию собеседника. Агрессивное речевое поведение проявляется в негативном отношении к кому-либо или чему-либо, обычно без видимых причин, в отрицании чужой точки зрения и в активном продвижении собственного мнения. В целом, такая форма общения вызывает у собеседника опасения, является барьером при реализации основных задач эффективного общения, нарушает этические нормы, усложняет информационный обмен, препятствует полноценному восприятию сообщения и его адекватному пониманию.

Среди наиболее часто встречающихся видов агрессивного поведения в сети «Интернет» выделяют **«Интернет-троллинг»**, **«флейминг»**, **«хейтинг»**, **«киберсталкинг»** и **«кибербуллинг»**.

1. **Флейминг** определяется как вербальная агрессивная реакция, вызванная сообщением собеседника, нарушающая принципы конструктивной дискуссии. И. В. Васенина и Г. Б. Прончев утверждают, что «люди, которые в реальной действительности никогда не смогли бы позволить себе такое вербальное взаимодействие, в сети считают себя героями, манифестирующими свободное общение» [1, с. 172]. По словам ученых, эффективных способов нейтрализации флейминга не существует.

2. Самым популярным видом агрессии в сети является **«Интернет-троллинг»**, который проявляется в издевательстве и провокационных высказываниях, цель которых – повысить публичность и уровень эпатажа некоторых пользователей, чаще всего использующих фейковые аккаунты и никнеймы (ники) – прозвища, позволяющие избежать личного выяснения отношений в реальной жизни. Примерами троллинга служат использование клеветы, обмана, призывы к деструктивным действиям, указание на непрофессионализм. Название термина пришло из скандинавской мифологии, где существовали персонажи – тролли, причиняющие вред окружающим [см. 3].

В одной из самых распространенных социальных сетей «ВКонтакте» можно увидеть большое количество негативных комментариев, например: *«слышь ты тупой научись сначала говорить, потом пиши это на всеобщее обозрение»* (орфография и пунктуация автора сохранены). В данном примере автор использует Интернет-троллинг с целью указать человеку на ошибку и вызвать чувство стыда за свои действия.

Подобное поведение проявляется не только в комментариях, но и в сообщениях этой социальной сети, например: *«пацан ты проблем хочешь?? лучше их не ищи, этой мой тебе совет, ибо будем тебя по фотке выципать»* (орфография и пунктуация автора сохранены).

3. Под **хейтингом** понимают негативные комментарии и сообщения, содержащие иррациональную критику в адрес конкретного человека или явления, часто без обоснования своей позиции.

4. **Киберсталкинг** представляет собой использование электронных средств для преследования жертвы через повторяющиеся сообщения, вызывающие тревогу и раздражение.

5. **Кибербуллинг** проявляется в агрессивных, умышленных, продолжительных по времени действиях, совершаемых группой лиц или одним лицом с использованием электронных средств коммуникации и повторяющиеся неоднократно в отношении жертвы, которой сложно себя защитить.

Виды агрессии в сети «Интернет» представлены на рисунке 1.

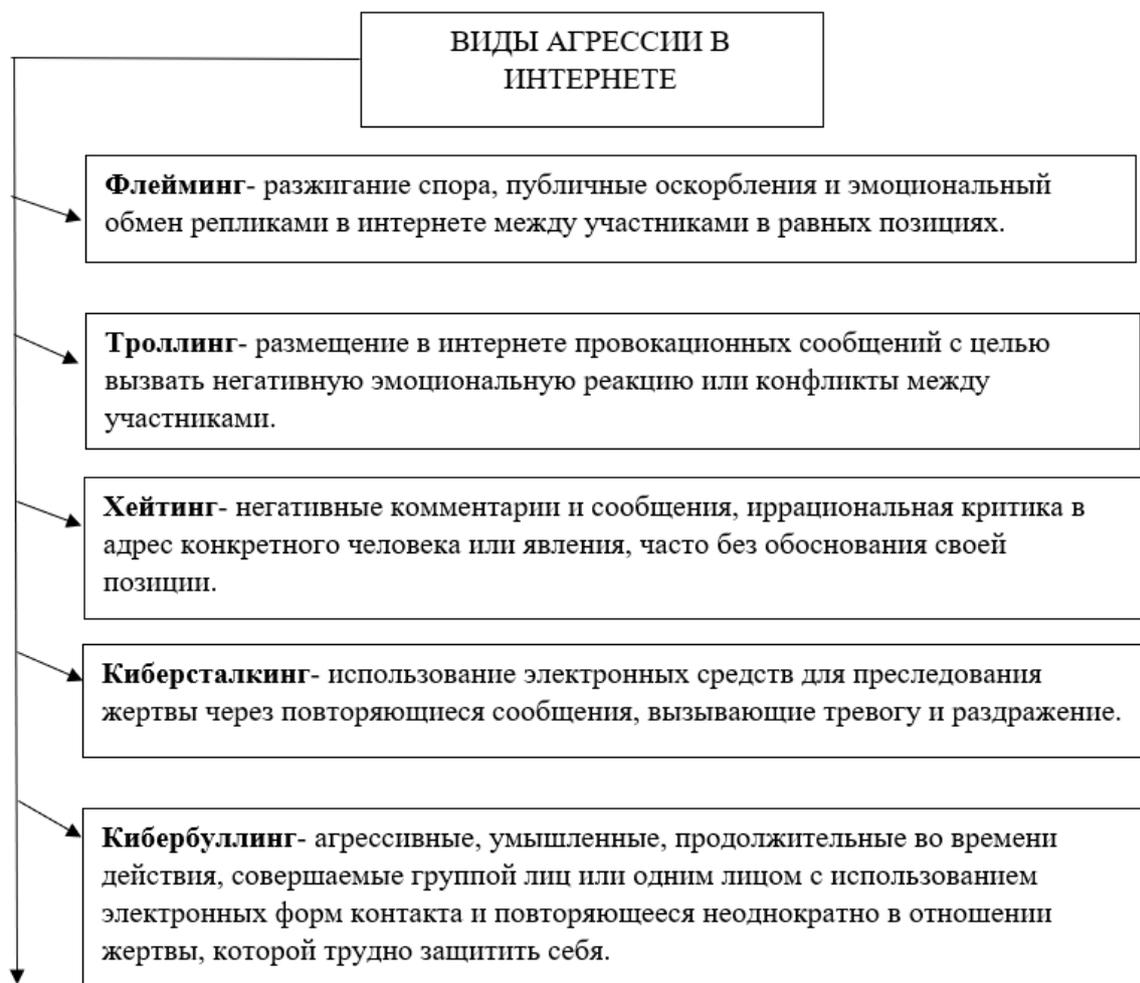

Рисунок 1 – Виды агрессии в сети «Интернет»

Интернет очень популярен в наши дни, и отказаться от общения в сети сложно, поскольку оно стало частью нашей повседневной жизни. Для защиты от агрессивных комментаторов разработаны специальные рекомендации, которые являются частью формирующейся в настоящее время цифровой этики.

Прежде всего, следует понимать, что любая коммуникационная площадка – это отдельный коллектив. Важно знать и выявлять лидеров, так как все, что происходит в виртуальном мире, перекликается с нашим реальным существованием. Необходим контроль высказываний и поступков, умение предугадывать реакцию на свои действия и слова. В качестве спо-

способов защиты от психологического давления можно перечислить следующие:

- первый заключается в ограничении потока информации, вызывающей дискомфорт, это могут быть новости, посты в социальных сетях, реклама;

- второй способ предполагает работу с собственными психологическими установками, провоцирующими возникновение негативных эмоций или реакций на чужое мнение или поведение;

- третий состоит в том, что при затруднениях в нейтрализации агрессии в сети следует искать поддержку и помощь других людей.

Правила безопасного поведения в сети «Интернет»:

- не публиковать информацию, которая в будущем может скомпрометировать Вас или Ваших знакомых;

- рассказывать родным, если у Вас есть страхи, связанные с Интернетом;

- не встречаться в реальной жизни с людьми, с которыми познакомились в сети;

- сообщить родным, если друзья из Интернета настаивают на встрече;

- не поддаваться на заманчивые предложения в Интернете;

- не переходить по ссылкам в сообщениях от незнакомых адресатов;

- не открывать спам-сообщения;

- не оставлять в публичном доступе и не отправлять незнакомцам при общении с ними свою контактную информацию или банковские данные.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что агрессивное поведение в сети «Интернет» – довольно распространенное явление. Одной из основных причин речевой агрессии является анонимность. В процессе контактного общения без использования мессенджеров или сети сложно спорить с человеком, доказывать ему свою точку зрения с помощью языковых средств, кроме того, подобное поведение в обычной коммуникации может привести к серьезному конфликту. В социальных сетях у общающихся возникает ощущение безнаказанности и возможности избежать проблем даже при общении в грубой и оскорбительной форме. Существуют различные виды речевой агрессии в сети, однако все их объединяет враждебность, пренебрежение нормами этического общения, направленность на дискредитацию, оскорбление и унижение собеседника. Основные рекомендации по эффективной и безопасной коммуникации в Интернете можно свести к соблюдению этических норм, сохранению конфиденциальности личной информации и разграничению реального и виртуального общения.

Список литературы

1. Васенина, И. В., Прончев, Г. Б. Речевая агрессия в социальных сетях Интернета // Образование и право. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-agressiya-v-sotsialnyh-setyah-interneta> (дата обращения: 16.01.2024).

2. Патрушева, Л. С. Функционально-стилистические особенности форума как жанра интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2013. – Вып. 4. – С. 128–134. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalno-stilisticheskie-osobennosti-foruma-kak-zhanra-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 19.01.2024).

3. Синельникова, Л. Р. Сетевой троллинг: попытка системного описания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – №40. – С. 17–27.

4. Смирнов, П. Ю. Языковые средства выражения речевой агрессии в интернет-коммуникации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2017. – №14 (263). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/language-means-of-hostile-rhetoric-expressions-in-the-comminications-networking> (дата обращения: 16.01.2024).

М. А. ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ, Е. С. СТЕПАНОВА, Ю. Н. ТАТАРКИНА

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА
СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
(THE STUDY OF THE LEVEL OF EMOTIONAL INTELLIGENCE
AMONG STUDENTS OF A TECHNICAL SPECIALTY)

Аннотация. В данной статье приведены результаты исследования, отражающие уровень развития эмоционального интеллекта в рамках группы студентов строительного направления. Дана оценка актуальности развития эмоционального интеллекта в процессе осуществления профессиональной деятельности. По результатам оценки данных опроса-исследования даны рекомендации для повышения различных аспектов эмоционального интеллекта, а также упражнения, помогающие современному студенту выработать ряд навыков, способствующих развитию и контролю эмоциональной сферы.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, тест Холла, эмоциональная лабильность, эмпатия, управление эмоциями, умение влиять на эмоции других, самомотивация.

Abstract. This article presents the results of a study reflecting the level of development of emotional intelligence within a group of students in the construction field. The assessment of the relevance of the development of emotional intelligence in the process of professional activity is given. Based on the results of the evaluation of the survey research, recommendations are given to improve various aspects of emotional intelligence, as well as exercises that help a modern student develop a number of skills that contribute to the development and control of the emotional sphere.

Keywords: emotional intelligence, Hall's test, emotional lability, empathy, emotion management, the ability to influence the emotions of others, self-motivation.

На смену модному когда-то и распространенному, особенно в зарубежных исследованиях, интересу к коэффициенту интеллекта (IQ) и его роли в жизнедеятельности человека пришел обоснованный интерес к другому виду интеллекта – эмоциональному интеллекту (EQ). В XXI веке ученые доказали высокую корреляцию жизненного успеха личности именно с его эмоциональным интеллектом (EQ). Живя насыщенной социальной жизнью, каждый человек изо дня в день в межличностном общении и в профессиональной деятельности сталкивается с необходимостью управления своими эмоциями, регулирования собственного состояния, в зависимости от возникающей проблемной ситуации. Для более эффективного взаимодействия в социуме человеку необходимо также уметь распознавать чужие эмоции и должным образом реагировать на изменения эмоционального состояния окружающих его людей.

Для специалистов, чья деятельность относится к типу «человек-человек», эмоциональный интеллект, несомненно, является важнейшим аспектом успешной работы. Уровень эмоционального саморегулирования у врачей, учителей и других социальных работников напрямую связан с

уровнем профессионального выгорания [1, с. 8]. Выявлено, что низкий эмоциональный интеллект влияет на патологические черты психики, вплоть до вероятности развития психических заболеваний, а также неадекватные эмоции могут переходить в психосоматику.

Ознакомившись с многочисленными исследованиями эмоционального интеллекта, мы пришли к необходимости выделить следующие критерии, по которым можно определить уровень EQ: диагностика и управление собственным эмоциональным состоянием и идентификация чужих эмоций, способность должным образом на них реагировать и комфортно взаимодействовать в социуме [1, с. 11].

Иными словами, уровень эмоционального интеллекта можно интерпретировать как владение человеком эмоциональным менеджментом – способностью осознавать, принимать и контролировать свои и чужие эмоции. Среди компонентов EQ принято выделять самосознание, саморегулирование, социальные навыки, эмпатию, мотивацию. Эмоциональный интеллект, как аспект межличностной коммуникации, определяет способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза [2, с. 6]. То есть, EQ все же связан с IQ, но является более глубоким навыком, требующим владения тонкими механизмами психики, а также невербальной коммуникацией. Эмоциональная сфера человека контролируется лимбической нервной системой, относящейся к подсознательной, неконтролируемой части центральной нервной системы. Эмоциональный интеллект – синтез разума, знаний и чувств.

Прежде чем приступить к какому-либо исследованию, необходимо определиться с методикой, согласно которой будет происходить оценка измеряемого параметра. Принципы оценки эмоционального интеллекта разительно отличаются от принципов оценки коэффициента интеллекта (IQ). Диагностика IQ направлена на оценку когнитивных способностей человека, как правило, стационарных в течение жизни. Главное условие теста IQ – отсутствие привязки к конкретным областям знаний, а направленность на определение способностей к обучению, рассуждению и анализу поступающей информации. В свою очередь эмоциональный интеллект – вещь более трудноизмеримая, так как подбор критериев, по которым можно было бы однозначно и непредвзято оценить уровень эмоциональной зрелости человека, достаточно затруднителен.

Если для тестирования IQ разработаны унифицированные методики с однозначно правильными ответами, то качественная оценка EQ проводится с применением сразу трех подходов. Эти подходы – самоотчет (самооценка), отчеты других и оценка способностей – являются самостоятельными диагностическими методиками, с разработанными шкалами и анкетами, однако ни одна из методик не лишена своих недостатков.

Самоотчет – тест, выполняемый человеком самостоятельно. Респондент сам оценивает уровень своего эмоционального интеллекта, анализируя предложенные в анкете варианты ответов и выбирая подходящий. Не-

достаток метода – субъективность оценки. Участники, осознающие предпочтительность того или иного варианта ответа, заранее будут фальсифицировать социально значимые ответы и демонстрировать высокий уровень эмоционального интеллекта. Однако такая ситуация возникает в том случае, когда испытуемым известно, что иное заинтересованное лицо будет иметь доступ к их результатам. Если речь идет о самодиагностике, как элементе саморазвития личности, вероятность искусственного завышения результатов, как правило, мала.

Оценка других – методика, анализируемая специалистами на основе оценки испытуемого другими людьми. Недостаток подхода заключается в очевидной субъективной оценке человека, основанной лишь на образе той социальной модели, которую он выстраивает при взаимодействии в определенном обществе. Рейтинг наблюдателей представляет ценную информацию о том, как одни воспринимают другого, но не дает достоверного результата об уровне EQ испытуемого.

Тестирование способностей является наиболее надежной формой оценки навыков, позволяющей понять, насколько хорошо человек понимает свои эмоции и «управляет» ими. В отличие от тестов, предлагающих варианты ответов, в проверке способностей испытуемому предлагается дать ответ, который он считает правильным, и аргументировать его.

В качестве инструмента самодиагностики EQ был выбран тест Холла на определение уровня эмоционального интеллекта (УЭИ). Объектом исследования были выбраны студенты группы СУЗ-01 строительного факультета Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова. Выборка составила 18 человек в возрасте от 20 до 23 лет. Группа обучается на 4 курсе, и студенты находятся на пороге взрослой самостоятельной жизни. Соответственно, определение уровня их эмоциональной зрелости является необходимой и актуальной задачей. Тест был полностью анонимным для того, чтобы респонденты могли отвечать максимально искренне и не были зажаты в рамки.

Стоит отметить, что на сегодняшний день, тест американского психолога Николаса Холла является одной из самых распространенных методик для определения УЭИ [2, с. 62]. Этот тест позволяет оценить эмоциональный интеллект по нескольким аспектам:

1. Эмоциональная осведомленность.
2. Управление эмоциями.
3. Умение влиять на эмоции других людей.
4. Эмпатия.
5. Самомотивация.

Опросник состоит из 30 утверждений, ответить на которые можно, выбрав один из шести вариантов ответа:

- полностью не согласен (–3 балла);
- в основном не согласен (–2 балла);
- отчасти не согласен (–1 балл);
- отчасти согласен (+1 балл);

- в основном согласен (+2 балла);
- полностью согласен (+3 балла).

Каждой шкале соответствуют свои номера утверждений [2, с. 65]. Для получения результата, необходимо подсчитать сумму баллов с учетом знака ответа (+ или -).

При анализе теста выделяют следующие уровни парциального (отдельного по каждой шкале) эмоционального интеллекта в соответствии с полученным результатом:

- 14 и более – высокий эмоциональный интеллект;
- 8-13 – средний эмоциональный интеллект;
- 7 и менее – низкий эмоциональный интеллект.

Интегративный (сумма по всем шкалам) уровень эмоционального интеллекта с учетом доминирующего знака определяется по следующим количественным показателям:

- 70 и более – высокий эмоциональный интеллект;
- 40-69 – средний эмоциональный интеллект;
- 39 и менее – низкий эмоциональный интеллект.

Первый параметр оценки – эмоциональная осведомленность (Рисунок 1). Данный параметр отвечает за то, насколько человек понимает те эмоции, которые он испытывает и их причины. Можно логически предположить, что, чем выше уровень эмоциональной осведомленности, тем лучше человек понимает свое внутреннее состояние.

Эмоциональная осведомленность

■ низкий уровень ■ средний уровень ■ высокий уровень

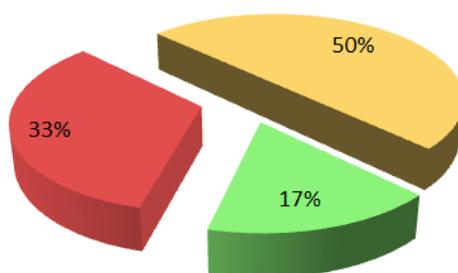

Рисунок 1 – Диаграмма эмоциональной осведомленности респондентов

В результате по данному аспекту (Рисунок 1) прослеживается следующая тенденция: половина группы, то есть 9 человек, находится на среднем уровне по этому параметру, 3 человека - на высоком и 6 - на низком уровне. Если смотреть на показатели группы в целом, можно сделать вывод, что большинство студентов осознают свои истинные чувства и, предположительно, это осознание помогает им лучше управлять своей жизнью.

Человек со средним уровнем эмоциональной осознанности может успешно строить и сохранять гармоничные отношения с другими людьми, основанные на таких ценностях, как уважение, понимание и поддержка. Он способен открыто и честно делиться своими переживаниями и идеями, а также воспринимать и понимать взгляды и чувства окружающих. Студентам старших курсов, которым предстоит в ближайшие годы окунуться в профессию, столкнуться с рабочим процессом, в котором могут часто возникать неприятные ситуации при общении с руководством, коллегами или с клиентами, этот навык осознавать свои эмоции может стать очень необходимым. В целом по группе этот показатель стабильный и нормальный, некоторым респондентам стоит поработать над собой, попробовать различные практики и тренинги для повышения уровня рассматриваемого показателя.

Следующим аспектом, который рассматривался в рамках теста, было управление своими эмоциями (Рисунок 2). Он тесно связан с уровнем эмоциональной осведомленности и является ее следствием.

Рисунок 2 - Диаграмма уровня управления эмоциями респондентами

Этот показатель включает в себя способность человека управлять своими эмоциями и уменьшать негативные последствия их проявления, например, умение быстро успокаиваться, проявлять гибкость и так далее. Из диаграммы видно, что 61% респондентов, хоть и осознают свои эмоции, но не очень хорошо умеют управлять ими. Это можно объяснить возрастом студентов: респонденты находятся на этапе поиска и становления себя, их личность еще находится в процессе формирования. Если предыдущий аспект больше относился к пассивным показателям, этот скорее описывает активные действия. Поэтому навык контролирования своих эмоций необходимо нарабатывать.

Диаграмма умения распознавать эмоции других людей и влиять на них (Рисунок 3). Эта способность включает в себя управление чувствами

других людей, использование их эмоций для достижения личных или корпоративных целей и т.д.

Распознавание эмоций других людей

■ низкий уровень ■ средний уровень ■ высокий уровень

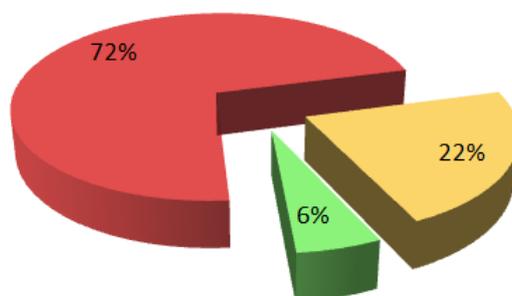

Рисунок 3 - Диаграмма уровня распознавания эмоций других людей респондентами

На представленной диаграмме среднегрупповой показатель еще ниже: всего лишь один человек назвал свой уровень по распознаванию эмоций других людей высоким. Это может означать то, что студенты, вероятно в силу своего возраста, не получили достаточно опыта общения с людьми, не научились считывать по невербальным и вербальным сигналам нужную и важную информацию. Эта информация может помочь им в будущем лучше понимать эмоции окружающих их людей и выбирать оптимальные поведенческие стратегии при общении с клиентами, коллегами и руководством. Только 28% (суммарно высокий и средний уровень) готовы признаться себе, что хорошо справляются с распознаванием эмоций других людей.

Близкой к предыдущему фактору оценки УЭИ является эмпатия (Рисунок 4) . Это способность понимать и разделять чувства других людей, а также умение оказывать им поддержку. Эмпаты могут чувствовать настроение окружающих, понимать их переживания и предлагать свою помощь в сложных ситуациях. Обладая высокой толерантностью, они также могут помогать в разрешении конфликтов, поскольку способны видеть разные точки зрения и находить компромиссы.

Эмпатия

■ низкий уровень ■ средний уровень ■ высокий уровень

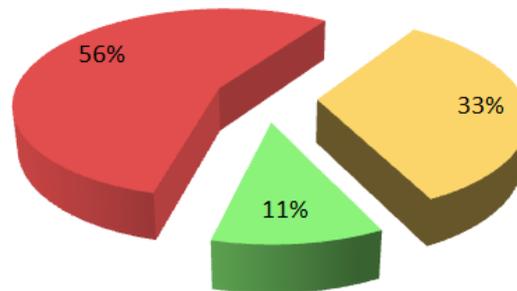

Рисунок 4 - Диаграмма уровня эмпатии респондентов

Результаты опроса в области эмпатии получились следующими: 10 человек обладают низким уровнем, 6 - средним и 2 - высоким. Эмпатия очень важна для людей, в особенности для взаимоотношений в рамках коллектива. Эмпатия помогает людям доверять друг другу, сопереживать и поддерживать. Так как больше половины опрошенных студентов (56%) имеют низкий уровень эмпатии, то мы можем констатировать, что ценности гуманизма и коллективизма у современной молодежи по сравнению с советскими временами резко упали в цене, и это печально.

И последний аспект – самомотивация (Рисунок 5). Это процесс, с помощью которого люди ставят цели и добиваются их осуществления, несмотря на возникающие сложности и препятствия. Процесс самомотивации включает в себя определение целей, разработку плана действий, преодоление возникающих трудностей и оценку достигнутых результатов. Люди, обладающие высокой мотивацией, обычно имеют высокую самооценку, уверены в своих способностях и настойчивы в стремлении к достижению своих целей.

Самомотивация

■ низкий уровень ■ средний уровень ■ высокий уровень

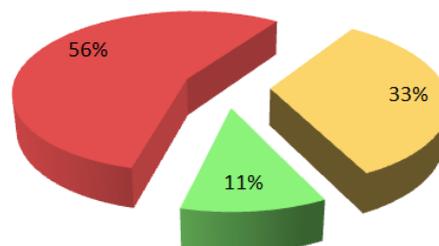

Рисунок 5 - Диаграмма уровня самомотивации респондентов

На диаграмме видно, что большинство студентов пока что имеют недостаточный уровень самомотивации. Такой показатель мог получиться в основном из-за нехватки опыта и навыков. Для студентов, особенно старших выпускных курсов, очень важно настраивать себя на высокие, пусть даже кажущиеся труднодостижимыми, цели. Этот навык позволит человеку не зависеть от поддержки других людей, быть самодостаточным и быстрее достигать более высоких результатов. Самомотивированный человек более эффективен и результативен, так как он знает, что ему нужно делать и как этого достичь. Как показал наш опрос, только 44% респондентов верят в себя и в свои возможности самостоятельно руководить своей жизнью. Возможно, малый опыт побед над трудностями жизни не дает большинству студентов поверить в свои силы, но этому придется учиться.

После оценки отдельных параметров УЭИ был подведен итог по так называемому интегративному уровню эмоционального интеллекта (Рисунок 6).

Интегративный уровень эмоционального интеллекта

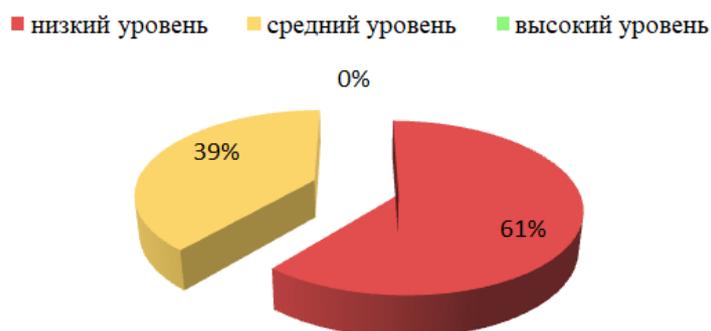

Рисунок 6 - Диаграмма интегративного уровня эмоционального интеллекта респондентов

Общая картина уровня эмоционального интеллекта складывается следующим образом: 11 человек имеют низкий УЭИ, и 7 человек – средний. Ни один опрошенный не обладает высоким уровнем EQ. Из всех респондентов только один человек набрал 64 балла, что близко к интервалу высокого уровня, однако при этом другой респондент набрал 45 баллов по шкале ниже 0 (-45 баллов), что является крайне низким показателем. Такая статистика показывает, что студенты выбранной группы на данный момент не совсем готовы к грамотному и спокойному общению с людьми, что может приводить к конфликтам.

Подведя итог исследовательского среза группы, можно отметить, что подавляющее большинство студентов (более 50%) обладают низким уровнем эмоционального интеллекта на основе самодиагностики по тесту Холла. Следует отметить, что наша рабочая гипотеза о том, что большинство респондентов обладают средним уровнем эмоционального интеллекта

та, не подтвердилась. Возможно, это объясняется малой выборкой одной группы из 18 человек. Любопытно в будущем провести такое исследование еще в нескольких группах и сделать сравнительный анализ. Этот тест дает возможность увидеть общую картину по данной теме и выявить проблемные зоны. Однако отрицательный результат исследования – это тоже результат.

Студенты данной группы 4 курса стоят на пороге самостоятельной профессиональной деятельности, это завтрашние специалисты, которым необходимы не только профессиональные навыки, но и навыки коммуникативной компетентности, являющейся ядром эмоционального интеллекта. Так как большинство респондентов не дотягивает даже до среднего уровня EQ, мы предложили им обратить внимание на уровень их эмоционального развития и проработать наиболее проблемные аспекты. Улучшить уровень собственного эмоционального интеллекта можно с помощью аутотренингов, направленных на анализ собственных эмоций и попытки их регулирования.

Наши рекомендации после анализа результатов данного мини-исследования сводятся к следующему.

1. Повысить эмоциональную осведомленность (как о своих, так и о чужих эмоциях) можно через распознавание физических признаков эмоционального состояния, расширение эмоционального словаря, акцентирование на особенности проживания испытываемой эмоции.

2. Научиться навыкам эмоционального менеджмента. Умение управлять эмоциями достигается в результате понимания и маркировки эмоций, умения отпускать болезненные эмоции, различать позитивные и негативные стратегии.

3. Повысить навыки эмпатии, пробуждая в себе «чувства добрые» ко всем людям. Развитие эмпатии достигается в результате развития социальных навыков, расширения круга общения. В повышении эмпатии участвует умение активно слушать, быть толерантным к другим людям и их мнениям.

4. Поднять собственную самооценку и веру в себя. Из практических приемов развития самомотивации можно выделить тренировку целеполагания, умения расставлять правильные приоритеты и прислушиваться к собственным ощущениям. Для сохранения мотивации в переломные рабочие моменты необходимо научиться радоваться даже поражениям, рассматривая их как ценный опыт.

Проведенная в рамках группы диагностика показала важность и актуальность темы эмоционального интеллекта. Большинство людей, обращая внимание только на материальные проявления их жизненной активности, забывают прислушиваться к собственному эмоциональному состоянию. В результате, за счет снижения общего уровня EQ, страдают все сферы жизни человека: начиная от собственного здоровья и заканчивая карьерными перспективами и общением в социуме.

Список литературы

1. Воробьева, Е. В., Косоногов, В. В., Ковш, Е. М. Эмоциональный интеллект: генетические и психофизиологические корреляты. Монография. – М.: Мир науки, 2021. – URL: <https://izdmn.com/PDF/10MNNPM21.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).
2. Никулина, И. В. Эмоциональный интеллект: инструменты развития: учебное пособие / И. В. Никулина. – Самара: Издательство Самарского университета, 2022. – 82 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Бухнер Наталия Юрьевна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: nbuhner@mail.ru
2. **Васильев Владимир Федорович** – психолог, психоаналитик, Восточно-Европейский Институт психоанализа (г. Санкт-Петербург). E-mail: navzlet1@yandex.ru
3. **Васильев Сергей Федорович** – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: ghjrk@rambler.ru
4. **Вознюк Елена Борисовна** – кандидат культурологии, доцент кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: liina_06@mail.ru
5. **Гикал Григорий Вячеславович** – ассистент кафедры «История государства и права» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: RivaXC@mail.ru
6. **Горбунов Владимир Евгеньевич** – студент 2 курса гр. ПИ-21 Факультета информационных технологий АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: gorbunov-2004@bk.ru
7. **Демин Иван Валериевич** – старший преподаватель кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: IvanValDemin2012@mail.ru
8. **Журавлева Светлана Михайловна** – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: jurav27@yandex.ru
9. **Золотова Наталья Дмитриевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: ndzolotova@gmail.com

10. **Инговатов Владимир Юрьевич** – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: ingvlad@mail.ru
11. **Кузнецова Виктория Викторовна** – студентка 2 курса гр. МиТМ-21 Факультета специальных технологий АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: v1k4.kzn@yandex.ru
12. **Панченко Илья Анатольевич** – менеджер Центра профориентации и довузовской подготовки АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: ist22ru@vk.com
13. **Подъяпольская Мария Александровна** – студентка 4 курса гр. СУЗ-01 Строительно-технологического факультета АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: mariapodyapolskaya@mail.ru
14. **Позднякова Елена Юрьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: helena_poz@mail.ru
15. **Рогозина Ирина Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры «Иностранные языки» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: irogozi@mail.ru
16. **Рыгалова Мария Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: mariya_rygalova@mail.ru
17. **Стенина Виктория Федоровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: steninavf@yandex.ru
18. **Степанова Екатерина Сергеевна** – студентка 4 курса гр. СУЗ-01 Строительно-технологического факультета АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: stkateriin@gmail.com

19. **Сулейменова Жанар Бейсангалиевна** – старший преподаватель кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: fipi86@mail.ru
20. **Татаркина Юлия Николаевна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия и социология». E-mail: tun1955@mail.ru
21. **Цыганенко Наталия Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: ziganenkonw@mail.ru
22. **Шупта Наталья Александровна** – старший преподаватель кафедры «Философия и социология» АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: natalya.shupta@mail.ru
23. **Яровикова Виктория Андреевна** – кандидат исторических наук, директор Центра профориентации и довузовской подготовки АлтГТУ им. И. И. Ползунова. E-mail: yarovicova.vica@mail.ru

Научное издание

**БАРУЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ:
Научный альманах**

Выпуск 4
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей

Издано в авторской редакции

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Алтайский государственный
технический университет им. И.И. Ползунова»,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46

[В начало](#)